

Материалы круглого стола

**«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ
НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ»**

Нальчик

2013

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
Х.С. Кушхов Кавказская война и международное право	9
А.С. Марзей Выселение адыгов западной Черкесии в Османскую империю в период с 1862 по 1865 годы: определяющие факторы процесса	19
Ю.Ю. Карпов Особенности социально-политической жизни горских обществ Дагестана в начале XIX в. в контексте проблематики Кавказской войны.....	42
Т.Х. Алоев Гибель Натухая и феномен Куштанока: от идиосинкратичности образов к целостному видению.....	64
64О.А. Жанситов После геноцида: перспективы реабилитации этноса.....	108
Т.Р. Загазежев «Проект Кубань» или о методах демонтажа исторического ландшафта Северо-Западного Кавказа.....	124
Х.С. Кушхов Проблемы национальной идентичности черкесов в условиях этнической парциации	137
Т.Х. Алоев Мордва и Черкесы в РФ: дисбаланс федерализма или двойные стандарты в отношении народов?	152
Резолюция участников круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления».....	181

От составителей

«С благополучным окончанием Кавказской войны... в 1864 году... от стройного прежде и цельного [черкесского] народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок...» «Особенно быстро исчезают народцы адыгейские или черкесские, которые еще в половине нынешнего столетия считались, если не миллионами, то сотнями тысяч». «Черкесы, которых знали греки ещё 25 веков назад, уложены на кладбище народов»...

Если эти и подобные им рассуждения/наблюдения стали частыми с середины 60-х гг. XIX в. сложно игнорировать вопрос о том, каким образом крупнейший народ Кавказа оказался на грани этнического небытия. Исследовательский интерес, по-прежнему, как и двадцать лет назад, когда идеологический диктат перестал довлеть над историческими изысканиями, остался чётко к выяснению важнейших аспектов обрушившейся на черкесов в позапрошлом веке трагедии. На сегодняшний день, очевидно, что выяснение причин тех процессов, которые завершились национальной катастрофой черкесов требует приложения дополнительных исследовательских усилий. Сейчас можно констатировать, что даже на уровне введения в научный оборот значительной, возможно даже большей части источников относящихся к данной тематике имеются явные упущения. В этой связи вполне закономерно, что говорить о концептуальном осмыслении столь заметного катаклизма, можно лишь с определенной натяжкой (при том, что подходов в его изучении существует не один).

Во многом и по этой причине в рефлексиях над сегодняшними проявлениями узла проблем завязанного полтора столетия назад и оформившихся в узнаваемый дискурс под устойчивым названием «черкесский вопрос» присутствует, а точнее доминирует чрезмерно конъюнктурный, ангажированный сегмент. Вызвано это было, на наш взгляд, также тем обстоятельством, что с объявлением в 2007 году г. Сочи столицей XXII Зимних Олимпийских игр возникла необходимость в создании

благоприятного информационно-идеологического фона для их проведения. И если недовольства высказываемые в связи с уроном наносимым окружающей среде в районе осуществления масштабных строительных работ или невиданными (в истории подготовки подобных спортивных мероприятий) финансовыми затратами, компенсация которых в перспективе, вероятнее всего, ляжет на плечи рядового налогоплательщика были, в основном, «нейтрализованы» посредством отработанных, шаблонных PR ходов, то такой подход был заведомо неэффективен в отношении глубокой в хронологическом измерении, комплексной и болезненной в моральном плане проблемы связанной с черкесами, на этнической территории которых намечается проведение международного спортивного форума.

В сложившейся ситуации обращения и даже просьбы от лица черкесов на Кавказе (посредством научных форумов, общественных организаций и представительных органов субъектов федерации) и в диаспоре, которые на протяжении предыдущих двадцати лет последовательно игнорировались федеральным центром приобрели качественно иное, международное звучание. Стратегия умолчания, которой многие годы придерживалась российская власть, стала далее невозможной. И она, к сожалению, вместо того чтобы попытаться, используя момент, перехватить инициативу, предложив широкое, транспарентное обсуждение всего круга проблем черкесского народа и наметить пути конструктивного их решения избрала наиболее лёгкую и предсказуемую, но наименее продуктивную, прежде всего для самой себя, форму реагирования на вызов. Таким образом, она, лишив себя возможности задавать актуальную повестку, обрекла себя на рефлекторный модус поведения относительно данной проблемы. В результате информационное поле вокруг намечающегося спортивного форума в контексте проблем черкесского этноса было отдано на откуп снаряженной на демпфирование заданной «угрозы», разношерстной когорте публицистов. Многочисленные авторы, в абсолютном своем большинстве не являющихся специалистами не только по истории и культуре черкесов, но имевших до этого весьма отдаленное представление о кавказской тематике

стали интенсивно формировать информационный контент определенного типа. Проявляющееся при этом явное тяготение к специфической интерпретации определенных вопросов и задействованный язык описания, как событий прошлого, так и текущей ситуации обнаруживают родовые признаки junk science («помойной науки») т.е. системы псевдонаучных нарративов, используемой для продвижения скрытых и особых интересов.

В этих условиях назрела необходимость попытаться вернуть дискуссию относительно событий черкесской истории полуторавековой давности и их влияния на современную ситуацию в кавказском регионе в академическое русло. Такая сверхзадача стояла перед участниками прошедшего в Нальчике 28 февраля 2013 г. круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы и перспективы научного осмысления». Публикуемые в этом сборнике статьи подготовлены на основе докладов, которые были представлены в ходе работы данного форума.

Открывает сборник статья Х.С. Кушхова «Кавказская война и международное право». Как можно понять из названия работа посвящена международно-правовому аспекту Кавказской войны, который, согласно мнению автора, «не получил до сих пор адекватного осмысления». Из подобного положения естественным образом проистекает то обстоятельство, что для «решения научных задач в комплексе» следует добиться того, «чтобы любая историческая оценка и любое эмоциональное восприятие событий прошлого по возможности были бы актуализированы аргументами правового характера». Автором «предлагается оценить Кавказскую войну с позиций основных принципов международного права», с каковых, на его взгляд, этот кровопролитный конфликт можно рассматривать «как преступление по целому ряду правовых категорий». Приводимый в тексте набор аргументов в пользу тезиса о том, что «с самого начала военные действия» против Черкесии (равно как и в отношении других стран региона) «велись с вопиющими нарушениями законов и обычаев войны» выглядит вполне убедительно. В этом плане справедливым является и положение о том, что Кавказская война на определенном этапе «приняла форму геноцида»

явившегося «для черкесского народа всеобъемлющей национальной катастрофой».

В содержании следующей статьи, автором которой является А.С. Марзей, можно найти субстанциональное созвучие вышеизложенным суждениям. Однако в отличие от предыдущей работы основной упор повествования делается на сугубо историческом рассмотрении обстоятельств стремительного, в период с 1862 по 1865 гг., исчезновения в Черкесии черкесского населения. Статья знакомит читателя с определяющими факторами, обусловившими столь масштабное выселение черкесов за пределы собственной страны. Особо следует подчеркнуть два момента исследовательского опыта автора. Так, на основе анализа широкого фактологического материала высвечена несостоятельность бытующей в российской историографии на протяжении многих десятилетий версии о якобы имевшейся возможности у черкесов выбрать переселение на кубанские равнины или в пределы Османской империи. На самом деле, альтернативы последней, как это обстоятельно показано в статье «Выселение адыгов Западной Черкесии в Османскую империю в период с 1862 по 1865 годы: определяющие факторы процесса» черкесам оставлено не было. Тем более что, и это второй момент, выселение черкесов, в обозначенных хронологических рамках, происходило принудительно, посредством войсковых операций и являлось ничем иным как депортацией абсолютного большинства адыгов.

Статья «Особенности социально-политической жизни горских обществ Дагестана в начале XIX в. в контексте проблематики Кавказской войны» была любезно предоставлена одним из ведущих современных кавказоведов Ю.Ю. Карповым. Хотя его исследование напрямую не затрагивает черкесскую проблематику, поднимаемые им вопросы о состоятельности т.н. «набеговой системы» как объяснительной модели истоков и сущности Кавказской войны весьма своевременны. Будучи одним из наиболее компетентных специалистов по истории Дагестана автор на материале этого региона показывает схематичность и отсутствие

эвристического потенциала у подобного подхода (о концепции в данном случае говорить не приходится). И, тем не менее, про работу Ю.Ю. Карпова можно сказать, что она блещет красноречивой недосказанностью. Остается только предполагать, каков был бы абрис «набеговой системы» если маститый ученый учел бы в своем очерке чрезвычайно разнообразный исторический контекст Черкесии.

Непосредственно к событийной канве Кавказской войны обращен и очерк Т.Х. Алоева «Гибель Натухая и феномен Куштанока: от идиосинкратичности образов к целостному видению». В нем автор предпринимает попытку выяснить насколько уместно, в существующих условиях, когда многие источники все-таки введены в научный оборот, продолжать следовать клишированным представлениям о тех или иных событиях. В данном случае речь идет о выяснении «меры ответственности» мусульманского духовенства в разразившейся на заключительном этапе Кавказской войны черкесской катастрофе. Результаты рассмотрения деятельности эфенди Куштанока с опорой на более широкий спектр первоисточников, нежели это до сих пор делалось в историографии, убеждает в необходимости внесения серьезных корректировок в подходах к данному вопросу.

Последующие статьи сборника посвящены исследованию современных проблем черкесов в РФ. Многие из них затрагиваются в работе О.А. Жанситова «После геноцида: перспективы реабилитации этноса». Повествование, выстроенное в компаративистском ключе, когда проблемы черкесов рассматриваются сквозь сравнительную перспективу с современным положением некоторых народов, подвергшихся в колониальный период масштабному насилию, позволяет составить адекватное представление о степени комплиментарности условий в которых, на данном этапе, пребывает адыгский этнос в РФ. На фоне того, что во многих государствах с опытом колониального прошлого и совершенных злодеяний над коренными народами сложилась культура покаяния, что и отражается в тексте О.А. Жанситова, довольно странно воспринимается то

обстоятельство, что страна, чья культура, согласно современному автопозиционированию, преимущественно зиждется на православной традиции не находит в себе сил признать допущенные в прошлом несправедливости.

Не будет преувеличением сказать, что отсутствие стремления к моральному самоочищению (катарсису), в известной мере свидетельствует о застревании общественного климата в лоне регенерирующейся деструкции. В данном контексте не удивительно, что в отдельно взятом регионе РФ стала возможной многолетняя целенаправленная практика подрыва научно обоснованной картины исторической действительности. Одной из гримас этой девиации посвящена статья Т.Р. Загазежева «“Проект Кубань” или о методах демонтажа исторического ландшафта Северо-Западного Кавказа». Рассмотрение некоторых аспектов информационной политики в Краснодарском крае привел автора к нелицеприятному выводу о том, что «по сути, в рамках официально продекларированных принципов демократии и федерализма в современной РФ воспроизводятся практики, имеющие сугубо тоталитаристские корни».

Завершающие сборник работы Х.С. Кушхова и Т.Х. Алоева посвящены вопросам черкесской идентичности. Подойдя к проблеме с разных позиций, в первом случае, преимущественно отслеживая диахронную динамику становления единого адыгского самосознания, а во втором, артикулируя его устойчивость под воздействием неблагоприятных факторов в сравнительном, синхронном плане, авторы удачно дополнили свои видения. Несмотря на то, что в текстах обнаруживаются некоторые расхождения теоретического характера, авторы едины в главном – на данном этапе Российская Федерация не предоставляет черкесам полноценных условий для поддержания своей этнической идентичности.

В силу объективных причин, широкий спектр вопросов относящийся к затронутой здесь проблематике не нашел отражения в ходе реализации настоящей инициативы. Такие темы как черкесский вопрос и сирийский кризис, поведение властных структур в «черкесских» республиках в

контексте современной политической конъюнктуры, причины возникновения и формы проявления абазо-черкесских противоречий, феномен молчания со стороны черкесского научного сообщества относительно наиболее животрепещущих на данном этапе проблем этноса, морально-этические аспекты проведения сочинской Олимпиады в год 150-летия окончания Кавказской войны завершившейся геноцидом черкесского народа, вопросы разрушения экологии и культурного наследия черкесов в исторической колыбели этноса в связи с подготовкой инфраструктуры для Олимпийских игр и др., надеемся, получат свое осмысление в будущем.

Х.С. КУШХОВ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Кавказская война по своему масштабу и резонансу относится к числу крупнейших событий всемирной истории. В течение целого столетия (1763 – 1864) противостояние Черкесии, Чечни и Дагестана агрессии Российской империи сопровождалось невиданными в эпоху нового времени жертвами с

обеих сторон. Поистине глобальной национальной катастрофой стала Кавказская война для черкесов, 9/10 которых либо погибла, либо была изгнана с родной земли в пределы Османской империи, а с исторической арены и географической карты мира практически исчезла Черкесия – самая значительная страна Кавказа.

Несмотря на то, что основная цель – подчинение Кавказа юрисдикции Российской империи в конечном итоге была достигнута – война оказала разрушительное воздействие на ресурсы России. Это привело страну не только к безусловному поражению в Крымской войне, но и к унижительным условиям Парижского конгресса 1856 г., значительно ущемлявшим ее суверенитет.

Крушение советской тоталитарной империи предельно актуализировало исследование всего комплекса исторических проблем, связанных с Кавказской войной. Целый ряд введенных в последние годы в научный оборот материалов свидетельствует, что исследование проблем Кавказской войны является не только задачей объективизации познания исторического процесса, но и способом апелляции к исторической памяти в поисках новых, адекватных времени идентичностей народов Кавказа.

В то же время международно-правовой аспект Кавказской войны не получил до сих пор адекватного осмысления. В этой связи представляется чрезвычайно важным не только объективное отражение исторического процесса как в гносеологическом, так и аксиологическом измерении, но и юридическая оценка событий в строгом соответствии с существующими дефинициями и признанными нормами международного права.

Отсюда и главная цель статьи: постановка проблемы для привлечения внимания профессионалов-исследователей к решению научных задач в комплексе. Представляется важным, чтобы любая историческая оценка и любое эмоциональное восприятие событий прошлого по возможности были бы актуализированы аргументами правового характера.

Большинство правовых норм и положений, о которых пойдет речь, приняты международным сообществом после окончания Кавказской войны.

Закон, как известно, обратной силы не имеет. В этом контексте прямых юридических последствий большинство этих норм применительно к конкретным событиям Кавказской войны с формальной точки зрения могут и не содержать. Более того, многие нормы и принципы международного права до сих пор не имплементированы российским законодательством. В то же время существуют подписанные еще СССР Конвенция о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.) и Конвенция о предупреждении геноцида и наказания за него (1948 г.). Изучение этих международных правовых актов может содействовать формированию реальных правовых механизмов по фактическому преодолению последствий Кавказской войны.

Другим действенным механизмом преодоления последствий Кавказской войны может служить так называемое прецедентное право, широко применяемое в мировой юридической практике. Суть его заключается в способе и существе решения какого-либо вопроса, используемого в качестве примера при рассмотрении других, аналогичных случаев при условии их соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права [1]. Сам по себе международно-правовой прецедент не является источником международного права и его чаще применяют в качестве вспомогательного средства. Тем не менее, он оказывает определенное влияние на формирование новых норм и международных обычаев.

Таким образом, предлагается оценить Кавказскую войну с позиций основных принципов международного права, т.е. «принципов, являющихся концентрированным выражением и обобщением общепризнанных норм поведения субъектов международных отношений в наиболее важных вопросах международной жизни на определенном историческом этапе» [2, с.10 – 28.]. С этих позиций Кавказскую войну можно оценивать как преступление по целому ряду правовых категорий.

В международном праве одним из тягчайших противоправных деяний признается такое основополагающее понятие как преступления против мира и человечества. Впервые оно нашло отражение в Уставах международных

военных трибуналов в Нюрнберге и Токио (1946 – 1948), где были осуждены главные военные преступники Второй мировой войны. Преступления против мира и человечества не имеют срока давности и характеризуются как «тягчайшие международно-противоправные деяния, создающие угрозу безопасности, а также посягающие на иные жизненно важные основы мира и свободного развития государств и народов» [3, с. 111 –125].

К преступлениям против мира и человечества относятся: преступления против мира (в т. ч. планирование, подготовка и ведение агрессивных войн, иные проявления агрессии); военные преступления, т.е. нарушение законов и обычаев войны; преступления против человечности (убийства и иные злодеяния, совершенные в отношении гражданского населения; расизм, геноцид, апартеид; все формы колониализма) [3].

Большинство исследователей датируют начало Кавказской войны 1763 годом, когда на исконно кабардинских землях в урочище Моздок Россия вознамерилась заложить одноименную крепость с военным гарнизоном. Это был откровенный акт агрессии, представлявший прямую угрозу суверенитету Кабарды. Отсюда понятно, что « «постройку Моздока в Кабарде однозначно расценили как недружественный акт и аннексию кабардинской территории» [4, с. 204].

Акция агрессии против Кабарды не только положила начало столетней Кавказской войне, но и шла вразрез с действующими принципами международного права, так как нарушала статьи Белградских договоренностей 1739 г., которые легитимировали независимость Кабарды. Де-юре Кабарда являлась субъектом международного права до 1774 г., когда согласно Кючук-Кайнарджийскому договору она формально признавалась частью России, хотя фактическое ее подчинение юрисдикции Российской империи произошло только в 20-х годах XIX в.

Схожие международно-правовые казусы имели место и в отношении Западной Черкесии. Так, согласно Адрианопольскому договору 1829 г., она признавалась принадлежащей России, хотя де-факто Черкесия потеряла независимость только 21 мая 1864 г. В этой связи необходимо подчеркнуть,

что и Кючук-Кайнарджийский, и Адрианопольский договоры были заключены без участия черкесов. Отсюда вполне естественно возникают сомнения относительно юридической правомочности этих договоров по отношению к Черкесии. Фактически одна сторона – Османская империя – «уступала» другой – Российской империи – территории, которыми она никогда не владела.

Оценивая события Кавказской войны в международно-правовом измерении, следует подчеркнуть, что существует огромное количество неоспоримых документальных свидетельств того, что с самого начала военные действия против Кабарды, Западной Черкесии, Чечни и Дагестана велись с вопиющими нарушениями законов и обычаев войны. Соблюдение этих законов предполагает исключение наиболее жестоких способов и средств ведения войны, а также обеспечение защиты гражданского населения. Однако в ходе Кавказской войны были уничтожены сотни тысяч людей, прежде всего, беззащитного гражданского населения. Не щадили женщин, детей, стариков. Кавказские аулы и уголья выжигались дотла, тем самым лишая население всех источников жизнеобеспечения.

Царские генералы проводили своеобразные соревновательные действия в жестокости, о чем свидетельствуют их победные репортажи в Петербург. Так, в 1804 г. генерал Глазенап, проведя истребительную экспедицию в Кабарде, с удовлетворением докладывал, что «их можно с справедливостью почтить вновь покоренным народом» [5, л. 95]. Другой генерал – Булгаков – докладывал в 1810 г. об одной из самых жестоких в ходе всей войны экспедиции: «Кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски и что они, потеряв много имущества, которое сожжено вместе с двумястами селений, не начнут неблагонамеренных действий противу границ линии Кавказской» [5, л.224].

Беспримерная жестокость Булгакова вызвала неудовольствие даже Петербурга, посчитавшего, что такие погромы только осложняют политику по завоеванию Кавказа. Военный министр Барклай де Толли в письме А.П.

Тормасову отмечал: «Разные дошедшие слухи подают повод к суждению, что в средствах, предпринятых к усмирению мятежников г. Булгаков употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечности перешел границы своей обязанности. Если верить известиям, то экспедиция против кабардинцев и закубанцев состояла в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависть их...»[5, л. 237].

Методы известного своей садистской жестокостью генерала Засса возмутили декабриста Лорера: «В разговоре с Зассом я заметил ему, – вспоминал он, – что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же ответил: Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой?... Тут не годится филантропия, и А.П. Ермолов, вешая беспощадно, грабя и сжигая аулы, только этим успевал более нашего. Еще до сих пор имя его с трепетом произносится в горах и им пугают маленьких детей...». В поддержку проповедуемой Зассом идеи страха, на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа, при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы и бороды их развевались по ветру! Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище» [6].

Кавказская война велась не только с нарушениями норм и обычаев войны, но вскоре приняла форму геноцида. Геноцид, определяемый в правовом смысле как «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-нибудь национальную, этническую, расовую, или религиозную группу», стал для черкесского народа всеобъемлющей национальной катастрофой. С уверенностью можно утверждать, что ни один народ в мире в эпоху Нового времени не подвергался такому чудовищному по своему масштабу и жестокости военно-агрессивному воздействию, как черкесы. Достаточно напомнить, что, если к началу войны, по самым осторожным оценкам, черкесов было не менее 2 миллионов человек, то в результате ее, спустя столетие, их численность на Родине едва достигала 100 тыс. чел. С исторической карты мира исчезла целая страна под именем

Черкесия, занимавшая к началу войны территорию не менее чем в 100 –120 тыс. кв. км, для идентификации которой стали использоваться географические эвфемизмы «Северо-Западный Кавказ», «Центральное Предкавказье» и т.д. Более очевидного соответствия понятию «геноцид», чем уничтожение Черкесии и черкесов привести трудно.

Проявления геноцида черкесов были многообразны. Одной из чудовищных особенностей Кавказской войны стало изгнание огромного количества населения с родных земель в пределы Османской империи. Говоря современным правовым языком была проведена одна из первых в истории массовых этнических чисток. Подавляющее большинство кавказских изгнанников составляли черкесы, которых такая преступная акция поставила на грань полного физического уничтожения. Число депортированных колеблется, по разным источникам, от 500 тыс. до свыше 1 млн. чел.

Без массового изгнания кавказских народов с родины Кавказская война вошла бы в историю как один из многих масштабных кровопролитных конфликтов. Однако беспрецедентное лишение Родины сотен тысяч людей ставит эту войну в разряд наиболее тяжких военных преступлений и преступлений против человечности, последствия которых болезненно сказываются и по сей день. Черкесский народ вследствие Кавказской войны превратился в народ-изгнанник, а черкесский вопрос стоит в ряду наиболее острых современных этнополитических проблем мира.

Говоря о черкесах как о народе-изгнаннике, мы определяем реальное, фактическое содержание проблемы. Однако существует и формально-юридическая сторона, о которой нельзя забывать. Если мы хотим найти путь решения черкесской проблемы на правовой основе, то и должны пользоваться адекватными и общепризнанными юридическими дефинициями. Дело в том, что в международно-правовой системе нет понятия «народ-изгнанник». В международном праве «лица покинувшие страну, в которой они постоянно проживали, в результате преследований,

военных действий или иных чрезвычайных обстоятельств», именуются беженцами.

Тем не менее, раз за разом, в документах государственных органов и общественных организаций, в том числе Международной Черкесской Ассоциации, говорится о необходимости предоставления черкесам несуществующего статуса народа-изгнанника. Данная историко-правовая коллизия еще раз подчеркивает, что при решении сложных проблем современности необходимо базироваться на общепризнанных нормах международного права.

В то же время было бы несправедливо утверждать, что в научном дискурсе и публицистической литературе существует консенсус в вопросах детерминирования характера Кавказской войны и признания геноцида черкесов.

Аргументы противников признания преступного характера Кавказской войны и геноцида черкесов в концентрированном выражении сводятся к следующему: все трагические проявления Кавказской войны и массовое выселение горцев не являются следствием целенаправленной политики, а лишь имманентно присущая любой войне череда трагических событий.

В таком противостоянии мнений особенно велика роль «эксклюзивных первоисточников», каковыми несомненно являются российские императоры, мнения и слова которых в деспотическом государстве не подлежали обсуждению. В разгар войны император Николай I предписал своим войскам : «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [7, с. 229].

На завершающем этапе войны, когда черкесская депутация обратилась к Александру II, где они выражали свою покорность империи, однако просили только одного, оставить их на родных землях. Ответ императора звучал как приговор: «Даю вам месячный срок одуматься. Через месяц вы должны объявить графу Евдокимову, желаете ли вы перейти на места, указанные вам по р. Кубани, или же переселяйтесь в Турцию» [8, л.9 –11].

Государственную задачу по «истреблению и выдворению» черкесов активно решало и кавказское начальство. Один из участников событий М.В. Венюков свидетельствует: «Должно однако заметить, что граф Евдокимов, который был непосредственным исполнителем официального «проекта заселения Западного Кавказа» не слишком заботился об участи горцев, выселявшихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны, есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как неизбежное зло и делал что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни» [9, с. 435 –436].

Согласно плана командующего войсками правового фланга Кавказской линии и Черномории генерала Н.И. Евдокимова было решено «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселяться на открытые равнины, позади казачьих станиц, или уходить в Турцию» [10].

Главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель» [11, л.117].

Еще одним свидетельством преступного характера войны может служить признание историка Е.Д. Фелицына. «Война, – писал он, – шла с неумолимою суровостью. Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытапывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на плоскость под управление наших приставов, некоторые же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию» [12, с. 164].

В марте 1864 г. наместник Кавказа Великий князь М.Н. Романов в рескрипте военному министру заключал: «Вопрос о времени окончания войны при настоящих обстоятельствах приводится к тому, во сколько

времени успеем мы отправить в Турцию враждебное нам население» [13, л.17].

Наиболее емко и кратко официальную политику Российской империи по выселению и этнической чистке выразил историк Р.А. Фадеев: «Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности».

Приведенные документальные свидетельства вполне убеждают, что официальная политика царской России по отношению к черкесам в период Кавказской войны может быть определена таким правовым понятием как геноцид.

Равнодушное созерцание мировым сообществом национальной катастрофы черкесов, отсутствие адекватной и своевременной политико-правовой оценки во многом предопределили повторение подобных преступлений в последующие периоды истории. Так, во время Первой мировой войны стал возможным геноцид армян, а Вторая мировая война потрясла мир трагедией еврейского народа – холокостом. Последняя трагедия получила наибольший резонанс в силу различных причин. И не в последнюю очередь потому, что апокалиптические итоги Второй мировой войны стали важным импульсом, подвигнувшим мировое сообщество к утверждению современных принципов международного права, в которых особое внимание уделено осуждению и предупреждению геноцида и других преступлений против человечности.

Осуждение геноцида евреев может послужить также важным международно-правовым прецедентом для признания и осуждения геноцида черкесов в ходе Кавказской войны, а также преодоления его последствий.

Примечания

1. Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. М., 1977.
2. Международное право /Отв. ред. Г.И. Тункин. М., 1982.
3. Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М., 1975.; Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983.

4. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006.
5. Архив КБИГИ, ф.1, оп.2, д.24.
6. Русский архив. 1847, № 7, с.170 –171.
7. Щербатов. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. СПб, Т. II. 1891.
8. ЦГВИА. Ф.38, оп.30/286, св. 870, д.19.
9. Русский архив. СПб., Кн. I. Вып. I-II.
10. ОРБЛ. Ф.169. Милютин Д.А., п.9, д.13, л. ю. 234 –235.
11. ЦГВИА. Ф.38, оп.30/286, св.866, д.2.
12. Кубанский сборник. Т.Х. 1910.
13. ЦГВИА. Ф.400, д.8.

А.С. МАРЗЕЙ

ВЫСЕЛЕНИЕ АДЫГОВ ЗАПАДНОЙ ЧЕРКЕСИИ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В ПЕРИОД С 1862 ПО 1865 ГОДЫ: ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА

Процесс выселения черкесов Северо-Западного Кавказа был связан с колониальной политикой Российской империи и является прямым следствием Кавказской войны. На её заключительном этапе выселение аборигенов региона в пределы Османской империи рассматривалось царским правительством как военно-политическая мера, гарантирующая скорейшее завершение войны и установление в нем полноценного российского контроля. Выселение проводилось войсками в условиях боевых действий путем вытеснения населения из гор к берегу Черного моря. В этот период (1862–1864) произошла депортация подавляющего большинства черкесов Северо-Западного Кавказа.

В сентябре 1861 г. состоялась встреча российского императора Александра II с черкесскими депутатами (от шапсугов, абадзехов, убыхов и, возможно, натухайцев), на которой им был предъявлен ультиматум – в течение месяца оставить свои земли и выселиться туда, куда им укажет царское правительство. В противном случае с первых чисел октября войска

возобновляли широкомасштабные военные действия, со всеми вытекающими последствиями (уничтожением сопротивляющихся, захватом мирного населения в качестве военнопленных, уничтожением жилищ, посевов, угоном скота).

Подавляющее большинство черкесов отвергло российский ультиматум; не собиралось оставлять Родину, и было решительно настроено защищать свои земли. Только, примерно, 60 тысяч из них согласилось переселиться на Кубанскую низменность. Остальное черкесское население, исчислявшееся в сотни тысяч человек, оставалось на территории между Белореченской кордонной линией и побережьем Черного моря [1, с.122, 143].

В числе этого населения кроме нутхайцев, абадзехов, шапсугов и убыхов, были абазины северного и южного склонов Кавказского хребта, а также части вытесненных сюда ранее «беглых» кабардинцев, мохошевцев, егерукаевцев, темиргоевцев и представителей других локальных групп черкесов. Данная территория не контролировалась российскими войсками – её завоевание и изгнание жившего на ней населения должны были проходить одновременно.

На самом черноморском побережье под российским контролем к 1860 г. оставались только укрепление Константиновское (бывший Новороссийск) и Тамань. Само побережье международными соглашениями признавалось принадлежащим России и блокировалось крейсирующей вдоль берега Черного моря эскадрой. С 1829 г. черноморское побережье Кавказа находилось в блокаде (с перерывом в годы Крымской войны) и все суда, причаливавшие к берегу воюющей Черкесии захватывались как контрабандные. Они подлежали конфискации, а их экипажи подвергались аресту. Ввиду этих обстоятельств имевший место с 1858 по 1861 гг. переселенческий процесс на территорию Османской империи в значительной мере осуществлялся через находившиеся под российским контролем порты, с выдачей мигрантам российских паспортов.

Симптоматично, что уже в этот период, когда масштабы миграции в пределы Османской империи были относительно ограниченными, Порты

стала протестовать и требовать от России остановки переселения, ставившего султанское правительство в затруднительное положение. На это российское правительство лицемерно отвечало, что «горцы» получают паспорта для совершения паломничества и оно, уважая их религиозные чувства, не может им запретить выезжать. Хотя долгие годы, еще со времен Ермолова (с 1820-х по 1850-е гг.), правительство ограничивало и препятствовало паломничеству жителей Кавказа к святым местам. Но теперь под видом паломничества происходило выселение нелояльных к российской власти кавказцев, поэтому правительство этому не только не препятствовало, а всячески поощряло. В связи с этим представляет интерес следующий документ. Это письмо командующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Г.Д. Орбелиани к командующему войсками Кубанской области генерал-адъютанту Н.И. Евдокимову от 11-го сентября 1862 г. В нём, в частности, говорится, что «начавшееся в 1858 году переселение мусульман наших в Турцию было предметом весьма деятельной дипломатической переписки нашего правительства с турецким. Рассмотрев эту переписку, я увидел, что Порты не только никогда не изъявляла желаний принимать к себе наших выходцев, но постоянно жаловалась на затруднения, в которое ставит их прибытие большими массами. Турецкое министерство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел и к наместнику Кавказскому с настойчивыми просьбами остановить эти переселения. Эти жалобы и требования были нами отклонены под тем предлогом, что правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуска для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, Турецкое правительство не будет возражать, запрещение подобных отпусков мы не считаем возможным. Так как переселенцы отправлялись на свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возразить против этой меры, тем более, что и размеры переселения скоро уменьшились. Теперь, когда переселенцы начнут снова прибывать во множестве на судах, зафрахтованных казною, а не на собственный счет, переселение получит совсем иной вид. И мы уже не будем иметь права

отклонять жалобы под предлогом столь же благовидным как и прежде». Поэтому было решено, что до тех пор, пока «турецкое правительство согласится принимать переселенцев без ограничения их числа... принять все возможные меры:

- 1) распоряжения о найме судов имели сколько можно менее гласности.
- 2) чтобы переселенцы направлялись сколько возможно меньшими партиями, дабы не поставить турецкие власти в затруднительное положение и
- 3) чтобы на казенный счет перевозимы были только семейства непокорных нам горских обществ, ибо прежде всего мы должны стараться об их удалении» [2, с.1010–1012].

Как известно, последний проект завоевания закубанской части Черкесии был утвержден на совещании, созванном главнокомандующим Кавказской армией А.И. Барятинским во Владикавказе 3 октября 1860 г. На этом совещании большинством был поддержан план предложенный командующим войсками Кубанской области генерал-адъютантом Н.И. Евдокимовым. План Евдокимова предполагал полное «очищение» Западной Черкесии от адыгов и её заселение казачьим населением. Осуществление этого плана предполагало решение главной проблемы – нахождение новых мест расположения для изгоняемого черкесского населения. Евдокимов убедил Барятинского в возможности удаления черкесов в пределы Османской империи. Как вспоминал А.Л. Зиссерман Евдокимов, «и на левом, и на правом крыле Кавказской линии стоял за систему поселения казаков, что и приводил в исполнение на левом по возможности, а на правом – решительно, для чего и стремился, во что бы то ни стало, выгнать горцев в Турцию...» [1, с.248].

Чтобы ускорить решение вопроса о депортации черкесов и предотвратить препятствия со стороны турецкого правительства, в 1860 г. в Стамбул выехал генерал-майор М.Т. Лорис-Меликов. Он добился, согласия Порты на приём черкесских изгнанников «... не разом, а малыми партиями» [3, с.165].

С 1862 г. лозунг «поездки на поклонение гробу Магомеда», под которым прикрывалось выселение «горцев» (черкесов, абазин, ногайцев), был отброшен. Теперь, когда военная администрация начала активную деятельность по насильственному выселению черкесов, оно носило характер не эмиграции, а прямой депортации [4]. Именно в этот период интенсивных боевых действий (1862–1864) в Турцию была депортирована основная масса коренного населения Северо-Западного Кавказа. Но так как количество выселяемых исчислялось теперь не десятками, а сотнями тысяч, российскому правительству было необходимо решить ряд организационных вопросов.

Прежде всего, наместником Кавказа была передана просьба русскому поверенному в делах в Константинополе «употребить все усилия к тому, чтобы Порты не препятствовала ... в этом деле» [5, с.206]. Генерал-майор М.Т. Лорис-Меликов поставил в известность всех турецких судовладельцев, что они могут, не опасаясь ареста и даже без таможенного досмотра приставать не только к портам, но и ко всему черноморскому побережью для погрузки черкесов. «Исходя из предложения кавказского начальства, объявлено турецким каботажникам, что русские власти допускают прихода к портам кавказским для отвоза оттуда горцев. Турецкие шкипера ещё боялись отправляться к горцам, но та боязнь вскоре исчезла, когда некоторые из них благополучно вернулись с горцами», – сообщается в письме российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову [1, с.75]. «Главное препятствие к выезду горцев состоит в крайнем недостатке перевозочных средств. На этом основании мы должны... временно изменить наш образ действий, а потому кутаисскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту князю Мирскому дано следующее приказание: в виде временной меры сделать распоряжение... турецким судам, хотя бы они имели таможенную контрабанду, не препятствовать приставать к любому пункту берега, населенного горцами, а равно отнюдь не останавливать их, если на обратном пути они будут вести горцев, переселявшихся в Турцию» [1, с.84]. Так как этих судов было недостаточно для транспортировки скопившейся на берегу моря огромной массы

населения было принято решение за счет российской казны зафрахтовать дополнительное количество судов, с тем чтобы ускорить выселение, «...что совершенно согласно с нашими видами и может весьма ускорить окончательное покорение всего Кавказа» [1, с.84].

Возникает вопрос, каким образом царское правительство добилось согласия Порты принять изгоняемых черкесов? Мы уже отмечали, что ещё в период с 1858 по 1861 г., когда выселение кавказцев не носило такого массового характера (в этот период переселилось менее 100 тысяч человек) и оно проводилось под видом паломничества, Османское правительство, испытывавшее большие затруднения с приёмом этих переселенцев, неоднократно просило российское руководство остановить этот процесс [1, с.37]. Основную массу переселившихся в этот период составляли ногайцы, черкесов среди них было несколько десятков тысяч человек. Теперь же (с 1862) речь шла не о десятках, а о сотнях тысяч переселенцев прибывавших в больших массах в анатолийские порты.

Для того чтобы прояснить, каким образом было получено согласие Порты на принятие изгоняемых черкесов, необходимо коснуться сути так называемого «восточного вопроса» и той сложной геополитической комбинации интересов и противоречий, сложившейся между странами, заинтересованными в нём. Дело в том, что Османская империя в это время находилась в тяжелейшем социально-экономическом и политическом кризисе и фактически утратила возможность проводить самостоятельную внешнюю политику, которая зависела от позиций в «восточном вопросе» Англии, Франции и России. Сам же «восточный вопрос» заключался в том, что огромная Османская империя находилась на грани развала и, если она ещё существовала, то только потому, что три великие державы (Англия, Франция и Россия) не начинали дележа, ввиду того обстоятельства, что каждая из них желала получить «кусочек» по больше из бывших османских владений, нежели остальные конкуренты. За многие десятилетия консенсус между ними никак не складывался. Инициирование же раздела даже при несогласии одной стороны было не возможно, так как Турция при этом

приобретала в лице этой державы своего союзника. Россия, вначале поддерживавшая идею раздела, с начала XIX в. стала проводить политику, направленную на сохранение Османской империи, дожидаясь складывания для себя более благоприятной внешнеполитической конъюнктуры. Эта политика осуществлялась не только сугубо дипломатическими средствами, но при необходимости с помощью военного вмешательства. Так, в 1798–1799 гг. российский флот помог османам оградить их средиземноморские владения от французской агрессии и предотвратить её распространение на Балканы. В то же время было приостановлено проникновение французского флота в Черное море [6, с.59]. Все предложения Франции к России о полном разделе отвергались, так как России было выгодно иметь соседом слабую Турцию, чем Францию, утвердившуюся на развалинах Османской империи [6, с.62].

Об устойчивости данного курса Петербурга свидетельствуют события имевшие место спустя несколько десятилетий. В 1833 г. по просьбе Порты Россия направила к Босфору эскадру с 30-тысячным десантным отрядом с тем, чтобы остановить наступающие на Стамбул войска египетского паши Мухаммеда-Али.

В 1848 г. совместными усилиями турецкой и русской армий были подавлены народные выступления в Валахии и Молдавии, кстати сказать, православных странах, покровителем которых объявляла себя Российская империя.

Вообще русское правительство проводило двойственную политику в «восточном вопросе». В Петербурге понимали, что развал Османской империи предопределён, но правящие круги России воздерживались от искусственного стимулирования этого процесса и придерживались политики выжидания естественного распада.

В то же время Россия стремилась укрепить своё влияние на Балканах и любое ухудшение положения Османской империи, любой конфликт султана с подвластными княжествами использовала в своих интересах. Таким образом, внутренняя и внешняя политика Порты давно перестала быть делом

только султана и его окружения, Россия и европейские державы активно вмешивались и влияли на неё.

Учитывая то обстоятельство, что Турция в значительной степени зависела от России, выступавшей гарантом её целостности и активно влиявшей на внутреннюю и внешнюю политику османского правительства, генералу М.Т. Лорис-Меликову, посланному в Стамбул со специальной миссией, не составило особого труда добиться согласия турецкого руководства на приём черкесских изгнанников. Официальное согласие Порты на приём «горцев» было вынужденным и дано было в результате сильного дипломатического давления, оказанного на неё русским правительством [2, с.1011].

Показательно, что после того как Османское правительство к 1865 г., не справляясь по ряду причин, с громадным наплывом переселенцев с Кавказа, официально отказалась их принимать, Петербург проигнорировал все жалобы и продолжал депортацию черкесов.

Таким образом, выселение основной массы черкесского населения Северо-Западного Кавказа произошло в период с 1862 по 1865 гг. (более полумиллиона человек) в результате действий российских войск и носило для них принудительный характер. До 100 тысяч человек (в это число кроме черкесов входят и ногайцы) переселилось со второй половины 1850-х до конца 1861 г. по российским паспортам под видом паломничества в святые места [1, с.37]. От 60 до 100 тысяч человек приняло ультиматум, предъявленный русским царём черкесским депутатам 18 сентября 1861 г. и было расселено на Кубанской плоскости [1, с.122, 248].

В официальной дореволюционной, а позднее и в советской историографии события, связанные с изгнанием черкесов с Кавказа, преподносились таким образом, будто у них была реальная альтернатива между переселением в Турцию или на Кубанскую плоскость.

Действительно, основная масса черкесов отвергла ультиматум царского правительства и отказалась переселяться на Кубань под контроль российской администрации, надеясь путем проведения экстренных мер военно-

политического, административного и дипломатического характера отстаивать свою независимость. Понимая несопоставимость своих сил и наступающей русской армии (под конец войны её численность на Западном Кавказе доходила до 200 тысяч человек) лидеры черкесского сопротивления соглашались пойти на любые компромиссы в переговорах, при одном условии – оставлении их на местах своего проживания [1, с.122, 140, 154].

Начальник главного штаба Кавказской армии генерал-майор Д.А. Милютин отмечал, что завоевание Кавказа производилось одним из двух способов. «1) Покорение местных жителей с оставлением их на занимаемых землях или 2) отнятием у жителей земель и водворением на них победителей». Первый способ применялся по преимуществу к народам Восточного Кавказа, «к закубанским же черкесам... подобную систему действий, – считал Милютин, – применить невозможно» [2, с.762].

Планы изгнания адыгов с территории Западной Черкесии рассматривались российским командованием и раньше, но они в предыдущий период не предполагали удаления всего населения. Вице-адмирал Л.М. Серебряков, считавший, что нельзя надеяться на миролюбивые обещания «легкомысленных» натухайцев, в донесении главнокомандующему на Кавказе от 17 июня 1853 г. писал, что «для покорения земли натухайцев нет другого средства как выгнать их из этого края силою оружия и в то же время устроить в их землях воинственные поселения в большом размере» [2, с.700].

С 1861 г. правительство приступило к реализации решения о полном «очищении» от черкесов пространства между Черным морем и Кубанью.

Как выше отмечалось, реализация этого плана предполагала решение ключевой проблемы – нахождения свободных территорий для поселения черкесов, изгоняемых со своих земель. По данным правительства полученным от Магомета-Амина, находившемся на российском содержании с конца 1859 г., численность только абадзехов, шапсугов и убыхов, без учета натухайцев, закубанских кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, мохошевцев, егерукаевцев, бжедугов, хатукаевцев, а также различных

абазинских обществ, составляла не менее 720 тысяч человек. Исходя из оценки Магомет-Амином численности взрослых и способных к воинской мобилизации мужчин в 360 тысяч человек, можно предположить, что речь шла, примерно о миллионном населении [1, с.115].

Разрабатывались различные проекты решения этой проблемы, предусматривавшие расселение черкесов вне Кавказа, на территории Российской империи. Но все эти проекты были признаны по разным причинам неисполнимыми. Предложенный план вытеснения населения с гор к побережью Черного моря и выселение в Турцию избавлял правительство от решения многих вопросов; ускорял окончание войны и навсегда, как считали тогда, решал проблему безопасности владения Россией Северо-Западным Кавказом. Поэтому переселение на левый берег Кубани, как условие покорности, носило со стороны царского командования декларативный характер, так как оно было заинтересовано в выселении черкесов именно в Турцию и делало для этого всё возможное. Как отмечал А.Л. Зиссерман в своей статье посвященной биографии фельдмаршала А.И. Барятинского, кавказский наместник, вместе с Н.И. Евдокимовым «находили более полезным совсем вытеснить горцев в Турцию, чем переводить их на плоскость, если бы они даже пожелали этого» [7, с.246, 269]. Ведь войска вытесняли население из гор не в сторону Кубани, а со стороны Кубани к морскому берегу, откуда им уже не оставалось ничего, кроме как уходить в Турцию. Дорога на северный склон Кавказского хребта для них уже была закрыта [7, с.177].

«Горцы» не переселившиеся в своё время на указанные правительством земли, но не желавшие покидать Кавказ, рассматривались как военнопленные и с ними могли поступать соответственно, т.е. они лишались всех личных и гражданских прав [8, с.226]. По особым правилам, введенным в ходе Кавказской войны, в качестве военнопленных рассматривалась не только мужская часть населения, ведущая вооруженную борьбу, но и всё гражданское население, включая женщин, детей и стариков. Если пленных воинов отправляли на каторгу или в арестантские роты, то их семьям грозила

отправка в Россию и раздача в качестве крепостных в помещичьи хозяйства. Такая перспектива не оставляла черкесам выбора [1, с.97].

Декларативный характер разрешения покорившимся черкесам поселиться на левобережье Кубани особенно явственно проступает на фоне следующих обстоятельств.

Прежде всего, следует указать на то, что на левобережье не было места для поселения многих сотен тысяч черкесов Северо-Западного Кавказа. Те 100 тысяч, которые были поселены здесь с 1861 г., испытывали недостаток хорошей земли, которая была для них единственным источником существования и они, в конечном итоге, в силу созданных для них здесь невыносимых условий для жизни, также впоследствии были принуждены к выселению в Османскую империю. Дело в том, что ещё до принятия нового плана покорения Западного Кавказа в 1860 г., стеснённые кордонными линиями горцы стали уходить далее в горы к независимым ещё черкесам, продолжавшим сопротивление (абадзехам, шапсугам, убыхам). Это приводило к чрезвычайному их поземельному стеснению и некоторые из них вынуждены были выселяться с семьями обратно на плоскость, контролируемую царской администрацией. И уже тогда возникла проблема – куда селить покорившихся «горцев».

Здесь уместно привести один любопытный документ. Это отношение генерал-адъютанта князя А.И. Барятинского к управляющему военным министерством генерал-адъютанту князю Васильчикову от 28 июня 1858 г. за №1005.

«Вопрос о том, что делать с этими выходцами, – говорится в нем, – представляется уже и ныне и нередко ставит местные власти в большое затруднение. Означенные выходцы, удрученные бедствиями всякого рода, которые они должны терпеть в горах, где скопилось враждебное население, являются по временам к русским начальникам и отдаются под их покровительство; но что может предложить им начальник?

– Оставить впереди наших линий значило предать их мести со стороны их единоплеменников, водворить их внутри Ставропольской губернии

невозможно, **по недостатку там земель** (выделено нами. – А.М.), отослать в Сибирь на поселение было бы жестоким наказанием, которое присуждается тем из них, которые обличены в грабеже, убийстве, измене; отправить на Дон для зачисления в казачье сословие также невозможно, потому что горцы добровольно на это не соглашаются. Остается в крайности расселять этих выходцев по мирным аулам, находящимся под непосредственной защитой наших войск, но мера эта обременительная для аулов, становится совсем невозможной при значительном увеличении числа выходцев и в таком случае приходится даже отклонять на время предложения покорности, всё в ожидании желаемого решения означенного трудного вопроса. Так или иначе, но правительство поставлено ныне в необходимость решить этот вопрос: как поступать с теми выходцами из гор, которые, не имея возможности оставаться среди враждебного нам населения, являются с покорностью и просят у нас приюта? Как избежать необходимости наказывать таких выходцев наравне с преступниками или отвергать их покорность?» [2, с.782].

Одной из мер, сдерживавших рост выходцев из гор на плоскость, было предписание военным начальникам на Линии не принимать покорность отдельных лиц или семейств, пока не будет принята покорность всего общества. Описывая события имевшие место на Западном Кавказе в 1861–1862 гг. В.Д. Скарятин отмечал: «...наше начальство приняло...меру самую решительную: оно отказывается принимать покорность отдельных аулов, пока не покорится всё племя. Мера эта может, с первого взгляда, показаться крайне жестокою; но, во-первых, война имеет свои права: на войне неизбежная необходимость может оправдать многое. Во-вторых,... такая мера поведет к скорейшему окончанию этой жестокой войны, остановить которую, не достигнув окончательной цели, теперь уже невозможно» [9, с.327].

Проблема размещения и обустройства покорившихся черкесов становилась всё острее с продолжением войны и особенно с 1861 г., когда было решено совершенно «очистить» пространство между Кубанью и побережьем Черного моря от населявшего его черкесского населения.

В связи с этим и стали возникать различные проекты и предложения размещения «горцев» вне Кавказа. Один из них принадлежал генерал-майору Д.А. Милютину. В докладной записке «К развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению с Кавказа части туземных племен» Милютин пишет следующее: «...по мере распространения вперёд нашего казачьего населения на земли враждебных нам племён, куда переселять тех горцев, которые вынуждены будут просить пощады и изъявят совершенную покорность? В Ставропольской губернии, как уже было замечено, нет свободных земель, а, напротив того, чувствуется в них недостаток для наделения кочующих магометан; при том, водворение горцев в тылу казачьего населения было бы только разменной с ними мест на Кавказе и отклоняло бы нас от главной цели, к которой мы должны неуклонно направлять наши действия, а именно: к развитию и усилению русского населения Северной покатости Кавказского хребта до решительного сильного перевеса его над живущими там племенами азиатского происхождения, которые и при настоящем числе их внутри края поставляют нас в затруднение содержать внутренние кордонные линии. Таким образом, для поселения тех враждебных племен, которые покоряясь нам безусловно, будут просить нас отвода земель, а также и для поселения выходцев и от непокорных племен, которые с каждым годом будут увеличиваться, по мере стеснения нами враждебного населения необходимо приискать места вне Кавказа» [2, с.772].

И далее следует изложение плана переселения части горцев на Дон, а донских казаков на Кавказ. План этот был отвергнут правительством по нескольким причинам. Во-первых, потому что для этого требовались большие финансовые затраты (9 миллионов рублей только на переселение русских поселенцев на Кавказ, не говоря уже о переселении горцев, на водворение которых также требовалась неопределенная сумма).

Во-вторых, предполагалось выселить 80–100 тысяч человек, в то время как, по мнению Донского казачьего атамана генерал-лейтенанта Хомутова: «горцев этих войско Донское может принять к себе отнюдь не более того,

сколько будет переселяться с Дону казачьих семейств на Кавказ, т.е. до 200 семейств в год. Причем необходимо зачислять горцев в казаки и расселять сие последние по казачьим станицам уравнительно между сими последними».

«В-третьих, удаление из гор 20 или 30 тысяч душ нисколько не ослабит воинственного духа горцев вместе с тем произведет неблагоприятное к русскому владычеству впечатление вообще среди неприязненных нам племен» [2, с.775].

В-четвертых, «...хотя кавказское начальство имеет в виду удалить из Закубанского края не всех туземцев, а только такое число, что бы русский элемент приобрёл там решительный перевес, то подозрительность туземцев пойдет дальше мысли местного начальства и увидит в этой мере неперменное намерение правительства изгнать вовсе из Родины всю массу их населения. Потому и должно опасаться, что подобное намерение правительства не останется тайною для горцев, хотя бы исполнение и было отложено, потому что оно обнаружится столь обширным развитием колонизации и самими условиями на которых приниматься будет покорность первых выходцев из гор и что одни слухи о том, не останутся без вредных последствий для спокойствия края» [2, с.772]. И, наконец, пятый основной довод, выдвинутый против этого проекта, изложил член Государственного Совета генерал-лейтенант Вольф, который считал, «что настоящая мысль предложения переселения горцев на равнины Донской земли есть не покорение, а истребление непокорных кавказских племён, потому что исполнение подобного проекта повело бы к самой воинственной и непримиримой борьбе. Ни один горец не согласится на предполагаемое переселение и скорее предпочтёт смерть, чем решиться оставить Родину» [2, с.773].

По этому плану предполагалось выселить лишь часть западных черкесов – около 80–100 тысяч человек, с тем, чтобы создать численный перевес русского населения над местным. В то время царское правительство ещё не знало точной численности аборигенов Кавказа – считалось, что общая

численность «закубанцев» не превышала полмиллиона человек. После изменения плана покорения Западного Кавказа и принятия решения о полном «очищении» от черкесов территории между Кубанью и Черным морем, где бы расселило царское правительство всех изгоняемых со своей земли черкесов? Предложение селиться на Кубанской низменности носило со стороны российского военного руководства декларативный характер, так как уже с 1858 г., как уже отмечалось, местные начальники вынуждены были отказывать в принятии покорности отдельным выходцам из гор в виду отсутствия свободных земель. Тем более что теперь речь шла не о нескольких десятках, а о сотнях тысяч людей.

Нехватка хороших земель вполне объяснима – она уже была роздана казакам, дворянам, чиновникам, переселенцам. Казачий надел, по закону был от 20 до 30 десятин на душу, а дворянский не менее 200 десятин. Черкесам же отводились болотистые, никуда не годные земли по 6 десятин на душу – в полном соответствии с идеологической доктриной автора плана изгнания черкесов с Кавказа графа Евдокимова. Его знаменитый принцип гласил: «Первая филантропия – своим; я считаю себя вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов» [8, с.184].

В силу указанных выше причин и как уже было отмечено, российское правительство проявляло заинтересованность в выселении черкесов именно в Турцию, так как в этом случае оно получало возможность избавиться от решения многих проблем (земельной, финансовой, военной – содержание значительных военных сил для контроля над нелояльным населением). Достаточно отметить, что на переселение всех черкесов в Турцию российское правительство израсходовало не более 200 тысяч рублей, из них большая часть ушла на фрахтовку судов [1, с.82, 145, 149, 181, 182].

Генерал-майор Д.А. Милютин считал, что чем больше окажется переселенцев за морем, «тем меньше затруднений мы будем иметь при дальнейшем устройстве покоренного края» [2, с.893].

Для осуществления плана «очищения» от черкесов занятых ими земель на Северо-Западный Кавказ были стянуты значительные силы, высвободившиеся после покорения Восточного Кавказа. «В последние годы войны на Кавказе, – сообщает в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, – мы должны были держать громадные силы: пехоты 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен иррегулярных; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных при 242 полевых орудиях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 млн. руб.» [1, с.140]. По требованию командующего А.И. Барятинского все стрелковые батальоны и роты Кавказской армии, вооруженные новейшими нарезными винтовками, были переданы войскам, действовавшим на Северо-Западном Кавказе. Все аулы между Кубанью и Черным морем планомерно уничтожались вместе с посевами, запасами продовольствия и имуществом. Причем это делалось самым жестоким образом: при штурме селений гибли не только мужчины, но часто женщины, старики и дети. Но, как считал один из участников тех событий И. Дроздов, «...только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных тущоб» [10, с.457]. Стесненные с трёх сторон действиями нескольких крупных отрядов, черкесы с северного склона Кавказского хребта вытеснялись на южный склон, «...оттеснялись к морю, а затем им только и оставалось, что уходить в Турцию» [5, с.199].

Военные действия шли непрерывно на протяжении всех последних нескольких лет Кавказской войны с тем, чтобы черкесы не могли ни засеять, ни убрать урожай, создавать продовольственные запасы. Больше чем во время боевых действий люди гибли от голода и холода, когда в условиях зимы они лишались продовольствия и жилищ. Как это часто бывает, прежде всего, страдало гражданское население: «...не более десятой части погибших, – писал о событиях на Западном Кавказе военный историк Р.А. Фадеев, – пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети. Когда горцы столпились на берегу

для отправления в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах множество людей разбежалось по лесу в одиночку; другие забивались в такие места, где и нога человека прежде не бывала. Разумеется, такие особняки большею частью гибли; но что было делать? Позволяю себе повторить несколько слов графа Евдокимова по этому поводу. Он сказал мне раз: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги. Разве Великий князь и я этого не знаем?» [8, с.228 –229]

Одна из особенностей Кавказской войны была в том, что на гражданское население не распространялись общепринятые в то время правила и право войны. Для оправдания преступных методов войны и сокрытия истинного положения в регионе, а также с целью избежать обвинений со стороны европейских государств в негуманных методах, используемых в ходе оккупации Черкесии, была организована целая информационная кампания. Одним из действенных инструментов, призванных предотвратить попадание в печать материалов правдиво освещающих события тех лет, являлась строгая цензура. Один из очевидцев и участников завершающего этапа Кавказской войны М.И. Венюков, находясь за рубежами империи, писал: «Иностранцы, и в том числе члены английского посольства, упрекают нас за «варварский», по их мнению, способ покорения Западного Кавказа. Вероятно, под влиянием этих-то толков, правительство старается в известиях о Кавказе, печатаемых в газетах, по возможности обходить вопрос о судьбе горцев, выселяемых на равнины или уходящих в Турцию, ограничиваясь только изображением тех успехов, которая делает наша колонизация. Военный министр, имея в виду, что ко мне могли относиться с расспросами по этому делу, именно выразил желание, чтоб я не сообщал сведений, которые могли возбуждать возгласы иностранцев» [1, с.151]. Тем не менее, такие сведения о бесчеловечности действий царских войск, периодически становились достоянием иностранной прессы. В частности об одном из них рассказывал английский консул в Сухум-Кале. Речь шла, по его мнению,

отнодъ не об исключительном явлении. Он сообщал об уничтожении черкесского аула со всеми его жителями «в числе 100 человек, между которыми были беременные женщины и дети» [1, с.130].

Несмотря на цензуру, такие сведения попадали и в русскую печать. Как правило, это мемуарная литература, изданная русскими авторами за рубежом или же публикации, попавшие в русскую печать спустя значительное время после окончания Кавказской войны. Тот же вышеупомянутый М.И. Венюков, в статье, опубликованной в 1878 г. в журнале «Русская старина», так описывал события 1861–1863 гг. в Западной Черкесии: «...война шла с неумолимою беспощадною суровостью. Мы подвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде чем деревья одевались зеленью (в феврале и марте); посевы вытравливались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляли к берегу Черного моря и далее в Турцию. Иногда, ... очень редко совершались жестокости, доходившие до зверства. Жестокости эти были тем возмутительнее, что были совершенно не в духе доблестных русских солдат... Таков был характер войны. Целые племена, как бесленеевцы, были выселены облавою в течение одного-двух дней. Аулы баракаевцев, абадзехов на Фьюнте и Фарсе горели дня три, наполняя воздух гарью вёрст на тридцать, когда в феврале 1862 года начались движения наши для изгнания этих горцев. Понятно, что война, так веденная, быстро приводила к решительным результатам» [1, с.121]. Такая тактика, проводившаяся с осени 1861 г., привела к тому, что к весне 1864 г. основная масса черкесского населения после отчаянных усилий остановить продвижение войск, была вытеснена войсками с мест своего проживания к морю. Скопившаяся здесь огромная масса беженцев из-за нехватки судов вынуждена была ожидать отправки в Турцию по полгода и более. В марте 1864 г. было сломлено сопротивление убыхов, ранее абадзехов и шапсугов, в

апреле-мае подавлены последние очаги сопротивления высокогорных медовеевских обществ псху, ахчипсоу и айбга с остатками других черкесских обществ. 21 мая 1864 г. считается официальной датой окончания Кавказской войны. Тем не менее, ещё в 1865 г. военные действия имели место.

Для того чтобы изгнать последние остатки черкесов (около 5 тысяч) упорно не желавших оставлять Родину и укrywшихся в местах проживания общества хакучей, в труднодоступные ущелья рек Псезуапе и Аше были направлены значительные воинские подразделения (26 рот пехоты, две пластунские команды по 250 человек, восемь сотен казаков, триста конных и пеших охотников и казаков, 70 милиционеров) [11, с.268]. Эта операция продолжалась с лета 1864 по осень 1865 г. и только к этому времени царское командование, могло доложить, что задача «очищения» Северо-Западного Кавказа от местного населения выполнена. Правда, в горах ещё продолжало укrywаться несколько сот черкесов. В записках полковника Шарака сообщается: «Кавказское войско, очищая заселяемый край от враждебных горцев, снаряжало отдельные команды, чтобы разыскивать скрывающихся в малодоступных дебрях и трущобах туземцев, не желавших расставаться со своей землёй. Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе, что они не редко забравшись в какое-нибудь заросшее темное ущелье, там и умирали от холода и голода... Живых, истощенных и ободранных, преимущественно женского пола и детей, команды забирали и доставляли в ближайшие пункты русских поселений... Для изгнания тех черкесов, которые, не желая покинуть родину, скрывались в горных трущобах и там спокойно ожидали своей смерти, снаряжались особые команды. Таких бродячих горцев было много в Кавказских горах, где они, в конце концов, находили себе могилу» [1, с.152 –153].

С 1-го по 30-е октября 1865 г. остатки хакучей (2223 человека) были депортированы в Турцию, а 2-го ноября войска были распущены [11, с.274]. Однако ещё в 1870 г., как сообщает И. Орехов, несмотря на двукратный поход против хакучей в 1865 г. «...и на выселение...нескольких тысяч хакучей в Турцию, сотни две-три этих разбойников ещё держались в горах, в

чрезвычайно дикой местности истоков рек Шахе, Бзыча..., Ашше и Нуажи..» [12, с.307]. К концу XIX в., когда стало ясно, что несколько сот хакучей не могут представлять реальной угрозы для безопасности черноморского побережья, им было разрешено выйти из гор и поселиться здесь. Ныне большую часть причерноморских черкесов составляют именно потомки хакучей.

Таким образом, на основании выше изложенного, можно заключить следующее:

Выселение в Османскую империю основного массива черкесского населения, проживавшего между Кубанью и черноморским побережьем Кавказа (свыше 80 процентов от общей численности) проводилось войсками в условиях ожесточенных боевых действий. Выселение автохтонного населения производилось посредством войсковых операций и имело для черкесов принудительный характер.

Военные операции по вытеснению коренного населения к берегу моря, с последующей отправкой в Османскую империю, были осуществлены в относительно короткие сроки – с 1862 по 1864 гг. В 1865 г. депортации подверглась, в основном, та часть черкесского населения, которая была в 1864 г. вытеснена войсками к морю, но из-за нехватки судов была вынуждена задержаться на побережье.

Согласие Порты на приём изгоняемых черкесов было дано под сильным дипломатическим нажимом России, использовавшей зависимость Османской империи от позиции последней в «восточном вопросе».

Предложение царского командования, сделанное на встрече черкесских депутатов с российским императором осенью 1861 г. о переселении на Кубанскую низменность как условие покорности, носило декларативный характер и не имело под собой материального обеспечения.

Российское командование в лице автора, исполнителя и руководителя плана покорения адыгов Западной Черкесии Н.И. Евдокимова, было заинтересованно в удалении максимального количества «горцев» в Османскую империю и делало для этого всё возможное. Как

свидетельствуют источники, даже на те остатки черкесского населения (менее 100 тысяч человек), которому первоначально разрешили поселиться на Кубанской низменности, Евдокимов «смотрел лишь как неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни» [13, с.435 – 436]. М.И. Венюков, в частности, пишет об этом: «Не могу не вспомнить беседы с графом Евдокимовым об этих предметах... граф был живою летописью покорения Северного Кавказа, начиная с 1830-х годов, и потому делал кое-какие поправки в моих записках и картах. Между прочим, он поставил мне в упрек, что я на этнографической карте Закубанья в 1862 г. изобразил отдельною краскою Бжедухов. «Когда, думаете вы напечатать эту карту?» – спросил он меня. – Не знаю, это будет... вероятно в конце будущего (1863) года. – «Ну, так знаете ли что,... если вы хотите придать вашей карте интерес современности, то сотрите Бжедухов. Это там, в Петербурге, трактуют о гуманности, ложно толкуя её. Я под гуманностью разумею любовь к своей родине, к России, избавление её от врагов; а в таком случае на что же нам Бжедухи? ... Я их выгоню, как и всех остальных горцев, в Турцию». Должно заметить, что граф Евдокимов, который был непосредственным исполнителем официального проекта заселения Западного Кавказа, не слишком заботился об участи горцев, выселявшихся на Прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны, есть изгнание всех горцев за море» [13, с.435 – 436].

Выселение черкесов в Османскую империю, проходившее в последующее время (с 1866 по начало 1900-х гг.) носило уже другой характер – оно совершалось с территории уже контролировавшейся колониальной администрацией, проходило в мирных условиях и не носило прямого принудительного характера. В этот период выселению подверглось менее 10% от общей численности черкесского населения Кавказа. Хотя сам этот процесс был инициирован колониальной политикой Российской империи, контролировался ею и был реакцией автохтонного населения на эту политику.

Примечания

1. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов вторая половина XIX века. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000.
2. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссией. Т. XII. Ч. II. Тифлис, 1904.
3. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов-на-Дону, 1989.
4. Кумыков Т.Х. Адыгское мохаджирство – следствие Кавказской войны // Кабардино-Балкарская правда, 1990, 10 апреля.
5. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
6. Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XIX вв. М., 1978.
7. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский // Русский архив. Кн. I. Вып. II. М., 1889.
8. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
9. Скарятин В.Д. Заметки о Кавказе // Отечественные записки, №5, 1862.
10. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Т. II. Тифлис, 1872.
11. Васильев Е. Экспедиция в землю хакучей // Военный сборник. №8. Спб., 1872.
12. Орехов И. По южному склону Западного Кавказа: (Из путевых заметок) // Военный сборник. №10. Спб., 1870.
13. Венюков М.И. Кавказские воспоминания // Русский Архив. Кн. I. М., 1880.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ ДАГЕСТАНА В НАЧАЛЕ XIX В. В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Интерпретация Кавказской войны в качестве научной проблемы со времен самой этой войны и по настоящее время менялась несколько раз. При этом определяющей посылкой для интерпретаций являлась идеологическая или политическая составляющая, ведь не случайно историю как науку у нас традиционно определяли в качестве сферы идеологии.

Кратко остановлюсь на разных подходах, сакцентировав внимание на наиболее популярном из них в последние годы.

В публицистике и науке XIX в. господствовало утверждение об объективной неизбежности распространения политического влияния Российской империи на Кавказский регион и неподготовленности («дикости») горцев к ее цивилизаторской миссии, что якобы и обусловило затяжную войну. В 1920 – 1930-е гг. оценка стала противоположной – реакционный царский режим проводил колониальную политику, с которой свободолюбивые народы отчаянно боролись. В начале 1950-х гг. оценки опять резко изменились; вождь горцев Шамиль был объявлен ставленником султанской Турции и английских колонизаторов, а присоединение Кавказа к России однозначно признавалось прогрессивным событием в судьбе народов края. В последующие десятилетия преобладали компромиссные характеристики: горцы вели национально-освободительную борьбу с царизмом, но одновременно и антифеодальную с собственными угнетателями (что снимало остроту их противостояния России), и хотя война была чрезвычайно тяжелой, однако по принципу «наименьшего зла» – неизбежности попадания горцев Кавказа в политическую орбиту либо Турции и Ирана, либо России – произошедшее в итоге включение их в строй жизни более передового по сравнению с другими претендентами на политическое господство в регионе Российского государства якобы сыграло

для них прогрессивную роль. Одновременно тема Кавказской войны по возможности затушевывалась официальными инстанциями.

В последние 20 лет широкую известность получила интерпретация Кавказской войны, предложенная Марком Максимовичем Блиевым [1; 2; 3]. Она по-своему стройна и логична, так что не случайно с учетом масштабности ее изложения автором (в измерении листажом), именно на нее ссылаются и ее используют ученые, обращающиеся к проблематике Кавказской войны. В ней вроде бы находятся объяснения многим сложным вопросам и проблемам истории и хода войны. Однако, как представляется, не все в ней соответствует критериям «правильности» и правдивости.

Концепция Блиева многое вобрала в себя из дореволюционной историографии, как посвященной собственно данной войне, так и проблемам общественного строя кавказских горцев (причем далеко не всех)*. При том, что сочинения М.М. Блиева вызвали буквально негодование среди общественности ряда народов Северного Кавказа, работ, содержащих их критический анализ немного, и последний в основном касается причин Кавказской войны и, по Блиеву, органично присущей социальному строю горских обществ так называемой набеговой системы (наиболее содержательные из подобных работ, на мой взгляд, следующие: [4; 5]). В настоящем случае я коснусь только особенностей изложения Блиевым проблем своеобразия социально-политических и связанных с ними хозяйственно-экономических отношений в горских обществах Дагестана, как наиболее мне знакомых.

Одной из главных причин Кавказской войны М.М. Блиев считает своеобразный взрыв процесса классового образования, который якобы переживали, начиная с XVIII столетия, «вольные» общества Дагестана, *тайпы* и *тукхумы* Чечни, «демократические племена» адыгов Северо-

* Само появление «новой концепции» Кавказской войны в редакции осетинского исследователя можно связывать с обострением осетино-ингушского конфликта в начале 1980-х гг. и последовавшими вскоре после этого «чеченскими событиями» [6, с. 160 – 164].

Западного Кавказа*. Социально-экономической основой «взрыва», по его мнению, оказалась набеговая система, стимулировал же «основу» характерный профиль хозяйственной деятельности горцев указанных районов.

Отмечу еще одну линию, которую автор недвусмысленно проводит по своей последней объемистой книге. Религиозную форму военного противостояния горцев Российской империи – мюридизм М.М. Блиев соотносит с эпохой утверждения ислама у арабов, со строительством халифата и экспансией номадов на соседние территории. В интерпретации автора в стадиально-историческом плане это однопорядковые явления.

Что касается придания особого значения набеговой системе, то Марк Максимович в данном случае использует тезис, на 10-15 лет ранее него выдвинутый грузинским историком В.М. Гамрекели [7; 8]. Гамрекели сравнил уровень развития горско-кавказских обществ с таковым общества скандинавских викингов, соотнеся оба с эпохой военной демократии, наличие которой в свое время обосновывалось Морганом и Энгельсом и в последующем было безоговорочно принято советскими учеными-историками. Правда, В.М. Гамрекели характерным своеобразием горско-кавказских обществ объяснял причины лишь так называемой *лекианобы*, т.е. военной экспансии горцев на Грузию. Зато М.М. Блиев напрямую связал их же с эскалацией военного и политического напряжения в Кавказском регионе в целом и в итоге с началом Кавказской войны. «Новым словом» Марка Максимовича в подобной интерпретации причин и хода развития войны явилось соотнесение им военной активности ряда горских народов Кавказа в аспекте идеологическом с эпохой становления Арабского халифата, когда не просто война, но война под знаменами ислама, передавала общественно-

* М. Блиев пишет: «Этот процесс – одно из самых глубоких революционных преобразований, когда-либо происходивших в обществе. Особенность этой революции, по-видимому, состоит в том, что фатальная неизбежность образования классов, разрывавшая тысячелетние узлы родового строя, порождала необузданную общественную стихию, не знавшую границ и нравственных норм. Эта социальная энергия, как одна из форм выражения законов развития общества, вовлекала людей в беспрецедентные завоевания и военные катастрофы. На этой стадии племена и народы, как никогда, способны к объединению и устремляются на захваты, не считаясь ни с расстоянием, ни с силами противника, ни с возможным трагическим исходом» [3, с. 215].

историческую обусловленность экспансионистской политике номадов в отношении земледельцев в тонах борьбы за утверждение новой веры.

Для пущей убедительности параллелей между «избранными» горцами Кавказа и арабами VII – VIII вв. он произвольно корректирует хозяйственную жизнь первых – все они у Блиева исключительно (или преимущественно) скотоводы; те же из ученых, кто заявляет о ведущей роли земледелия, делают это якобы с целью «доказать более высокий уровень общественных отношений». «Избранными» же некоторые горские народы становятся у Блиева ввиду того, что он совершенно обходит стороной вопрос, почему вне обширного военного конфликта с Россией оказались другие горцы, в частности осетины, балкарцы, карачаевцы и др., хотя в их хозяйственной деятельности скотоводство явно играло ведущую роль. В одной из ранних своих работ Блиев писал: «В первой трети XIX века основным занятием осетин оставалось скотоводство. Это было вызвано не столько уровнем общественной жизни осетин, сколько специфическими условиями гор, наличием большого количества пастбищных земель» [9, с. 13]. В данной формулировке просматривается недвусмысленное «сожаление» историка по поводу того, что его земляки еще сравнительно недавно «оставались» скотоводами, хотя применительно к их истории данное обстоятельство, по его мнению, не сыграло злополучной роли. Зато в отношении других – «избранных» все вполне очевидно. «...В „вольных” обществах Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа основная роль в экономике принадлежала скотоводству. В условиях горной зоны Большого Кавказа эта отрасль консервировала отсталые формы хозяйствования, являлась носителем патриархально-родовых начал в общественной жизни» [3, с.115]. То, что профиль основной хозяйственной деятельности в ходе исторического развития и в силу различных обстоятельств может изменяться, что в реальности соотношение разных направлений экономики горских обществ было весьма диалектичным Блиева не интересует. Правда, автор вынужденно признает, что, в частности, горцам Дагестана приходилось «много трудиться» и на земле, однако история земледельческой культуры в

Дагестане и возведения в его горах террасных полей издревле ему неведома (либо отмечена в качестве избыточной информации; косвенно он даже вычленяет Дагестан из кавказского ареала интенсивного террасного строительства) [3, с. 46], о длительном сохранении земледелием престижности и о многом другом он знать не желает. Зато «господствующее положение скотоводства в горных обществах Дагестана, – пишет М.М. Блиев, – оказало глубокое историко-культурное и общественно-стадиальное воздействие на горцев. Например, оно повлекло за собой особую систему расселения, отвечавшую запросам скотоводческой экономики ... хуторскую (стойбищную)» [3, с. 14]. Читателям все должно стать предельно ясным, ибо все понятно автору, который ссылается здесь на работу С.Х. Асиятилова о хуторской системе у аварцев в XIX – начале XX в. [10] (и почему-то на книгу о скотоводстве в Грузии), где рассказывается о появлении хуторов в средневековый период. В том же сборнике, где опубликована статья о хуторской системе, помещена и другая статья того же автора, в которой он пишет, что «в Аварии не было ни одного поселения, население которого в своем большинстве было бы занято скотоводством. Наибольший процент занятости населения скотоводством никогда и нигде не превышал 10 – 15. Да и эти люди не теряли связи с землей» за исключением бедняков, нанимавшихся чабанами, однако и они «при первой же возможности ... приобретали пахотные участки» [11, с. 326]. Но М.М. Блиева эти и другие подробности, содержащиеся в работах по истории поселений и хозяйства, не интересуют. Равно как не впечатляют хорошо известные со времен Кавказской войны описания и натурные зарисовки типичных горных аулов, чей облик совершенно не походил на хутора. Не заслужили внимания М.М. Блиева порядок отношений между селениями-метрополиями и хуторами, между общиной и теми ее членами, которые, как правило, сезонно обосновывались на хуторах, а также судьба хуторов, со временем превратившихся в новые селения-общины. Существовала-де лишь хуторская (стойбищная) система расселения. Исключительно господством скотоводческого хозяйства он объясняет сохранение общинной

собственности на землю и общинного землепользования до XIX в., правда, в другом месте сам же себе и противоречит, замечания, что «начало преобразований этих обществ лежало в появлении частной собственности на стада» [3, с.14, 115].

Искаженность подобного взгляда на культуру и историю дагестанцев выглядит особенно рельефно при его сравнении с оценкой, которую во второй половине XIX века высказал публицист, общественный деятель – создатель и редактор многотомного «Сборника сведений о кавказских горах» – но, и это главное, очень проникательный человек Николай Ильич Воронов, который писал о Стране гор: «Судя о Дагестане ... нельзя не прийти к выводу, что основа дагестанской самобытности, или же своего рода цивилизации, лежит в своеобразном искусстве горного домостроительства, понимая последнее в самом обширном значении, т.е. как в отношении устройства частного жилья, так и в отношении частного и общественного распорядка, обуславливаемого требованиями горной архитектуры. С этой точки зрения легко понимаются и дурные и хорошие черты дагестанской своеобразности» [12, с. 25].

Таким был «базис» «избранных» горских обществ в интерпретации исследователя Кавказской войны. Недалеко он ушел и в изучении надстройки тех же обществ. Во взглядах на нее в горном Дагестане Блиев безоговорочно придерживается мнения М.М. Ковалевского о *тухуме* (семейно-родственной структуре) как едва ли не классическом роде, о местной сельской общине как явлении в историческом плане позднем, к тому же в основном и главном воспроизводившем тухумный (читай родовой) порядок организации общественной жизни. В «вольные» общества якобы объединялись не только общины, но и тухумы, в итоге данные общества стали военно-политическими союзами переходного состояния от родовых отношений к раннефеодальным, а общая собственность на землю (пастбища) в них «становилась надежным экономическим базисом для вооруженных отрядов, ополчений, совершавших набеги» [3, с. 24, 26, 35]. В целом схожие выводы делаются им в отношении чеченцев и адыгов (правда, с уточнением,

что у последних основной социальной структурой все же являлась община «переходного» или «раннего типа) [3, с. 54, 118, 127].

Посредством набегов, согласно М.М. Блиеву, не столько решался вопрос «ухода из гор» (выделено автором), сколько материального обеспечения и обогащения через захват добычи. Военное ремесло превратилось в «отрасль материального производства», но стало таковой якобы слишком поздно, когда не только европейцы, но и жители соседних с Большим Кавказом равнин и степей «давно миновали этот этап своей истории». Значительное отставание горцев в общественно-политическом развитии, по его мнению, было обусловлено суровыми природно-географическими условиями мест их проживания, консервировавшими хозяйственный уклад и общественную структуру. «На первых порах» (каков временной диапазон этих «пор» не уточняется, очевидно, с тех самых «первых»), когда горцы жили «своей малоподвижной, традиционной жизнью» набеги якобы служили «своеобразным способом „перераспределения” собственности внутри отдельных обществ». Однако когда общества вступили в стадию перехода от эгалитарных отношений к иерархическим, набеги превратились в «агрессивный способ собирания собственности». Начало этого процесса датируется концом XVII в., что фиксирует усиление их экспансий в Грузию. Ну а когда на Кавказе появилась Россия с торговыми отношениями, вовлекаемые в них горцы почувствовали такой «вкус к частной собственности», что «возвели военное дело в самостоятельную отрасль экономики, приступили к беспрецедентным набегам». М.М. Блиев призывает к «пониманию внутреннего стадийного единства и преемственности набеговой системы и Кавказской войны» [3, с. 16 – 18, 33].

И еще немного об интерпретации М.М. Блиевым «надстроечных» явлений. Он неоднократно говорит о «родоплеменных „верхах”» как об опоре и «„своей” общественной прослойке» разгоравшейся войны, о претензиях этого «молодого» (молодого родоплеменного!) слоя на власть и собственность в противовес и в ущерб власти и собственности «старой» феодальной знати [3, с. 163, 205]. Он пишет, что социальной базой войны

преимущественно являлись «вольные» общества с их свободными общинниками. Однако сами «вольные» общества не были в действительности вольными, а принадлежали ханам, бекам и другим владельцам. Ханов и беков народ якобы воспринимал «надклассовыми» фигурами при соответствующих «должностях», и потому испытывал к ним «благоговейное отношение» и считал «неприкосновенными» [3, с. 205, 210–211]. О какой после этого классовой борьбе в предшествующие и в описываемый периоды кто-либо может заикаться? Паче чаяния, вскоре «благоговейное отношение» и «неприкосновенность» нашли подтверждение в уничтожении «революционерами» аварского ханского дома; народ на «революционеров» обиделся, но худо-бедно стерпел.

Короче, истоки и причины Кавказской войны излагаются Марком Максимовичем Блиевым противоречиво и весьма тенденциозно. Он вполне уверенно заявляет о том, что чеченцы являются на Кавказе пришлым народом. Касаясь же «детерминизма законов развития общества» и «своеобразия» традиционной культуры чеченцев, «где насилия и жестокости занимают свой особый пласт», он фактически напрямую соотносит набеги чеченцев, вооруженных луками и стрелами, четырехсотлетней давности с набегами и похищениями людей теми же чеченцами на пороге XXI в., но уже вооруженными стрелковым и зенитным оружием [3, с. 44 – 45]. В сочинениях данного автора старые (дореволюционной отечественной науки и истмата) методологические подходы и приемы к исследованию социально-политической истории, в данном случае горско-кавказских обществ, примененные не критически либо искаженно «творчески», в достаточной мере продемонстрировали свою ограниченность, а то и ущербность. Хотя в его взглядах на проблему, безусловно, имеются рациональные суждения и доводы.

Как же иначе может быть охарактеризовано горско-дагестанское общество в XVIII и в первые десятилетия XIX в.? Общество, многие и многие части которого по природным условиям и по хозяйственной деятельности населения, по потестарным и политическим связям, по социальным

отношениям значительно различались между собой, но которое – общество – тем не менее, представляло собой некое единство. Безусловно, «вольные» общества не были родо-племенными образованиями, но явной натяжкой выглядит и утверждение о наличии в них **«резких классовых противоречий**, правда, завуалированных пережитками патриархально-родового быта» [13, с. 240]. Социальная структура «вольных» обществ (что уж говорить о ханствах) не отличалась однородностью, имущественная, «силовая» дифференциация между тухумами в большинстве случаев была налицо. «Силовая» я употребляю в том смысле и на том основании, что в категориях общественного опыта понятия «сила», «сильный» имели ведущее значение. Тот или иной тухум был «сильным», потому что он превосходил остальные величиной, в нем насчитывалось больше мужчин, соответственно имелось большее количество рабочих рук, принадлежавших энергичным, инициативным, боевитым людям, из рядов которых появлялись и местные знаменитости. Дифференциация в первую очередь затрагивала тухумы, ибо они являлись основными (первыми) структурными звеньями общин, которые (эти звенья) хотя и утрачивали хозяйственное, экономическое единство, но сохраняли определенную, а главное всеми признававшуюся «идейную» солидарность. Очевидно и внутритухумные отношения не отличались простотой и полным равенством, но эти различия находились уже на втором плане. Данная закономерность не являлась специфической чертой местной среды, напротив, такое явление характерно для обществ, пребывающих на ранних этапах формирования классовых отношений. В свою очередь, и внутри союзов общин не было полного равенства и равноправия. Различавшиеся по «силе», величине общины играли разные роли в совместной жизни; одни смели претендовать на большее (в каждом обществе одно из селений естественным порядком становилось главным) или многое, другие, как могли, отстаивали собственные права, защищались, и эта черта дифференциации общества как такового укладывается в хорошо известные ее модели. «Сильные», будь-то тухумы в селениях, общины в союзах оных становились обладателями дополнительной собственности. «Сильные»

покупали, а иногда и отнимали земельные участки у «слабых», неравенство прав выражалось в разной степени интенсивности эксплуатации общих угодий, главным образом пастбищ – тот, у кого скота («имущества-богатства») было больше, активнее их использовал.

Для горного Дагестана характерным было сложение феодальной собственности через поглощение ею преимущественно пастбищ, как угодий, находившихся в общинной собственности, либо «ничейных» – располагавшихся на межобщинных территориях. В этом видят доказательство поздней феодализации общества (много позже формирования частной собственности на пахотные и иные «оживленные» земли) [14, с. 81]. Однако даже такие результаты феодализации социальных отношений не разрушали полноценной функциональности общин, что хорошо видно на примере ханств и т.п., где *джамааты* (сельские общины) являлись активными действующими лицами в разных сферах жизни. Народная память фиксировала своеобразную динамику внутренних социальных процессов (даже можно сказать она любила это делать). В такой памяти регулярно всплывают известные повествования о борьбе с некими ханами, и далеко не всегда можно с уверенностью говорить действительно ли они отражают факты либо являются программным воспроизведением образов и схем.

Своеобразную дополнительную динамику в общественную жизнь «вольных» общин и их союзов вносило наличие рабов, которые появлялись там главным образом в качестве пленников, захваченных в ходе набегов. Однако большинство рабов (ед. ч. *лагъ*) не являлось таковыми в собственном значении данного слова, а составляли зависимое сословие крестьян. Приняв ислам и, как правило, через некоторый срок освобожденные хозяевами, они в той или иной степени включались в жизнь общины – обзаводились собственными благоприобретенными земельными участками и хозяйствами, пользовались общинными угодьями (иногда с ограничениями), имели семьи (хотя *уздени* – основное население общины – старались с ними не родниться), снаряжались в походы, принимали участие в общественной жизни джамаата,

и хотя на ответственные выборные должности они вряд ли избирались, зато исполнители (ед. ч. *гел*, эл) преимущественно были из их рядов.

В качестве интересной и малоизученной стороны социальной истории Нагорного Дагестана некоторые исследователи называют резкое изменение (!) положения лагского сословия в местной общине в XVIII и особенно в XIX в. [14, с. 143] Согласно рассказам современных жителей ряда горско-дагестанских селений, активными сторонниками имама Шамиля там были позднейшие переселенцы и бывшие лагьи, именно они обрели в это время власть, лишив оной представителей тухумов первопоселенцев. Не является ли это лишним примером того, как в «революционную эпоху» «низы» отбирают власть у «верхов»? И если это так, то нет оснований принимать на веру утверждение М.М. Блиева о том, что поборницей и носительницей «ценностей» мюридизма в Дагестане в первую очередь являлась родоплеменная знать, «вступившая на путь феодализации» [3, с. 163]. Биографии ряда наибов имама увеличивают сомнения в отношении подобного заявления. С учетом отмеченного и известные оценки движения горцев первой половины XIX в. как антифеодального не будут выглядеть простой данью марксистской теории.

Правда, определение «антифеодальное» категориально, подразумевает достаточно высокоразвитые общественно-политические отношения в конкретной социальной среде. В отношении горного Дагестана в целом нет оснований говорить о сложившихся там к XIX в. феодальных порядках (таковые имели место лишь в ханствах). В процессы же и события Кавказской войны главным образом было вовлечено население «вольных» обществ, общинники, не терпевшие в своей среде *беков* и полуфольклорных ханов. Их среда не отличалась однородностью, она была ранжированной, но не была она и классово стратифицированной. Не случайно описываемые в преданиях конфликты выразителей идеологии этой среды и ее же реальной силы с некими ханами и т.п. разрешались легко. Модель общества без резко выраженных имущественных и социальных различий, без узурпаторов от политики выглядела неким идеалом, согласованным с «обычаем», к которому

как могли стремиться. У жителей общества Андалал он даже был своеобразно кодифицирован. В их своде *адатов* (обычного права) значилось: «Если кто-нибудь из жителей нашего селения скажет „Я раб или нуцалчи” (бек), то с него взимается сто овец» [13, с. 152].

Не предлагая здесь общей оценки социальным явлениям и процессам, сопутствовавшим Кавказской войне, выскажу мнение, что подобные и близкие им социальные движения являли собой тот их вариант, который свойственен обществам, переживающим становление классовых отношений. В таком варианте отдельные, присущие социальным движениям направления, как-то освободительное, политическое, религиозное, классовое, этническое и др., проявляются в целом недифференцированно. В этом плане горный Дагестан не уникален и даже не очень своеобразен. Однако своеобразен он тем, что подобные движения происходили в нем не только в XVIII и XIX, но и в XVI – XVII столетиях и, очевидно, много раньше. Если в XVIII и в начале XIX в. «вольные» общества Западного Дагестана характеризовались как живущие по патриархальным законам и социально почти не (или слабо) стратифицированные, то можно указать на явное наличие элементов подобной стратификации у жителей тех же районов в эпоху раннего средневековья. Резонно полагать, что соответствующие трансформации произошли там в средневековый период не просто в результате распада по тем или иным причинам военно-племенного союза («царства»?) Дидо, но в ходе преобразования общественной системы в направлении упомянутого «идеала» (не исключено, что через те самые социальные движения).

Не хочу, чтобы сложилось мнение будто я намеренно занижаю общий уровень социально-экономического, да и политического развития горцев, низводя его до «патриархального» или какого другого «низкого» по истматовской классификации. Общественные связи (во всем их комплексе) в «вольных» обществах были достаточно сложными, тем более сложными они были в горных ханствах, хотя практики их жизнедеятельности имели много общего с практиками союзов общин, там фиксировались «движения» близкие

описанным, а общий уклад общественно-политической жизни в них отличался от такового («более феодализованного») ханств Прикаспийской низменности и предгорий .

В свое время Л.И. Лавров говорил, что «существовавшие в ”вольных обществах” порядки были не пережитками первобытно-общинных отношений, а результатом замедленного процесса классовообразования после освобождения крестьян от власти аристократов». Подчеркивая одинаковый уровень «технических навыков в производстве и многих элементов надстройки» в «феодальных» и в «вольных» политических образованиях горного Кавказа, он предполагал, что «прошлое (горного. – Ю.К.) Кавказа... сможет послужить иллюстрацией одного из зигзагов исторического процесса, который выглядит простым, пока рассматриваем генеральное направление его во всемирном масштабе, но оказывается более сложным и своеобразным, когда знакомимся с ним на конкретных примерах отдельных народов или территорий» [15, с. 14, 15].

В этом заключении ученого видно стремление выйти за жесткие рамки формационной теории истории. Общий вывод Лаврова в 1980-е гг. был поддержан историками Кавказа, в частности патриархом исторического дагестановедения Расулом Магомедовым [16, с. 42 – 43]. Но в равной степени примечательно, что осознание исторического перелома в судьбе горцев Дагестана на пороге Нового времени достаточно отчетливо осознавалось и их представителями. Дагестанский ученый Гасан-Эфенди Алкадари, писавший уже в начале XX в. в «усмиренном», окончательно включенном в состав империи Дагестане (т.е. интерпретировавший события в лояльном по отношению к верховной власти ключе), предложил краткий поэтический комментарий изменениям, произошедшим в целом в судьбе дагестанцев после присоединения их к России. Если до этого было так: «... В десятом веке Гиджры (XVI в. – Ю.К.) // Вырвались лезгины (дагестанские горцы. – Ю.К.) на свободу, потревожили весь свет. Потирая тленный мир своей революцией (каковы определения! – Ю.К.) // Рассыпались как дикари, всюду проливая кровь: // Кто повел войска на Ширван, Гянджу и Ардебиль, //

Кто вытоптал конницей Джары и Грузию...», то после окончательного присоединения к России «создался контроль над справедливостью в народе (тоже заслуживающая внимания формулировка. – Ю.К.) // Для дагестанцев открылись двери к просвещению.... (и в целом из «своего» мира. – Ю.К.) // И пусть они совершают поездки на пароходах и по железным дорогам» [17, с. 32, 33]. Не случайно Гасан Алкадари назвал наступившую в XVI столетии и продлившуюся до века XIX «эпоху» в жизни горцев революцией, когда они «вырвались на свободу... потревожить весь свет» (формулировки начала XX века). Окружившая горцев едва ли не со всех сторон Россия, конечно же, была интервентом, душившим «революционный настрой».

Генерал А.П. Ермолов по своим личным взглядам и по официальному положению имел право и должен был заявлять: «Живите смирно, не делайте воровства, грабежей, смертоубийств; занимайтесь хлебопашеством и скотоводством». Однако присутствие нового соседа, по всем признакам явного чужака, который все же не преминет начать перестраивать жизнь (это было известно по опыту), создавало психологический дискомфорт для тех, кто недавно избавился (разгромил) другого чужака – грозного Надир-шаха. Как было возможно жить смирно, когда в сознании, наряду с рациональными установками обыденной жизни, довлели стереотипы, в гиперболизированной форме переданные словами: «Мы к воровству родились, в сим состоят наши пашни и сохи и все наше богатство... И ежели нам от того отстать, то нам будет под российскою властью с голоду умереть, и мы в том присягать не станем и принуждены будем себя оборонять против тех, которые нам то запретить хотят»? Таков был ответ делегатов одного из собственно лезгинских обществ, переданный еще в первой половине XVIII в. И.Г. Гербером [18, с. 196]. Не случайно тот же Алкадари, перечисляя вещи, «считавшиеся среди дагестанского простонародья в прежнее время признаком счастья (удачи)», наряду с «Кораном, написанным выдающимся почерком», красивой женой, янтарными или коралловыми четками, назовет верхового жеребца известных пород, пистолет или ружье, изготовленные знаменитыми мастерами, «хороший кинжал», «хоросанскую саблю» и ...

«несколько беспечный образ жизни» [17, с. 144 – 145]. Престижность вещей, безусловно, определялась характерным самоощущением и представлением горца окружающим, и в нем громко звучали ноты джигитства, которые и обуславливали некоторую «беспечность», но с явными предпочтениями в образе жизни. Счастье приносили «малые удачи», но обеспечивались они в значительной мере удачей «большой», удачей, достигавшейся в бою, о чем говорилось ранее.

Конечно, нет оснований недооценивать значение социально-политических и экономических причин, обусловивших сложение боевого, военизированного уклада жизни горцев. Но в оценке четко обозначившейся в рассматриваемое время ситуации не следует игнорировать и очевидные моменты социокультурного порядка. К 1820-м годам в Дагестане выросло и возмужало поколение, деды которого за тридцать-сорок лет до этого активно ходили за *давла* (добычей) на соседние территории. И это же новое поколение из рассказов ветеранов было наслышано не только о героической романтике походов, но и том, как Россия душила последнюю. Предыдущие поколения горцев были овеяны ореолом славы победителей грозного Надиршаха, зато отцы подростков джигитов, шансы которых прославиться сильно ограничило присутствие русской власти и войск, оказались на грани потерянного поколения. Если испокон веков, проводя недели и месяцы в мужских домах, горцы зрелого возраста и юноши тренировали силу, физическую выносливость и военно-спортивное мастерство, чередуя или совмещая подобные занятия с коллективными пирушками, а по завершении сборов отправлялись в поход (которые имели сезонную регламентацию), то в изменившихся условиях походы ставились под запрет внешней силой, а при нарушении такового каралось, и весьма жестоко, все население. Для «джигитов» оставались пирушки, перерождавшиеся в бытовое пьянство. В горском обществе ощущался психологический надлом, о котором (и о том же бытовом пристрастии к хмельным напиткам) говорили авторы местных исторических хроник, дававшие безрадостную оценку положению дел в Аварском ханстве и в сопредельных ему «вольных» обществах. Этот надлом

переживали и люди, каждый в отдельности и в своих возрастных группах. Отец Шамиля слыл горьким пьяницей, и сыну лишь под угрозой самоубийства удалось отвратить его от этой привычки. «Придерживался вина» отец первого имама Гази-Магомеда. Не отличался трезвой жизнью в молодые годы второй имам Гамзат-бек. Саид Араканский, известный последователь *тариката*, был искушен тем же. Аналогичных примеров известно достаточное количество. В этом же плане примечательно соглашение жителей селения Голода, датируемое 1810-ми гг., в котором оговаривались наказания за производство и употребление вина. В нем отмечалось: «Выкуп в размере одной коровы ... будут они (сельчане, джамаат. – Ю.К.) налагать на тех, кто соберутся под флагом дружбы и взаимной симпатии, – то есть худулзаби (аварское „друзья“. – Ю.К.), – а в действительности, чтобы кушать и пить вино, причем, безразлично: мужчины ли собрались тут или женщины» [19, с. 107].

Западные историки упрекали и упрекают Россию и русских, в культуре и жизни которых, по их оценкам, большую роль играет водка, во внедрении, хотя и «не запланированном», этого напитка в быт горцев (см. напр.: [20, с. 73]). Действительно, горцы высоко ценили русскую водку (см.: [21, с. 375]), но говорить, что с ней и подобными ей напитками они познакомились исключительно благодаря еще только устраивавшейся в горах русской власти (и соответственно людей), безосновательно. Рядом и всегда доступной была Грузия с ее винодельческой провинцией Кахетией, где *чача* (виноградная водка) являлась пусть не очень престижным («у себя дома») по сравнению с вином, но ходовым продуктом. Да и в дагестанской среде традиционно приготавливали бузу и вино*. Упомянутые историки отчасти правы в том, что пьянство и местный вариант разгула рождались ощущением «отчаяния» [20, с. 73], точнее – психологического надлома, переживавшегося поколением, достигшим активного возраста в начале XIX века. Однако и надломом все не объяснить.

* Автор одной из местных хроник Гассанилау Гимринский отмечал: «До введения шариата гимринцы (жители селения Гимры, родины двух имамов, Гази-Магомеда и Шамиля. – Ю.К.) жили тем, что производили напитки, выжимали из винограда вино, гнали арака (водку) и торговали этим» [22, с. 200].

Первый имам Гази-Магомед, а вслед за ним Гамзат-бек и Шамиль обвиняли земляков-горцев в нарушениях канонов ислама, в несправедном для истинных мусульман образе жизни, в отсутствии должной благочестивости. Обвинения родились не на пустом месте.

Историки отмечают в частности такой факт. В Южном Дагестане в XVII – XVIII вв., а в северо-западной его части позднее – в XVIII – начале XIX в. на мусульманских надгробных памятниках почти «неожиданно» (для современных исследователей), но в массовом порядке стали появляться рисунки удивительно напоминавшие собой первобытные и раннесредневековые писаницы. Это были фигуры мужчин и животных с гипертрофированным изображением фаллоса (женские же фигуры передавались крайне схематично), а сами надгробные стелы могли иметь антропоморфный вид. Одно и другое «не шокировало народное мусульманское сознание как нечто языческое, противное установлениям ислама», напротив, в горах к указанному времени сложилась «своеобразная мусульманская культура с символикой, основанной на традициях языческого и христианского искусства» [23, с. 146]. Это частный пример, но, как говорят специалисты, не единственный, свидетельствующий о несовпадении бытового, народного ислама, если не господствовавшего, то все же многое определявшего в жизни дагестанцев, с канонами религии. И расцвет его пришелся как раз на XVII – XVIII вв. Так что имамам было основание вменять в вину землякам не только употребление вина и табака, не только бравурные пляски и веселые песни, но и другие серьезные прегрешения. В тлетворном влиянии России здесь не обвинить, хотя она в конце XVIII – начале XIX в. косвенно оказывала воздействие на образ мыслей и поступки аборигенов края.

Примечательно и другое.

Если с раннего средневековья языком письменности, науки и литературы в Дагестане исключительно являлся арабский, то порог нового времени в истории местной культуры был ознаменован зарождением национальной письменности *аджам* на основе арабской графики. Конец

XVIII – начало XIX в. были отмечены появлением переводов отрывков классических произведений литературы Востока на местные языки [24, с. 18]. А немногим более века до этого в общественно-философском сознании местных ученых наметилась тенденция его размежевания на противоположные направления – религиозно-идеалистическое и рационалистическое. Все вместе это свидетельствовало о зарождении, как считают некоторые исследователи, местной оригинальной версии «феномена возрождения» [25, с. 70, 83, 175 и др.]. Точнее же сказать, совокупность перечисленного (и другого, что пока не исследовано) указывало на переходное состояние местного общества и культуры.

О сложности и неоднозначности данного явления и процесса говорит, пожалуй, и то, что во второй половине XVIII столетия Нагорный Дагестан (как и Чечню) охватило стихийное исламское движение, которое сравнивают с Реформацией в Западной Европе [26, с. 133]. На это время пришлась деятельность известных исламских правоведов, тогда же многие джамааты заменили нормы адата шариатскими (постановления сельских обществ по данному поводу см.: [27, с. 36 – 37, 42, 44 – 49]). Все это свидетельства сложности и внутренней противоречивости общественных процессов, происходивших в тот период в горской среде, их переходного, кризисного характера.

Упадок нравов, выразившийся в охватившем разные слои населения пьянстве (цитированное соглашение упоминает и женщин), был главным показателем этого. Атмосферу многих обрядов и периодических соборщ населения, либо тех или иных его групп, пронизывала характерная телесность (не случайно этнографы и во второй половине XIX, и в XX в. фиксировали обряды с оргиастическими элементами; вспомним и изображения на надгробных камнях). Мусульманская обрядность и религиозное благочиние являлись формальными; господствовало двоеверие, сочетавшее элементы ислама и язычества. И во второй половине XVIII столетия отмечается формирование критического восприятия установившегося порядка, а именно как антипорядка, восприятия не только

отдельными праведниками, но и людскими массами, объединенными в традиционные общественные структуры, в данном случае джамааты.

Существует общая закономерность: чем ниже падает нравственность, тем очевидней становится жажда религиозной экзальтации, жажда сакрального. Сменявшее «потерянное поколение» отцов молодое поколение должно было обратиться к кардинально иным принципам и нормам жизни, в общественной среде неизбежно должен был наблюдаться кризис коллективной идентичности, сопровождавшийся кризисами индивидуальных идентичностей, в первую очередь среди пассионариев из числа лиц, стремившихся и получивших духовное образование. Гази-Магомед и Шамиль иллюстрируют этот тезис в полной мере. Они запретят пляски и песни, любые сборища, а женщин отдаленных горных районов заставят ввести в свой костюм штаны, которых те до этого не носили [28, с. 36]. Фактически они введут запрет на смех и проявления телесной культуры, жестко установят религиозную аскезу и, в общем и целом, такой новый порядок будет воспринят большинством народа, именно как порядок (хотя через два – два с половиной десятка лет, по завершении военных действий от него легко откажутся, в чем тоже видна ясная закономерность). Первые отряды *мюридов* («учеников», «последователей») напоминали собой секты пассионариев, а в эпоху переходного, кризисного состояния культуры и общества, в период кризиса коллективной идентичности их деятельность почти обречена на успех. Схожие явления пережила Западная Европа в эпоху Реформации, зарождения и становления протестантизма, в конце XVII в. переживала их Россия, когда там появились секты боголюбцев и т.д. Дагестанский пример или опыт лежит в русле этого же культурно-исторического феномена, он еще требует внимательного изучения.

Очевидно, что при анализе обострения взаимоотношений горцев с Россией подобные тенденции в культуре не следует игнорировать. Ведь ко времени их зримого проявления и вошли в непосредственный контакт две «цивилизации», с характерными особенностями видения себя и окружающего мира. Переходным тенденциям в культуре, в частности по-

новому оттенявшим «национальный вопрос» уже через создание собственной письменности, а до этого наддиалектного аварского разговорного языка *болмацI*, т.е. качественно иного, нежели прежде, осознания себя, «народа» в окружающем мире, естественным образом близка, а во многом и обусловлена ими (либо наоборот) посылка идеи национального строительства, равно как освобождения от давления внешних сил. Поэтому, конечно, одним из содержательных моментов начавшей разгораться со второй половины 1820-х гг. войны была национально-освободительная составляющая. Российская же политика, вершившаяся столичными администраторами и откомандированными на Кавказ военными и чиновниками, часто действительно способствовала углублению противоречий.

Как в данном случае не согласится со словами историка Владимира Лапина, подошедшего к изучению феномена Кавказской войны с позиций истории российского общества, и конкретнее – российской армии, который пишет, что это была война взаимного непонимания [29], непонимания основ и правил жизни представителями очень различавшихся друг от друга культур, культур в широком значении данного термина.

Примечания

1. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР. 1983. № 2.
2. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
3. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
4. Ахмадов Ш.Б., Гапуров Ш.А. Спорные вопросы истории Чечни XVIII – XIX веков (о некоторых работах М.М. Блиева) // Чеченская республика и чеченцы. История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19 – 20 апреля 2005 г. М., 2006.
5. Ортабаев Т.Х., Тотоев В.Ф. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4.

6. Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006.
7. Гамрекели В.М. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Тбилиси, 1972.
8. Гамрекели В.М. Социально-экономическая почва развития «лекианоба» в XVIII в. // Мацне (Вестник). 1972. № 1.
9. Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964.
10. Асиятилов С.Х. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX – начале XX вв. // Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1966. Т. XVI.
11. Асиятилов С.Х. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности // Там же.
12. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III.
13. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
14. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.
15. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978/
16. Магомедов Р.М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
17. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994.
18. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. – 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архив. материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958.
19. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII – XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Ч.II. Махачкала, 1999.

20. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму: Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
21. Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. СПб., 2002.
22. Гимринский Гассанилау. Имам Гази Магомед // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997.
23. Бобровников В.О. Опыт этнографической интерпретации рисунков на южнодагестанских надгробиях (XVII – XIX вв.) // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1998 – 1999 гг. СПб., 2001.
24. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. 1870. Вып. III.
25. Гамзатов Г.Г. Дагестанский феномен возрождения. Махачкала, 2000
26. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
27. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII – XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Ч. I. Махачкала, 1999.
28. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995.
29. Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. СПб., 2003.

**Гибель Натухая и феномен Куштанокка:
от идиосинкратичности образов к целостному видению**

Одной из опорных мифологем устойчиво воспроизводящихся в российской (в том числе и советского периода) историографии последних десятилетий по проблематике насильственной деадыгизации Черкесии, является тезис о самостоятельной и определяющей (наряду с имперской политикой) роли «мулл» и религиозного фанатизма в инициировании и реализации массового выселения коренного населения из страны на завершающей стадии Кавказской войны. Так, в «Истории Кабардино-Балкарской АССР» указывается, что начиная с периода Крымской войны фиксируются многочисленные призывы к выселению населения Северного Кавказа в Турцию, где его якобы ожидала «райская жизнь» (очевидно, что подобная формулировка предполагала, что агитация велась в категориях исламской доктрины) [1, с.234]. В последовательности изложения факторов обусловивших выселение, данное обстоятельство находит отражение в приоритетном порядке. Симптоматично, что авторы этого издания роль российского правительства в процессе небывалого в регионе демографического опустошения сводят к тому, что «благоприятная почва для этого создавалась и самим царизмом»*, явно подразумевая второстепенность имперского фактора в нем. Такая тональность и, в целом, подобный характер повествования вряд ли способствует выявлению причин того, что ситуация квалифицируемая ими как «трагедия адыгского народа» стала фактом исторической действительности.

При подготовке обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа академическое сообщество не сумело, даже в условиях начавшихся

* Слово *царизм* с полным основанием можно отнести к разряду «слов-пустышек», «слов-фантомов» которыми изобилует советский «новояз», страдавший «словесным фетишизмом». Об этом убедительно писал С.Д.Серебряный. В частности, он отмечал: «Такой “новояз” предназначен не для осмысленного общения между людьми, не для ясного и четкого выражения мыслей, а, напротив, для их искажения, для контроля над коммуникациями в обществе». История мировой культуры: наследие Запада: Античность. Среневековье. Возрождение: Курс лекций/ Под ред. С.Д.Серебряного. М., 1998. С.10–11.

процессов либерализации в стране, преодолеть догматизированные, лишённые прочной источниковой базы, но внедрившиеся десятилетиями и обладавшие мощным инерционным потенциалом представления. Признав, что за «подлинную трагедию» черкесов «нельзя снимать ответственность... с политики царизма на Кавказе» его авторы, тут же, следуя уже ставшему привычным принципу перераспределения вины указали, что «в огромной мере она лежит на Османской империи, на алчных адыгских князьях, боявшихся лишиться крепостных и рабов, на мусульманском духовенстве, разжигавшем религиозный фанатизм, на агентах западных держав»[2, с.210]. Как видим, авторы не скупилась для обоснования предзаданной позиции на использовании оценочного компонента с характерными приемами, тяготеющими к чрезмерной экспрессии. Однако в отсутствие эмпирического подкрепления значение данного пассажа с научной точки зрения весьма сомнительно.

В основных чертах о роли Порты в процессе выселения черкесов в первой половине 1860-х гг. инициированном и реализованном правящими кругами и вооружёнными силами империи Романовых в российской историографии уже имеются весьма компетентные работы. И в них никак не просматривается, чтобы мера ответственности Стамбула была «огромнее», чем та которую нес Петербург за опустошение Западной Черкесии [3, с.69 – 71; 4, с.19; 5, с.16 – 17, 26 – 29]. На этом фоне меркнет и «алчность» адыгских князей. Одно только обстоятельство, что у абадзехов, шапсугов, убыхов и натухайцев составивших абсолютное большинство оказавшегося в Османской империи к исходу 1864 г. кавказского населения не было княжеской власти, в то время как среди сумевших остаться на родине, наоборот, преобладали жители бывших феодальных владений, вполне явственно демонстрирует, что ответственность высшей адыгской аристократии не была сколько-нибудь существенной в черкесской катастрофе. Суждение об «огромной мере» ответственности в миграционном процессе лежащей «на агентах западных держав» также не выдерживает никакой критики в силу того обстоятельства, что согласно значительному

корпусу источников, европейские государства до самого конца не оставляли всевозможных попыток пролонгации черкесского сопротивления России. Разумеется, основным и неременным условием осуществления подобных планов было нахождение черкесов на родине.

На этом фоне сюрреалистичным и в той же мере циничным выглядит мнение демонстрируемое, уже, казалось бы, неотягощенным идеологическими шаблонами автором комментариев к недавно увидевшим свет воспоминаниям М.Я.Ольшевского. Здесь утверждается: «С 1858 г. на Западном Кавказе развернулось движение по переселению горцев в Турцию, этому способствовала и агитация за переселение, развернутая мусульманским духовенством и западноевропейскими эмиссарами. Эту агитацию поддерживали и турецкие власти. Российская империя считала, что переселение горцев снизит напряженность в регионе и со своей стороны не препятствовала выселению»[6, с.599].

Насколько «огромной» могла быть мера ответственности лежащей «на мусульманском духовенстве», которое, согласно вышеприведенным суждениям проводило «агитацию» и «разжигало религиозный фанатизм» и в какой степени такое клишированное представление можно считать правомерным мы попытаемся ответить в рамках настоящего очерка, опираясь на один весьма любопытный пример.

Прежде всего, на наш взгляд, следует указать на некорректность рассмотрения мусульманского духовенства в качестве самостоятельного политического актора в рассматриваемых событиях, хотя бы в силу того обстоятельства, что в исламе отсутствует единая самостоятельная организация наподобие, к примеру, католической церкви. В интересующий нас период верховным главой – халифом мусульман суннитов, как известно, был вполне светский султан Османской империи. Если духовенство и обладало в рамках данной конфигурации определенными сугубо «партикулярными» интересами, то их реализация была возможна лишь в рамках сложившейся системы этатистской детерминации и патернализма. В этом плане духовенство мусульман-суннитов, выпестованное в пределах или

в зоне влияния Османской империи, являлось по преимуществу агентом османского государства. В случаях, когда оно не являлось «придатком» механизмов управления Порты, речь шла о том, что мусульманское духовенство, позиционировалось в том же статусе и выполняло те же функции в пределах юрисдикции иных политических акторов, в том числе и Российской империи.

Для непредвзятого взгляда на ситуацию важно составить общее представление о степени «включенности» исламского духовенства в структуры черкесского социума – его институциональную устойчивость, а также своеобразие положения духовных лиц в условиях Кавказской войны. Уже в середине 30-х гг. XIX в. Хан-Гирей фиксировал в Черкесии весьма стабильную социальную страту представленную духовенством. Он отмечал, что оно подразделяется на «эфендии, кадии, муллы и моадзины»[7, с.192]. Далее указывалось: «Звание эфендия приобретает значительными познаниями духовных наук; из эфендиев же бывают и кадии, т.е. **духовные судьи**, которые разбирают и гражданские дела по **шариату** или по **гражданским законам** магометанским. Муллы в Черкесии суть священники, и для достижения их звания требуется лишь первоначальное познание религии. Моадзин есть помощник муллы, и обязанность его соответствует обязанностям дьячка при христианской церкви»[7, с.192]. Констатация такой градуированной иерархии отправителей культа и наличие прочной социальной базы для рекрутирования в их ряды, что подразумевалось самим характером сообщения со стороны не склонного к преувеличениям автора, бесспорно, указывало на то, что становление этого сословия у черкесов находилось далеко не на фетальной стадии. Вместе с тем, очевидно, что в этот период исламизация Черкесии была далека от завершения и, в условиях разворачивавшихся интенсивных военных действий, именно в этой сфере молодое мусульманское духовенство в наибольшей мере проявляло свою активность.

Вероятно, внимательно наблюдавший и весьма напряженно рефлексировавший над проблемой синтеза этнического и религиозного начал

в черкесском социуме Каламбий, заметил в этой связи, что «даже лица духовного звания из природных адыгов – а их было очень немало... даже эти естественные проповедники миролюбия... были вооружены и одеты не хуже всякого наездника, ездили верхом, участвовали в военных предприятиях не в качестве только подателей духовной помощи раненым и умирающим, но и как настоящие воины, а очень часто и как предводители»[8, с.224]. Короче говоря «набожные муллы» принимали «деятельное участие в военных предприятиях»[8, с.231]. Уже в первых сражениях российско-черкесского противостояния адыги действовали «под предводительством своего духовенства»[9]. В источниках отражается высокая активность черкесского духовенства и в последние годы войны. Так, в бою с российскими войсками 19 августа 1855 г. «за деревянный мост в верховьях Кубани», черкесским отрядом командовал здесь же погибший «эфендий Хабатов»[10, л.5 –7]. «Илиас-эфенди (из аула Гиммиев), Нагай-Мукаев-эфенди (из аула Чингой-хабль), Надок-эфенди (из аула Бауш)» – это все «лица весьма почетные», погибшие в кровопролитном бою у «Магомет-Аминевского аула» в ущелье р. Дынь-Шекодз (приток р. Пшеха) 27 апреля 1863 г.[11, с.222]. Такая ситуация подводит к заключению о том, что в ходе исламского «освоения» черкесского социума находившиеся на его острие адепты новой религии обречены были на демонстрацию своего соответствия ценностям выработанным и актуальным именно во внутричеркесском контексте. «Черкесский наездник служил олицетворением не одной грубой, материальной силы, но соединял в себе все идеальные качества, до которых доросли понятия адыгов», – отмечал тонко ощущавший мировосприятие своего народа Каламбий[8, с.224]. Лишь радикально аттрактивное заявление о своей приверженности идеалам черкесского наездничества позволяло мусульманскому «авангарду» выступать в роли полноценной референтной группы социума. И в этом случае невозможно дать однозначного, «правильного» ответа, отражающего всю палитру форм состыковки двух культурных моделей. И, по-видимому, к выявлению соотношения побудительных мотивов (стремления соответствовать рыцарскому идеалу

«шууфI» и достижению духовного уровня «му'мин») столь аскетичного, сколь и героического поведения «очень немалого» числа черкесских «мулл» в годы Кавказской войны следует подходить дифференцированно в каждом конкретном случае. Как бы то ни было, речь не может идти о «фанатизме» «мулл» как превалирующей характеристике черкесского духовенства. В этом плане примечательно отношение к возможной эмиграции из страны по религиозным мотивам зафиксированное другим классиком черкесской культуры. Хан-Гирей писал: «В 1828 году во время осады кр. Анапы шапсхгский первостатейный дворянин Шаганочерий Хаджи приезжал к отряду (российскому. – Т.А.) просить начальника о возвращении тел убитых накануне двух черкес. Этот Хаджи был одним из известнейших людей в Черкесии...»[7, с.309]. В начале общения с Хаджи «полагая, что религиозный фанатизм, свойственный людям его звания» осложнит их диалог, Хан-Гирей нерешительно стал разъяснять выгоды его перехода на сторону русских. Когда же речь зашла «об религии» «...сказал он решительным голосом, – я был в Турции и Египте; видел Божий дом (Храм Киаба в Мекке). Я знаю, что не от местности проистекает добродетель, а от души честной, благотворной; я верю, что жить ли в России между христианами, или в Мекке и Медине между магометанами, совершенно все равно для религии, ибо весь свет создан одним Богом, который есть начало веры и всего в мире сущего, и во всех частях добро есть добро, а зло – зло; я неучен, имею, однако ж, разум и верю только тому мулле, который имеет собственное разумение, ибо может ли тот разуместь Божию книгу (Кур-ана), кто лишен собственного разума. Эти безумцы проповедывают нам: «сражайтесь с неверными и не впускайте их в свою землю, когда же преодолеют вас, возьмите жен, детей и удалитесь с ними в Шам (Дамаск); когда же не можете и семейство спасти, то сами бегите в землю правоверных и спасайте свои головы и души от неверных», я согласен сражаться, пролить свою кровь, защищая родину, но нет силы, что же тогда делать? Бросить семейство на поругание, в жертву бедствиям и постыдным бегством себя спасать? Нет! Этого бог не велит! Мулла, это проповедывающий, лжет», – произнес он с сердцем и после некоторого

молчания продолжал спокойно. «Я мусульманин, русские христиане, но это обстоятельство совершенно мне не мешало бы принять твои советы (о переходе на сторону русских – Т.А.), на которые, однако ж, по другим причинам не могу согласиться». Когда полагавший, что речь идет о причинах сугубо религиозного характера Хан-Гирей спросил о мотивах подобной непреклонности, Хаджи озвучил свое убеждение заключавшееся в том, что «пока не зависишь от власти русских, они тебя и уважают и ласкают, а попадись под их руку» отношение кардинально меняется. Поэтому он твердо заявлял: «я не могу добровольно согласиться на то дело, следствием которого остающиеся после меня (то есть дети) будут лишены насущного хлеба и с надписью на плечах будут ходить по миру в позор моей памяти, моего имени!»[7, с.311]. Хан-Гирей констатировал, что его собеседник «природною силою своего разума» «отвергал... нелепые проповеди духовенства, фанатизмом ослепленного; Хаджа, который действительно имел много ума природного, ничего так не боялся, как цифры на плечах (т.е. номера, нашиваемые на эполетах казаков)»[7, с.312]. Здесь трудно не согласиться с комментарием М.Н. Губжокова к такому обстоятельству. Он, на наш взгляд, справедливо полагает, что «цифры на казачьих погонах, внушавшие отвращение кавказским мусульманам, не несли в себе какого-то мистического смысла, а воспринимались как зримый символ несвободы»[7, с.648].

Спустя почти десятилетие во многом схожую позицию демонстрировал другой черкес, проявлявший религиозное рвение. На этот раз это был один из лидеров хаджретской Кабарды Увжуко Хаджи Жансит. В беседе с русским офицером он говорил: «Я сам не располагаю покоряться. В мои годы неприлично покинуть дело, за которое я дрался шестьдесят лет и пролил столько крови. Не могу подчиняться чужой воле, новому закону и изучать иные порядки. Умру, чем родился»[12, с.373]. В свете подобных жизненных установок сложно говорить об ослепленных крайними формами религиозного догматизма и не считавшихся, а тем более не осознававших реальную действительность фанатиках. Напротив, в лице вышеуказанных

черкесских хаджи мы наблюдаем полноценное проявление «психологического консерватизма» названного Я.Гординым «психологической стабильностью, цельностью и прочностью мировосприятия», который, кстати, по его мнению, явился «одной из фундаментальных причин трагедии Черкесии, когда... она оказалась в неразрешимом конфликте с могущественной Россией»[13, с.386].

Определение значимости фактора религиозной пропаганды в процессе выселения черкесов на завершающей стадии Кавказской войны с необходимостью предполагает выявление степени подверженности населения ее воздействию. Иными словами следует понять, насколько религиозным было черкесское население в последние десятилетия активного противостояния военному натиску России и непосредственно в ограниченный период демографического опустошения страны адыгов. Для этого обратимся к источникам.

В январе 1842 г. ввиду важности понимания «настоящего состояния исламизма» у населения «северо-восточного побережья Черного моря» адмирал Серебряков сообщал начальнику Черноморской береговой линии: «По самым достоверным сведениям, мною собранным в течение пятилетнего служения в здешнем крае, я совершенно убедился, что веры у натухайцев и шапсухов собственно нет никакой; потому что хотя одни признают себя последователями корана, однако это ограничивается одним почти названием: эти мнимые мусульмане большею частью не исполняют даже наружных обрядов обрезания, венчания и тому подобных; о сущности же догматов не имеют никакого понятия». Закономерным следствием этого было то, что тогдашнее положение умов в Черкесии характеризовалось как «грубое равнодушие к мнениям духовным»[14, с.243 –244].

В следующем, 1843 г. размышляя о последствиях появления у абадзехов шамилевского посланца Хаджи Магомеда, адмирал Серебряков в одном из своих писем констатировал отсутствие «религиозного фанатизма» «у здешних горцев», и предрекал большие проблемы, в случае если «этот пришелец» «успеет» достичь «домогаемого» им уровня религиозного

усердия у черкесов – «подобно Чечне»[14, с.245]. Однако, со всей очевидностью, можно говорить о том, что опасениям адмирала не суждено было обрести реальных очертаний. Вскоре после достигнутого 20-го ноября 1859 г. между абадзехскими старшинами и генералом Филипсоном договора русские отряды были пропущены вверх по р. Шхагуаша вплоть до урочища Каменный мост. Вот как описывал это движение командующий: «Аулы, чрез которые мы проходили, не были покинуты жителями; женщины толпами смотрели издали на проход войск, а мужчины и дети наводняли лагерь с утра до вечера. При движении к Каменному мосту в моем отряде было больше абадзехов, чем солдат»[15, с. 91]. Думается можно полагать, что столь тесное общение (не говоря уже о многих годах службы в регионе) позволяло боевому генералу составить компетентное мнение о столь важном аспекте тогдашней политической повестки как уровень религиозности населения являвшегося до этого (как впрочем, и спустя 20 месяцев после) военным противником. Недвусмысленное заключение генерала Филипсона сводилось к следующему: «У абадзехов нет мусульманского фанатизма, хотя этот народ более привязан к исламу, чем шапсуги и натухайцы»[15, с. 92]. В данном случае мнение русского командующего лишь подтверждало сетования его недавнего главного противника – наиба Магомет-Амина. На встрече с Теофилом Лапинским в феврале 1859 г. наиб досадовал на то, что адыги «еще и через 20 лет не станут истинными мусульманами, если это вообще когда-либо случится»[16, с. 400]. Определенным подтверждением подобного взгляда являются наблюдения вышеупомянутого Каламбия зафиксированные спустя ровно десятилетие, в 1869 г. Излагая их, он отмечал, что распространяясь, ислам внес в жизнь адыгов «религиозный фанатизм»[8, с.224]. Между тем он признавал и другое: «... мусульманство внесло в черкесское общество весьма заметные преобразования. Оно сообщило сильный толчок и дало несколько отличное от прежнего направление и господствующей наклонности черкеса – воинственности. Направление это мы уже называли фанатизмом, хотя в строгом смысле черкесы не успели поравняться в отношении религиозной ревности даже с некоторыми

кавказскими племенами, например, с кумыками, дагестанцами, чеченцами и ближайшими своими соседями – ногайцами»[8, с. 230]. О том, что «более строгими последователями учения Магомета считались ногайцы, жившие по левую сторону Кубани» писал и М.Я.Ольшевский. Он также был того мнения, «что жители Западного Кавказа не были фанатики и строгие последователи учения Магомета и веровали более в свой «адат», или закон, основанный на обычаях, и полагались более на мнение и посредническое решение своих стариков, нежели на закон, заключающийся в Коране»[6, с.492 –493]. Вместе с тем следует указать на то обстоятельство, что генерал Н.И.Евдокимов в 1860 г. счел возможным отметить, что именно «в Кабарде более фанатического духа, чем в других (по-видимости, черкесских. – Т.А.) обществах»[15, с.98]. Но, как известно, в конечном счете, жители именно этой части Черкесии составили большинство оставшихся на родине адыгов. При этом существенно, что командование при желании оперативно изолировало «фанатиков» как это было тогда же в Кабарде[15, с.98 –101].

Здесь уместно обратиться к размышлениям видного государственного деятеля Г.Д. Орбелиани, имевшего многолетний опыт наблюдений за особенностями инкорпорации различных регионов в имперское пространство России. Он, удивляясь «неизменному явлению» сопровождавшему процесс территориального расширения Российской империи, констатировал: «Крым опустел, черкесы более 200 тыс. выселились из Кубани. Абхазия осталась без населения. Теперь жители Аджарии и Карса бегут от нас, точно от чумы!» Явно, подразумевая понимание подоплёки этого «неизменного явления» Г.Д. Орбелиани негодуяюще вопрошал: «Неужели все это объяснить фанатизмом?!»[5, с. 24].

Думается, что в контексте представленных обстоятельств рассмотрение конкретных фактов будет носить более осмысленный и продуктивный характер, что позволит, по крайней мере, избежать шаблонного, а потому и предвзятого взгляда ограничивающего возможности прояснения затрагиваемого здесь аспекта исторической ситуации. В связи с этим обратимся к деятельности эфенди Куштанок из области Натухай, чей

искаженный образ мог бы послужить примером человека охваченного исключительно корыстными устремлениями, побудившими его к заведомо асоциальному деянию.

Его историографический абрис весьма тускл, возможно, от этого и однозначен в своей неадекватности. В вышеуказанном академическом издании относительно персон выступавших в роли непосредственных подстрекателей к оставлению черкесами своей родины отмечается: «В переселении шапсугов большое участие принял эфендий Исхак. Пособником в переселении натухайцев был некий Куштанок, которому «за усердие» было выделено 2 тыс. руб.»[2, с.206]. Действительно, в предписании генерала Евдокимова на имя начальника Натухайского округа Бабича от 22 июня 1864 г. указывалось на то, что «эфендий Исхак личным участием и влиянием народов много содействовал успешному переселению шапсугов в Турцию. Вследствие сего прошу Ваше превосходительство, ежели за отправлением шапсугов в Турцию останется их в наших пределах не более ста семейств и эфендий Исхак пожелает отправиться в свою очередь в Турцию, то во внимание его заслуге выдать ему единовременное пособие 400 рублей серебром...»[15, с.303]. Уже в октябре небезызвестный начальник Шапсугского округа майор Т.Шипшев извещал о том, «что за выселением шапсуг... осталось на прежнем месте жительства противу Елисоветской и Марьянской станиц изъявивших согласие остаться в подданстве России 99 семейств». Ввиду того, что численность шапсугов была уменьшена до искомой численности, майор просил: «А так как народный эфендий Исхак в настоящее время отправляется в Турцию... на основании распоряжения его сиятельства командующего войсками разрешить выдать ему единовременное пособие 400 руб. серебром»[15, с.325]. Данная ситуация вполне прозрачна и вряд ли нуждается в особом пояснении. Разве только стоит отметить, что в ней шапсугский «эфендий Исхак» выступал как агент российского правительства и в этом смысле он мало чем отличался от находившегося на русской службе кабардинского уорка Шипшева. В этом плане помещение Куштанока с ярлыком «пособник» в один ряд с такой откровенно одиозной

личностью как «эфендий Исхак», несомненно, создает устойчиво негативный ареол вокруг его имени.

Прежде чем показать неправомерность подобного взгляда на роль Куштанока в ликвидации черкесской исторической области Натухай, обратим внимание на то обстоятельство, что даже такой авторитетный исследователь как Т.Х.Кумыков оказался под впечатлением навешанного на имя натухайца ярлыка. Во вводной статье к подготовленному им сборнику документов посвященному выселению черкесов автор практически повторил вышеуказанные суждения из «Истории народов Северного Кавказа»[15, с.16]. О том, что он поддался «обаянию» авторитетов (помимо собственного признания в использовании советов «выдающихся историков») косвенно свидетельствует то, что обращенная в адрес Куштанока «инвектива» фигурирует, так же как и в академическом издании, в увязке с именем «эфендия Исхака». Парадоксально, что отсутствие критического подхода и копирование штампов допускается автором в условиях, когда в его сборнике как раз и приводятся достаточное количество документов иллюстрирующих разные ипостаси личности Куштанока (в том числе и тот, содержание которого якобы уличает его в пособнической деятельности), опровергающие негативную однозначность в оценке его деятельности.

Первое известное нам упоминание имени Куштанока в источниках относится к лету 1860 г. 12 июля того года «вследствие представления командующаго войсками Кубанской области» в недавно созданный Натухайский округ приказано было назначить «наибями, азиятцев не имеющих чинов, Куштанок-Несу-Эфендия, Бос-Хаджи-Барам-Эфендия и Псаше-Хамако...»[17, л.14 Об.].

Это событие произошло в период небывалых потрясений в истории самой западной исторической области Черкесии. Российские войска «рядом непрерывных действий зимой и летом, в продолжение трех лет» заняли рубеж по линии «от Кубани до Новороссийской бухты, по речке Адагуму и Неберджайскому ущелью», и отрезав «таким образом натухайцев, заключенных в углу между Кубанью и морем, от соседей их шапсугов». Как

писал современник событий «две опустошительные зимние экспедиции сокрушили упорство этого племени, разъединенного с соплеменниками. В январе 1860 г. натухайцы принесли покорность»[18, с.143]. Уже за год до этого российское командование констатировало, что натухайцы оказались «в бедственном положении». Оно также отмечало, что «лучшие их люди перебиты или переселились к шапсугам; из наличных старшин нет ни одного, который бы имел решительное влияние на народ»[15, с.108 –109]. Вскоре, в декабре 1859 г.[19, с.139] (по другим данным 1 января 1860 г.)[16, с.396], «ником не замеченный» умер и хегакский князь Сефербей Занок позиционировавший себя как значимая политическая фигура в регионе. Хотя его сын – Карабатыр продолжал активную деятельность в деле сохранения независимости страны, в силу сложившихся обстоятельств, личных способностей и специфики действий в новых условиях, он был лишен возможности непосредственного влияния на дела не переселившихся в Шапсугию натухайцев. Именно в обстановке этих драматических перипетий на арену выступило новое и последнее поколение политических лидеров Натухая, наиболее видным представителем которого, несомненно, был Куштанок.

Не приходится доказывать, что в отличие от предыдущего периода, политические лидеры этого черкесского региона теперь обладали менее эффективными рычагами обеспечения интересов натухайцев и вынуждены были действовать в крайне сложной обстановке с оглядкой на оккупационную администрацию. Накануне «замирения» Натухая военное командование еще допускало, пусть даже гипотетически, возможность «в случае безусловной покорности» «изменить принятую систему относительно этого края и, вместо заселения оного казачьим сословием, дозволить население там покорных натухайцев большими аулами на достигнутых местах...»[15, с.109]. Однако «по плану действия 1861 года» «со стороны моря положено было занять под станицы Натухайский округ... Натухайцам назначались земли вдоль Кубани»[18, с.161, 163]. Но опыт наделения землей прекращавших военное сопротивление «обществ» не внушал оптимизма

даже высшему «кавказскому» руководству. Временно командовавший Кавказской армией генерал-адъютант Г.Д. Орбелиани уже в июле 1861 г. писал: «Общества... приносившие покорность, или оставлены были на старых местах их жительства, или, что бывало чаще, переселялись на новые им указанные места: но как в том и в другом случае им указывалась земля только примерно и временно. Затем по требованию военных обстоятельств из земель указанных туземцев мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию же этих обстоятельств снова переселяли и иногда по несколько раз с места на место; но и при этом новом переселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования. Этот порядок дел... поселял к правительству недоверие, заставлял каждого быть в постоянном опасении за будущее... Этим недостатком обеспеченности прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой... целые общества бросали указанные им земли и... в последнее время стали выселяться в Турцию.

Легковерие, фанатизм и ненависть к победителям играли роль второстепенную в этих явлениях»[15, с.132 –133].

В дальнейшем устоявшаяся порочная практика обнаружила тенденцию к усугублению. Но уже в период, когда Адагумский отряд приступил к «устройству в Натухайской земле станиц», т.е. с конца 1861 г., российское начальство в полной мере проявило не только отсутствие намерения хоть в какой-либо мере стабилизировать земельное положение замиренных адыгов на самой западной оконечности Черкесии, но и продемонстрировало свою крайнюю нетерпимость и готовность прибегнуть к необоснованным карательным акциям. Письмо генерала Н.И.Евдокимова начальнику Натухайского округа П.Д. Бабичу от 14 октября 1861 г. насыщено противоречиями, извращениями фактов и презумпцией вины в качестве базовой установки по отношению к натухайцам явственно показывает зыбкость их тогдашнего положения, несмотря на почти двухлетнее нахождение в статусе «покорных». Здесь в частности указывалось: «От

неблагонамеренного направления натухайцев в отношении покорности их российскому Государю, я не предвижу худых последствий для нас и прошу Вас не жалеть о теперешней знатной их покорности»[15, с.139]. Как видим, командующий в пределах одного предложения умудрился утверждать как наличие «знатной покорности» натухайцев так и их же «неблагонамеренность». Далее, демонстрируя немотивированную враждебность генерал «мечет гром и молнии»: «Прошу Вас объявить натухайцам решительно, что, как скоро они выйдут из послушания, Вы так же обратите противу непокорных имеющиеся у Вас силы и заставите их быть послушными. Натухайцы давно нарушили свое обязательство (учитывая, что выше речь идет лишь о возможности «выхода из послушания» в будущем, остается лишь указать на отсутствие всякой логики в изложении российского военачальника. – Т.А.), и Вы имеете полное право наказывать их хотя сей час, но воздерживаетесь от этого только из сожаления к невинным, которые между ними еще есть. Затем объявите решительно, что мы строим станицы, где нам нужно, и что при первом выстреле с их стороны истребим все их жилища, что прошу Вас исполнить, как только со стороны натухайцев будет дан к тому повод». С нескрываемой одержимостью он призывал своего адресата к тому, что необходимо «сделаться грозой для буйного, необузданного народа» хотя подобные эпитеты в большей мере отражали позицию и характер самого автора письма[15, с.139]. Написав, что действуя «путем добра и снисхождения» по отношению к натухайцам (в очередной раз противореча своим собственным словам) их «повиновение» не достигнуто Евдокимов убеждает, что для его достижения «лучшее время, конечно, теперь»[15, с.140]. «Не упустите его, воспользуйтесь им и потребуйте безусловного повиновения, при невыполнении же объявите их лишениями (т.е., лишенными. – Т.А.) права на землю на левом берегу Кубани», – настойчиво побуждает своего подчиненного «дезаурировать» основополагающий пункт покорности натухайцев. Несомненно, проступают определенные черты патологичности в очередном подбивании своего адресата на «решение» «неопределенной покорности натухайцев»

мотивируя свою навязчивость тем, что «ничего нет вреднее, как иметь среди себя таких людей, на которых нельзя положиться». И под конец подспудное желание прибегнуть к насилию взяло верх – он призывает Бабича «истребить аулы неповинующихся», и, что самое алогичное «поселить в болота аулы покоренных»[15, с.140].

Между тем можно составить ясное представление о том, насколько натухайцы были верны принятым на себя обязательствам. К примеру, начиная со времени их замирения, военные командиры регулярно практиковали «покупку сена» у местного населения. И Евдокимов был не только информирован об этом. Он сам рекомендовал нижестоящим начальникам, в условиях нехватки в зимний период «сухого фуража», продолжить данную практику[15, с.143]. Добросовестное отношение западных агучипсов к взятым на себя обязательствам позволяло начальнику Натухайского округа Бабичу утверждать следующее: «Серьезных столкновений с натухайцами, три года живущими покойно, трудно ожидать, если только меры неуместного и несвоевременного вмешательства не вызовут их на это»[15, с.181]. И, действительно, даже в период наиболее мощного натиска черкесских сил на излете Кавказской войны летом-осенью 1862 г., когда шапсуги вторглись в Натухайский округ и штурмовали Баканскую станицу, натухайцы воздержались от участия в военных действиях и не оказали поддержки своим соплеменникам. Вышестоящее командование же весьма опасалось этого[15, с.163; 18, с.171]. Здесь уместно вспомнить ту высокую аттестацию, которую заслужило «горское рыцарство» адыгов со стороны очевидца черкесского апокалипсиса проявившегося, согласно его свидетельству, в частности, и «в честном держании условий о перемирии»[13, с.397].

Особого внимания, в рамках данного документа, требует оценка Евдокимовым встречи с адыгскими депутатами при высадке Александра II на черкесский берег в сентябре 1861 г. Пытаясь обосновать свою нескрываемую враждебность к жителям Натухая, как впрочем, и ко всем черкесам, он прибег к банальному вранью даже перед собственным подчиненным. Вот его

слова на этот счет: «Государь император, не принимая от натухайцев никакой просьбы, я по крайней мере этого не видел, до какой степени мрачно, нерадушно и даже грубо приветствовали депутаты этого ничтожного племени Государя. Неудивительно тоже то, что ежели его величество и получил от них просьбу (очередное противоречие самому себе. – Т.А.), то не удостоил ответом; Государь приказал наделить землею всех, повинующихся ему, в количестве необходимом для жизни – что я и сделаю в свое время для каждого племени, так же, как и для натухайцев, которым место уже указано...»[15, с.140]. Сравним эти слова с описанием данного события в работе С.Эсадзе. Здесь отмечается: «11 сентября 1861 г. государь высадился в Тамани... Между прочим, в Тамань к этому времени прибыли более 500 мирных и немирных черкесов с намерением просить не выселять их с Кавказа. Император сразу обратил внимание на эту толпу черкесов, безмолвно стоявшую невдалеке; спросив у князя Орбелиани, кто они такие, он быстро направился к ним. Тут произошла одна из глубоко потрясающих сцен: при приближении монарха черкесы все как один схватились за оружие и, положив его на землю, благоговейно склонили свои головы; затем старейший из них, выступив немного вперед, произнес следующее приветствие:

«Великий государь! Мы счастливы, что вы обратили на нас свое милостивое внимание; еще более мы счастливы тем, что, несмотря на недавнюю войну с войсками вашими, вы так великодушно доверились нам. Мы это очень ценим... и клянемся отныне быть вашими истинными и верными подданными... Прикажите, государь, и мы все готовы свято исполнять всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить с ними в мире и согласии». Далее, согласно С.Эсадзе, рефреном звучала просьба: «Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды» [20, с.354 –355]. Окончание этой встречи описывается следующим образом: «В продолжение этой речи и потом, когда ее переводили, среди толпы царило глубочайшее молчание, – никто даже не шевельнулся. Государь со

вниманием выслушал слова старейшего черкеса и обещал сделать все возможное... Впечатление, произведенное черкесами на государя, было самое благоприятное, и он потом неоднократно расспрашивал о них князя Орбелиани»[20, с.355].

На этом фоне особенно явственно просматривается навязчивое стремление генерала Евдокимова выставить все, что связано с ненавистными им черкесами, и, в частности, с натухайцами в черном цвете. Однако, что действительно важно – это выяснить насколько он был последователен в осуществлении своего обещания о наделении натухайцев землей в необходимом для жизни количестве не перед рассматривавшимися им варварами – черкесами, а перед боевым соратником Бабичем. В течение зимы 1861/1862 г. «в Натухайском округе [были] разработаны дороги и приготовлены к заселению 11 станиц»[12, с.149], что, естественно, осуществлялось через отчуждение у населения земель. Затем, несмотря на проявленную натухайцами лояльность в летнюю кампанию 1862 г. оккупационные власти ужесточили условия пребывания черкесского населения в округе. При этом продолжалась практика периодического обострения наиболее болезненного для адыгов вопроса о земле посредством делигитимизации их присутствия на занимаемых территориях. Так, 26 октября 1862 г. в отзыве на имя Адагумского казачьего полка указывалось: «... предписать станичным начальникам, дабы они вызвали натухайских старшин и объявили им, чтобы никто из туземцев не разрабатывал земли и не сеял озимого хлеба там, где селу не указано, если же они и засеяли и будут производить подобные работы, то обязать станичных начальников волов, плуги и самых натухайцев заарестовывать... Арестованных довольствовать от общества туземцев»[15, с.164]. В последующем факты произвола приобрели систематический характер. В источнике отмечается, что «13 числа марта в проезде командующего Адагумского казачьего полка господина полковника Крюкова через ст. Нижне-Баканскую старшина Темрюк с другими старшинами просили дозволения сделать распашку земли под весенний посев на таких местах, которые в теперешнее время не могут быть

заняты под посев и сенокос жителями». Со стороны полковника Крюкова натухайцы получили разрешение на «распашку и посев»[15, с.178–179]. Однако спустя несколько дней, согласно новому предписанию начальника Натухайского округа, собранным старшинам было объявлено о необходимости приостановки сельскохозяйственных работ, в связи с чем распашка земли была приостановлена[15, с.179].

Подобный случай имел место спустя месяц с участием все того же полковника Крюкова. Командующий российскими войсками на Кавказе великий князь Михаил Николаевич во время посещения Натухайского округа в конце февраля 1863 г. согласился «дать горцам для посева и сенокосов» некий участок земли в случае «когда угодья эти не понадобятся жителям Адагумского полка и сами казаки согласятся уступить их туземцам»[15, с.180–181]. Крюков, вскоре после отъезда великого князя, «предоставил натухайцам производить хлебопашество». Осведомившееся об этом окружное начальство сделало гневное распоряжение о том, чтобы «с помощью находящихся в его распоряжении войск не дозволял никому из натухайцев пахать землю». Как писал начальник округа генерал-майор Бабич с целью «восстановления нарушенного порядка», т.е. для того, чтобы «безотлагательно выселить туземцев на определенную для них местность или отправить в Турцию» в данный район был отправлен другой офицер[15, с.181].

Подобными иезуитскими измышательствами, продолжавшимися на протяжении более трех лет, военная администрация стремилась подтолкнуть население к решению оставить родину. И, действительно, к началу мая 1863 г. начальник Натухайского округа констатировал возникшее желание «выраженное большим числом натухайцев и шапсугов переселиться в Турцию»[15, с.182]. В этом случае обнаружились две примечательные особенности. Во-первых, видимо, посчитав, что мера давления на натухайцев достигла критического рубежа, за которым не предвидится их ощутимого противодействия навязываемой депортации, командование решило осуществить данную акцию «не иначе как на их собственный счет, отнюдь не

нанимая для них судов за счет казны»[15, с.182 –183]. И, во-вторых, в данный конкретный период (май 1863), военное командование осуществляло мероприятия по выселению черкесов фактически на полулегальных (в рамках отношений с Портой) основаниях. Российская сторона в этот период признавала необходимость «разъяснения отношений нашего и Турецкого правительства» по этому вопросу. Вследствие этого командирам на местах настойчиво рекомендовалось «действовать при отправлении на кочермах переселяющихся туземцев как можно осторожнее, отнюдь не заводя никаких переписок с консулами, чтобы этим избежать иметь документы по этому делу вне границ нашей империи»[15, с.181 –182].

Как бы то ни было, очевидно, что надежды российского командования на скорое удаление столь нежелательного натухайского населения не оправдались. Сначала, 23 мая 1863 г., помощник начальника Натухайского округа Крыжановский в своем рапорте указывал, «что объявив горцам отправление на их собственный счет, явную вижу нерешимость к отъезду в Турцию»[15, с.188]. А затем натухайское население и вовсе саботировало навязываемые оккупационными властями мероприятия. Крыжановский 27 мая писал по этому поводу следующее: «Делая вчера в верховьях р.Мезекиша побуждение туземцам к переселению, я хотя не встретил особенного сопротивления, но они, уложивши свое имущество на арбы, только показали вид к переезду на новые места, а между тем, выехав со двора, скрываются с семействами в лесу, впредь до окончания переговоров, продолжавшихся, как они все отзываются, на реке Псебасе... где участвуют и их старшины; сего же числа рано утром мне дано знать, что большое население по Мезекишу к Баканскому ущелью выбралось с имуществом из сакель и, не отправясь на указанные места, скрываются в лесах, тоже в ожидании решения в главном Натухайском сборе.

Донося об этом Вашему высокоблагородию, докладываю, что я с сим вместе снимаюсь с позиции для разбора их саклей и следования на р. Атикей, и что население, впредь до решения переговоров, с выступлением моим, как видно, опять займет свое жилище»[15, с.190 –191].

Как ни изобретательны были натухайцы неумолимая настойчивость российского командования в стремлении выдавить коренное население, опрокидывала попытки жителей самой западной области Черкесии удержаться на своих местах. К 28 мая 1863 г. «часть войск» Адагумского отряда была «на некоторое время поставлена вблизи Геленджикской бухты» и начальник округа генерал-майор Бабич наставлял своего подчиненного «воспользоваться этим, употребить все возможные средства окончить переселение натухайцев на назначенную им землю до первого июня»[15, с.191]. Примечательно, что в своем наставлении начальник округа отпуск натухайских старейшин Саудака и Шашира увязывал «с окончанием переселения», что в свою очередь наводит на предположение о том, что они удерживались в качестве заложников. На фоне таких методов воздействия на население не первый год воздерживавшееся от враждебных действий в отношении России не удивительно, «что натухайцы, живущие на казачьих ((sic!). – Т.А.) землях, часть начала выселяться на указанную им землю, а некоторые изъявили желание отправиться в Турцию» [15, с.192]. Нарастающее предпочтение последней альтернативы в последующем было во многом заложено и другой мерой оккупационных властей: «По окончании переселения объявить старшинам, что для прекращения шалостей все натухайцы, желающие иметь торговли в станицах Адагумского полка и в укреплениях, должны иметь... при себе только шашки и кинжалы. Тем же, которые будут иметь ружья и пистолеты, находясь между станицами, приказано будет арестовать и отправить в Россию, а кто окажет сопротивление, с теми поступать как с неприятелем» [15, с.191.]

Одновременно вместе с приказом о необходимости «замеченных между станицами горцев с оружием... признать непокорными, поступить с ним[и] как с неприятелем» объявлялось о том, что «поселяне наши, если будут иметь надобность отправляться в Натухайские мирные аулы, то так же должны иметь при себе только шашки и кинжалы, и если кто будет иметь оружие (исключать проходящих команд), то тех допускается брать под караул и доставлять... для назначения им наказания»[15, с.192]. В данном

случае определяющим моментом является именно мера ответственности для разных категорий населения за один и тот же «проступок» – если в отношении черкесов фактически санкционировалась физическая ликвидация, то для пришлого населения предполагалось лишь доставление «под караул». К тому же и эта мера декларировалась ради проформы и на практике оборачивалась в фикцию. Об этом свидетельствует и один из архитекторов «погрома» Западной Черкесии – Р.Фадеев.

Столкнувшись с тем, что покорившиеся черкесы вынуждены были «переносить непрерывные притеснения и насилия от своих соседей-казаков» [21, с.399] он не мог скрыть удручающей ситуации перманентного террора, в которую попадали в это время прекращавшие военное сопротивление адыги. Наблюдая «частые насилия над туземцами их соседей-казаков» и последовательное воздержание адыгов от «сопротивления», российский генерал констатировал: «Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет. От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли – им пришлось много вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие; побить без причины горца для многих составляет забаву. Когда горец приходит в станицу для продажи своих произведений, казак дает ему что хочет, половину, четверть того, что он требует, и затем гонит его вон; есть станицы, в которые горец и показаться не смеет. Захваты земли производятся также без зазрения совести не только казаками, но войсками, которые выкашивают у горцев покосы, как сделал Ставропольский полк и многие станицы по Кубани и Лабее, или даже хлеба, отданные им начальством, как сделал Крымский полк (дислоцировавшийся в Натухае. – Т.А.)... горцы понимают это так, что у них нет собственности и что покоривший их народ может распоряжаться по своему произволу отведенными им землями. Бывают насилия покрупнее. Я слышал о многих случаях убийства и разбоя, совершенных казаками над горцами. Когда я был в армянском ауле, неподалеку оттуда один горский

мальчик стянул с казачьего воза арбуз; казак положил его наповал ружейным выстрелом»[21, с.405. – 406].

Обнаруживая понимание безысходности и бесперспективности для черкесского населения добиться в навязанных ему обстоятельствах хотя бы минимального уровня защиты от систематического террора тот же автор обреченно сетовал, что «следователи те же казаки, а людям, жившим с нашим казачеством, известно, как сильна у него круговая порука и как редко виновные бывают открыты и наказаны. Самая бесконечность следствия и суда составляют в глазах горцев доказательство безнаказанности всякого совершенного над ними насилия»[21, с.406]. В результате, закономерно заключал он: «В народе (черкесском. – Т.А.) укореняется мнение, что он беззащитно предан насилию соседей-русских, может найти спасение только в переселении в Турцию»[21, с.406].

Критическим уровнем напряженности характеризовалась сложившаяся ситуация когда командование действующей группировки российских войск на крайнем западе Черкесии обратило пристальное внимание на инициативы Куштанока. Их направленность, содержание и географический охват рисуют образ неординарной личности, способной действовать оперативно, и, что особенно заметно, нестандартно, что в свою очередь являлось залогом эффективной деятельности в условиях жесткого внешнего давления обнаруживавшего тенденцию к перманентному нарастанию. Так, 26 июня 1863 г. начальник Адагумского отряда Д.А. Фитингоф обратился к помощнику начальника Натухайского округа Крыжановскому с двумя письмами, в которых излагались меры, рассматривавшиеся им на тот момент в качестве первостепенных. Единственным фигурантом обоих документов, на чьей персоне замыкалась тогдашняя повестка не только в самой западной области страны адыгов, но и в смежных с ней регионах выступает Куштанок. Посредством первого из документов – «предписания», Фитингоф сначала информирует Крыжановского о том, что «сего числа», т.е. 26 июня «получил извещение, что на Убине устроено большое собрание горцев и ожидает к себе Куштанока. Имея в виду, что горец этот позволил себе уже однажды

явиться к генерал-майору Бабичу на Хабль с огромною толпою натухайцев (до 800 человек) и предполагая, что он желает и теперь явиться к шапсугам и абадзехам с подобною же толпою, и впредь упреждение этого, сделал распоряжение, чтобы Куштаноку дозволялось проехать от ст. Крымской по нашим передовым линиям к собранию на Убин не иначе, если при нем будет состоять не более 15 горцев»[15, с.196–197]. А затем посчитав свои действия недостаточными он обратился к своему адресату сделать «и с своей стороны распоряжение об объявлении Куштаноку, чтобы при нем, если пойдет на Убин, состояло не более 15 горцев; если же при нем будет находиться большее число горцев, то чтобы в таком случае проезд ему через наши линии был запрещен, так как настоящее настроение умов горцев и ежедневные происшествия на наших линиях требуют особенной строгости»[15, с.197].

Текст данного письма, отличающийся высокой информативностью, позволяет подойти к пониманию значимых аспектов рассматриваемой здесь ситуации. И, пожалуй, прежде всего, следует указать на многозначительность фигурирующего в переписке географического названия, с которым связывалось «большое собрание горцев», ожидавшего «к себе Куштанока». Дело в том, что течение р. Убин локализуется в восточной части Северной Шапсугии («Большой Шапсуг»), фактически на смежных территориях с Абадзехией. Разумеется, и собравшиеся там «горцы» были к этому времени ещё непокорённые шапсуги и абадзехи. В связи с этим просматривается весьма любопытная и неоднозначная картина, в центре которой находился эфенди Куштанок. Пожалуй, исходя из того обстоятельства, что для встречи с набом – российским «ставленником», уже четвертый год, так или иначе регулярно взаимодействовавшим с оккупационными властями, собиралось фактически народное собрание находившихся в состоянии войны с Россией частей черкесского населения, можно было бы предположить, что осознавшие неизбежность поражения шапсуги и абадзехи предпринимали очередную попытку прекращения изнуряющего противостояния на приемлемых условиях. Роль Куштанока при таком прочтении событий могла быть определена как посредническая и

транслирующая позиции сторон (в большей мере российскую на черкесов). Проговариваемое Фитингофом допущение возможности того, что «Куштанок действительно желает прибыть в это собрание и с благоприятным для нас намерением» косвенно подкрепляет такое предположение. Однако в таком случае весьма странным выглядит отсутствие четких представлений у начальника Адагумского отряда о намерениях натухайского лидера при посещении черкесского собрания, в ходе которого лишь допускалась возможность его действий в благоприятном для интересов России ключе.

Между тем представленные российским начальником действия Куштанока вряд ли можно рассматривать как поощряемые проявления лояльной военному командованию фигуры, функции которой в сложившейся конфигурации военно-политического взаимодействия в регионе были сведены лишь к роли передатчика информации между сторонами. Манера его действий в предыдущий период определенно указывает на прочное положение Куштанока у натухайцев и умение опираясь на этот ресурс, несмотря на перманентно критическую обстановку реализовывать весьма нежелательные для российского командования мероприятия. Не случайно визит Куштанока к российскому генералу, руководившему имперскими силами на крайнем западе Черкесии, охарактеризован с негативной экспрессией («позволил себе уже однажды явиться»). Хотя красноречивее оценок говорят факты: во-первых, то, что он, в самом деле, позволил себе действовать за границами Натухая – в глубине шапсугских земель – на Хабле, а во-вторых, прибыл к российскому генералу со столь внушительным эскортом («до 800 человек», разумеется, кавалерии)[22], скорее отличали инициативного и самостоятельного политического игрока, нежели представителя «покоренного» «племени» руководившегося в своих действиях директивами оккупационных властей. Командование это, безусловно, раздражало. Однако оно все же вынуждено было контактировать с Куштанокком и санкционировать его инициативы, несмотря на имевшиеся сведения о его далеко не лояльной к нему позиции. Об этом со всей очевидностью свидетельствует второй документ – «конфиденциальное

письмо» Фитингофа Крыжановскому от 26 июня 1863 г. В нем, в частности, отмечается: «В последнее время до меня доходят известия, что Куштанок не имеет намерения переселиться с Натухайским народом не только в Турцию, но и на указанные туземцам места (в большинстве своем на болота. – Т.А), и напротив, распускает слухи, что иностранные правительства объявят войну России, и тогда все пространство за Кубанью будет свободно от наших поселений и войск, и все горские народы получат полную независимость от России...»[15, с.197] Следует обратить внимание, что эти сведения начальник Адагумского отряда получал «в последнее время» т.е., по крайней мере, заметно раньше дня «извещения» о собрании горцев ожидающем Куштанока на Убине. И, тем не менее, Фитингоф не решился до выяснения истинного положения дел попытаться пресечь поездку Куштанока к шапсугам и абадзехам. Хотя нельзя не признать, что он испытывал серьезную озабоченность относительно подлинных намерений натухайского эфенди. Ведь вдобавок к 800 всадников, которые он мог провести в тылу российских линий, согласно полученным данным Куштанок заявлял, «что через полтора месяца по получении из-за границы артиллерии и нарезных ружей, все горцы должны поголовно восстать и на этот предмет будто бы имеет уже от Турецкого правительства 30 тыс. рублей сереб[ром]»[15, с.197].

Трудно не признать, что руководство Адагумского отряда оказалось в определенном замешательстве. Это сподвигло Фитингофа обратиться к Крыжановскому со следующими словами: «Как ни странны эти слухи, но они таковы, что ими пренебрегать нельзя, и я долгом считаю уведомить Вас об них с тем, что не признаете ли Вы полезным секретно разузнать, действительно ли эти слухи существуют между натухайцами и распускаются Куштаноком и принять меры к уничтожению их, тем более, что они, эти слухи, имеют, по-видимому, связь с некоторыми официальными секретными известиями»[15, с.197]. К приведенным сведениям из «конфиденциального письма» уместно добавить и другое, довольно примечательное сообщение согласно которому «наиб» объявлял о том, что по достижении независимости черкесы «будут управляться тремя пашами, в числе их и сам Куштанок».

Конечно, в этих словах просматриваются определенные амбиции натухайца, но верно и то, что для озвучивания подобного намерения он должен был живо чувствовать поддержку населения. Более того, такой открытый посыл можно рассматривать и как гарантию с его стороны на продолжение курса последовательной защиты национальных интересов. К тому же, изложенные обстоятельства со всей очевидностью свидетельствуют о том, что если российское командование несколькими годами ранее не наблюдало из «наличных [тогда] старшин» обладавшего «решительным влиянием на народ» то теперь, в период реализации мероприятий «дабы окончить натухайский вопрос», оно встретило эффективное противодействие лидера Натухая. Хотя нужно отметить, что Куштанок еще в ходе войны показал себя незаурядной личностью. Согласно фольклорным источникам он выступал организатором сопротивления и стяжал на этом поприще достойную репутацию («Кушъутаныкъо Нэшъу гушэр, Зэужьыджэ еугъуае» – (Куштаноко Кривой всех собирает), «Шуагъэ зэрапэсэр Кушъутаныкъуо Нэшъу» – (Почестью достаивают Куштаноко Кривого) [23]. Как можно понять, подобная характеристика Куштанока сложилась до января 1860 г. – впоследствии он в военных действиях не участвовал.

Между тем, российское командование активизировало свои усилия по выдавливанию натухайцев с занимаемых мест. В конце июля 1863 г., в целях «переселения туземцев», было решено войскам Натухайского округа придать дополнительно значительные силы [15, с.199]. Демонстрируя облыжное человеколюбие, командуя Адагумским отрядом, в связи с дополнительной концентрацией войск, обращался к помощнику начальника Натухайского округа подполковнику Маняти со следующими словами. «Поручая все вышеозначенные войска в Ваше ведение, прошу Вас начатое уже переселение туземцев окончить, по возможности, мирным путем, войска же должны служить только доказательством обеспечения себя от неисполнения законных требований наших» [15, с.199]. Исходя из того факта, что для всякого российского верноподданного (а тем более, верноподданного на военной службе) любое предписание, исходившее от монаршей особы,

имело, безусловно, легитимный характер, не имеет смысла опровергать уместность использования категории «законности» относительно этнической чистки. Однако мнимость беспокойства, проявленного со стороны непосредственных исполнителей преступной политики и напускное стремление к использованию имперских вооруженных сил «по возможности, мирным путем» настолько очевидны, что не допускают никаких двусмысленных толкований. Само принуждение к определенному действию под угрозой применения силы уже является насилием, и степень сопротивления объекта силового воздействия никак не влияет на квалификацию такого акта.

В любом случае, политика настойчивого выдавливания «неблагонадежного населения» приносила результаты. В переписке между армейскими командирами датированной тем же июлем уже можно было встретить подобные формулировки: «Душевно радуюсь успешным начинаниям Вашим по делу переселения натухайцев»[15, с.199]. К исходу первой декады августа атаман Кубанского казачьего войска рассчитывал «окончить натухайский вопрос» в ближайшей перспективе, так как по его признанию, в нем «заключается непрочность нашего положения»[15, с.201 – 202]. Непосредственно реализовывавший план командования по решению «столь важного вопроса» «как переселение натухайцев» подполковник Маняни также отрапортовал в оптимистичном ключе. К середине августа 1863 г. он успел переселить на продиктованные военными властями земли 2576 натухайских семей численностью 17476 человек. Более того, он «употребил все свои старания, чтобы желающие отправлялись в Турцию и был успех в этом»[15, с.204]. Однако, он же, с досадой, добавлял: «но Костанк-эфенди (Куштанок. – Т.А.), этот – враг всем нашим предположениям, успел опять склонить народ на свою сторону и даже клятвенно взял у них слово, чтобы никто не смел и подумать о переезде в Турцию, говоря народу, что он имеет положительные сведения, что в скором времени будет война и что все наши поселения очистят натухайскую землю» [15, с.204].

Трудно себе представить характеристику, более красноречиво раскрывающую подлинную роль Куштанока в рассматриваемых обстоятельствах. Разумеется, аттестацию Куштанока в качестве «врага» со стороны офицеров имперских войск не следует рассматривать как сиюминутный пейоративный выпад. Подобная квалификация, несомненно, явилась следствием определенной системы действий. Суть ее проступает сквозь слова «успел опять склонить народ на свою сторону». Из них, по крайней мере, следует, что на протяжении определенного периода Куштанок был последователен в продвижении к цели, кардинально противоречившей интересам военного командования, что, естественно, рассматривалось последним как враждебная деятельность. При этом, что очевидно, задействовав накопленный за годы, но обреченный в сложившихся условиях на стремительное исчерпание, ресурс доверия к его, на этот раз, нереализуемым обещаниям, Куштанок рисковал превратиться в антигероя натухайского общества. Однако, представляется, что осознание категорической недопустимости оставления родины можно рассматривать как объясняющий мотив его рискованных во всех отношениях действий.

Как бы то ни было, в августе 1863 г. Куштанок еще был полноценным политическим лидером западных агучипсов, чье влияние зримо ощущалось в соседних и даже отдаленных от Натухая черкесских областях. Об этом можно судить по дошедшим до действовавшего, в этот период, в Абадзехии Пшехского отряда сведениям о натухайском предводителе. Среди офицеров и солдат этой группировки российских войск циркулировала следующая информация: «Некоторые передавали, что слышали, будто один натухайский эфенди, Куштанов, находившийся уже в Турции, вернулся обратно к месту своего жительства через Джуб[г]у и деятельно проповедывал, чтобы горцы не сдавались русским, что он нарочно приехал подтвердить обещание Турции непременно прислать помощь, и что Турция пожертвовала и скоро пришлет около полутора ящиков с порохом, в удостоверение чего он показывал ключ от этих ящиков перед целым собранием»[24, с.12].

Разумеется, демонстрация «ключа» вызывает естественный скепсис, и вряд ли имеется необходимость в его обосновании. Вместе с тем, при уяснении значения данного сообщения, важно осознавать закономерности связанные с особенностями преобразования информации по мере своего распространения и последующего восприятия. К примеру, фигурирующая здесь устойчивая апелляция к «обещанию помощи» со стороны Турции требует адекватного историческим реалиям понимания. В данном случае речь, конечно же, не идет об официальной помощи Порты воюющей Черкесии, означавшей прямое нарушение условий Парижского договора, что было чревато открытой войной с Россией. Для дряхлого османского государства такой шаг был непозволителен. В этот период в правящих кругах в Стамбуле не было дееспособного черкесского лобби, обладавшего возможностью воздействия на правительственный курс. Центр поддержки черкесского сопротивления разместился на черноморском побережье Анатолии, в г. Трапезунд. И ядро «трапезундского комитета» составляли отнюдь не подданные султана. Наверняка именно в Трапезунд ездил Куштанок для переговоров с заинтересованными в черкесском вопросе сторонами. Кстати через Трапезунд действовал, Карабатыр Занок, снабжавший свою воюющую страну боеприпасами[15, с.201]. Можно вполне уверенно говорить о скоординированности действий между последним и Куштанок в этот период.

В целом, всякая значимая попытка внешнего воздействия на исход российско-черкесского противостояния в этот период (как, впрочем, много раз, и до этого) была обречена быть инициированной со стороны турецкого берега. И в этом смысле географический фактор был неумолим. Этим обстоятельством обуславливается столь частое упоминание «Турции» в качестве источника воздействия на политические перипетии черкесского берега Черного моря. Но, в превалирующей степени данное наименование несло географический смысл и лишь в незначительной – политический. Соответственно, в условиях отсутствия последовательного направляющего влияния Порты, черкесские политики реализовывали свои проекты никак не

соотнесенные с ее интересами. При этом апелляция к «Турции» в их риторике была уже не более чем данью традиции или же отражением элемента географической номенклатуры.

Впрочем, российская сторона и не рассматривала натухайского эфенди в качестве агента иностранного государства. Это видно из переписки, командующих, на этот раз, более высокого уровня, нежели окружное начальство. В отношении наказного атамана Кубанского казачьего войска Сумарокова-Эльстона командующему войсками Евдокимову сообщалось: «Куштанок разыгрывает европейского дипломата и я, быть может, пришлю его к Вашему сиятельству под предлогом представления Вам своего селям-аликум, а в Ставрополе Вам нетрудно будет удержать его, конечно, не арестованным; он получает письма из Турции и вообще разыгрывает роль, созданную нами самими»[15, с.202].

Как можно заметить, основной посыл сообщения сводится к звучащему рефреном «разыгрыванию» Куштанокком якобы «созданной» для него русскими роли «европейского дипломата». Принимая во внимание весь комплекс обстоятельств, в условиях которых пришлось действовать Куштанокку, сложно принять на веру претенциозное мнение атамана кубанских казаков. И едва ли нарочито снисходительная тональность изложения служит достаточным аргументом в пользу его версии. Обращаясь же к действительно значимым моментам, мы имеем, во-первых, факт назначения набом Куштанокка сразу по «замирении» Натухая. Учитывая апробированный за несколько месяцев до этого на Восточном Кавказе опыт назначения набоми наиболее влиятельных сподвижников плененного имама, очевидно, что на эту должность малозначимая в соответствующем регионе фигура определена быть, не могла. Во-вторых, в фольклорных источниках Куштанок недвусмысленно характеризуется как организатор военного сопротивления российской армии. В пору своего «наибства», как выше указывалось, он в военных мероприятиях против России замечен не был. Следовательно, соответствующую репутацию и политический капитал он приобрел до начала контактов с оккупационными властями. И в этом

смысле он не нуждался в создании для него особых условий для последующего «разыгрывания» предназначенной ему роли.

Собственно и полученная им от российской стороны характеристика «врага» вполне удостоверяет, что если Куштанок и играл какую-либо роль, то она была, отнюдь, не та, которую желало бы видеть имперское командование. Упорное и до определенного времени успешное противодействие российским планам по выдавливанию натухайцев со своих мест вполне удостоверяет подлинную роль, которую «разыгрывал» Куштанок в этот период. В данном контексте само допущение способности Куштанока «разыгрывать» роль «европейского дипломата» вне зависимости от эмоционального фона, в который помещалась подобная констатация, можно расценивать в качестве признания российским командованием как его весомого влияния в регионе, так и недюжинных политических талантов, которыми он умело пользовался. Ведь характеристику «европейского дипломата» в отношении Куштанока а priori нельзя расценивать как узрение в последнем представителя внешнеполитического ведомства одной из западных держав. Подобная оценка скорее относилась к содержанию и качеству политической деятельности натухайского наиба. Можно полагать, что под эпитетом «европейского» подразумевались свойства отличавшие политическую культуру Запада. Вероятно такие ее неотъемлемые черты как рациональность, прагматичность и, в определенной мере, изворотливость при отстаивании национальных интересов были замечены в деятельности Куштанока со стороны непосредственно взаимодействовавших с ним представителей российского командования. И, в этом плане, использование подобного маркера соответствующим образом характеризовало Куштанока как политического деятеля.

Примечательно, что если представитель более высокой инстанции – атаман кубанского казачества, рассматривавший инициативы и связи натухайского лидера в широком контексте общей политики в регионе предполагал возможность изоляции Куштанока лишь под благовидным предлогом и «конечно, не арестованным», то помощник окружного

начальника, деятельность которого систематически осложнялась «происками» эфенди был менее политичен. Он категорично заявлял: «Я давно бы этого вредного для наших видов человека с несколькими еще известными уже мне его приверженцами арестовал бы и выслал из округа, но из опасения мерою этою не дать толчок к открытому восстанию натухайцев воздерживаюсь в изложении этого до прибытия назначенных Вашим сиятельством в округ войск»[15, с. 204]. В тех обстоятельствах подобное «воздержание» было, пожалуй, наиболее благоразумной линией поведения для помощника начальника Натухайского округа. Ведь в это время, буквально за несколько дней до написания письма с вышеизложенным содержанием, стало известно, что «старшины Убыхов, Абадзехов, Шапсугов и Патхо-Куадж (натухайцев. – Т.А.) делают огромные сборы народа на Афипсе»[15, с. 202]. По меньшей мере, это означало, что лидеры Натухая открыто консультировались с продолжавшими сопротивление соотечественниками и, возможно, формулировали консолидированную с ними позицию. Этот факт сам по себе мог иметь место только ввиду определенных промахов окружного начальства, и был явным симптомом неблагополучия в его отношениях с натухайцами. В этих условиях любая акция, направленная против Куштанока могла вызвать «восстание натухайцев» с иррадирующим воздействием на замиренные области и спровоцировать интенсификацию резистенции абадзехов, шапсугов и убыхов.

Однако в это время люфт политических маневров Куштанока уже сузился до предельных величин. 16 августа 1863 г. генерал Евдокимов одновременно предписал начальникам Адагумского отряда и Натухайского округа «положить предел такому нескончаемому делу, которое, под разными предложениями, тянется около трех лет, а потому... больше не подымать никаких вопросов по переселению натухайцев»[15, с.205]. Далее, в документе состоявшем из двух пунктов, командующий войсками Кубанской области категорически требовал: «2) Если Куштанок не исполнит в 10-ти дневный срок принятые им обязательства по переселению натухайцев либо на

указанный им участок, либо в Турцию, либо в Черноморию, то неупустительно арестовать его и чрез г. Екатеринодар выслать в г. Ставрополь»[15, с.205]. Можно не подчеркивать того обстоятельства, что сама готовность, а точнее, даже склонность Евдокимова применить в отношении Куштанока наиболее жесткой (без ущерба генеральской репутации) формы репрессии, зримо обнаруживает политический курс которым следовал натухайский лидер. Однако представляется, что решимость и продолжительное целенаправленное продвижение в направлении противоположном «принятым обязательствам» выступают завершающими штрихами, оттеняющими самоотверженную деятельность Куштанока по спасению Натухая.

Очевидно, что в контексте установленного с начала 1860-го г. военно-оккупационного режима в самой западной исторической области Черкесии и проводившегося в его условиях систематического силового воздействия на население в последующие несколько лет, устоявшаяся в российской историографии версия о решающей роли «Турции», «западных держав», и, особенно, «религиозных фанатиков» в выселении натухайцев выглядит откровенно надуманной. Непредвзятый взгляд на достаточно объемный корпус источников (прежде всего, российского происхождения) позволяет составить адекватное историческим реалиям представление о подлинных причинах, приведших к гибели Натухая, как, впрочем, и многих других черкесских областей.

В целях выявления конкретных проявлений тех факторов, которые обусловили стремительное и тотальное демографическое опустошение территории западных агучипсов, целесообразно вернуться к «обещанию» командующего войсками Кубанской области. Как выше отмечалось, Евдокимов еще осенью 1861 г. заявлял о готовности «наделить землею» «натухайцев, которым место уже указано». Но такая готовность не получала реального воплощения ввиду того обстоятельства, что в соответствии с его словами «никак нельзя до сей поры узнать действительного числа жителей»[15, С.140]. Однако уже тогда такое сокрушенное сетование звучало

весьма малоубедительно. Ведь здесь же он грозился «лишениями [натухайцев] права на землю на левом берегу Кубани». Последующие решения командующего в полной мере подтвердили сомнительность его заверений.

Не позднее 14 августа 1863 г. помощник начальника Натухайского округа подполковник Маняги уже завершал составление «переписи» населения Натухая и заверял начальника Адагумского отряда в том, «что дня через два списки будут совершенно готовы и тогда уже мы будем иметь положительные сведения о численности натухайцев»[15, с.204]. Он также сообщал, что «всей земли, назначенной под поселение натухайцев, оказалось 68 тыс. десятин, в том числе до 10 тыс. земли болотистой, прилегающей к Кубани, и, сверх сего, горы и лес, не способные под поселение...» Спустя несколько дней уточненные данные как о численности натухайцев, так и о размере выделенных им земель были представлены атаманом кубанских казаков. Генерал-майор Сумароков-Эльстон писал, что «назначенной под поселение натухайцев земли по измерению оказалось 68 тыс. десятин и из нея удобной только 40 тыс. десятин и что на этом пространстве назначено поселиться 4400 семействам, или 26 252 душам обоего пола, остальные затем 1776 семейств, или 12 930 душ обоего пола, остаются еще на старых своих местах»[15, с.210]. Таким образом, получается, что на 39-ти с лишним тысячное натухайское население выделялось *de facto* только 40 тысяч десятин пригодной в сельскохозяйственном отношении земли, т.е., около десятины на человека или около 6-ти десятин на семью. Значение этого показателя ясно просматривается на фоне такого ключевого аспекта имперской колонизационной политики в Черкесии как специфика предоставления земель прибывающим из России переселенцам. К примеру, тот же Евдокимов, в мае 1863 г. выражал мнение о желательности «отмежевания» в Восточном Закубанье для 100–120 семей «Екатеринославских и Молоканских» колонистов участка земли «примерно 4 тыс. десятин в их полную собственность» из расчета «30-ти десятин на семейство»[15, с. 189]. Однако спустя две недели он извещал «начальника

главного штаба» о решении, «чтобы означенным колонистам было отведено по шестидесяти пяти десят[ин] на семейство»[15, с. 189].

И все же российский генерал ясно давал понять, что не приемлет предоставления черкесам участков земли даже в такой откровенно издевательской пропорции. Он, когда ему было представлено «действительное число жителей» Натухая (необходимость выяснения которого, как выше отмечалось, им озвучивалось как условие наделения западных агучипсов землей), категорично заявлял, что «в настоящее время не было никакой надобности приводить в известность народонаселение натухайцев и заниматься соображениями о величине участка, назначенного для их водворения. Это исчисление ни к чему не приведет...»[15, с.205]. Последовавший приказ о том, чтобы «немедленно переселить натухайцев на указанный участок... тем же, которые не захотят переселиться на этот участок, предложить теперь же немедленно идти в Турцию, назначив для сего двухнедельный срок или переселиться на свободные земли – в Черноморию»[15, с.205] был наглядным проявлением проводившегося оккупационными властями курса по изгнанию автохтонного населения Натухая.

Прояснив ситуацию со степенью соответствия «указанного участка» нуждам натухайцев следует уяснить и подлинное содержание обозначенной Евдокимовым в качестве реальной альтернативы возможности их переселения «на свободные земли – в Черноморию». Еще 4 августа 1863 г. командующий Адагумским отрядом в своем письме предлагал помощнику начальника Натухайского округа подполковнику Маняни «внушить охоту или желание части натухайцев поселиться у самой же Кубани на правом берегу, например, между Капылом и Андреевским постом»[15, с.200]. Он уверял, что «место просторное и во всех отношениях удобное для поселения». Лично посещавший низовья Кубани, с 1861 г. начальник Кавказской резервной дивизии М.Я.Ольшевский давал совсем иную характеристику данному району. Вспоминая свое путешествие по этим местам, он отмечал, что «миновав... Елизаветинскую станицу

(находившуюся примерно в полутора десятках километров западнее Екатеринодара. – Т.А.), пошли болота, да песчаные занесенные илом поля»[6, с.512]. А «во всех отношениях», по мнению командующего Адагумским отрядом, «удобное для поселения» место обозначено М.Я.Ольшевским как «царство комаров да “ссылный Копыльский пост”». Разъясняя подобную аттестацию, он писал: «На Копыльский пост назначались казаки за наказание – так велики были мучения от мириад больших и с длинными жалами комаров. От их укушения не избавляло и постоянно горевшее на постовом дворе курево, дым от которого разъедал глаза. Поэтому не удивительно, что у черноморцев были одутловатые лица и красные больные глаза»[6, с.512].

Не в последнюю очередь и из этих наблюдений проистекали и следующие рассуждения автора. «Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности... не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда с степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом? К тому же каждый абадзех, шапсуг, убых понимал, что, с переселением в Черноморию... он будет лишен той независимости и свободы, которой пользовался в трудно доступных для нас горах и лесах»[6, с.532].

Как бы то ни было, очевидно, что командующий лишь ради проформы обозначил Черноморию в качестве альтернативы, куда могло быть канализировано переселение натухайцев. Из поступавших от военных командиров в Натухае сведений следовало, что существует устойчивое «предубеждение горцев к выселению в русские пределы» и, что они «ни под каким видом не согласятся принять предлагаемую им землю за Кубанью». Один из командиров удивленно писал по этому поводу: «... услышали ли они до того об этом или по своему соображению считают это невозможным, но все они постоянно при всяком переговоре с нами твердят в один голос, что

никогда не согласятся перейти на жительство в Черноморию»[15, с.200, 204]. Не воспользоваться таким благоприятным для своих видов обстоятельством генерал Евдокимов вряд ли мог. К тому же факт того, что он категорически отвергал своевременность процедуры выяснения численности натухайцев, показывает, что в его планы их размещение на подведомственной ему территории не входило. В противном случае он просто с непреложной необходимостью нуждался в их «переписи». Собственно генерал Евдокимов и не скрывал свои приоритеты в сложившейся ситуации. «В особенности стараясь отправить в Турцию население» он стремился, по его словам, избавить казну «от весьма может быть значительных издержек на выдачу на первое время провианта горцам, если бы они переселились к нам, так как сии не имели бы никакой возможности просуществовать целую зиму на свой счет»[15, с.221].

Принимая во внимание подобное обстоятельство, можно не акцентировать внимание на моральном аспекте письма Евдокимова начальнику главного штаба Кавказской армии, написанного ровно через месяц после категорического требования закрытия «натухайского вопроса». Наряду с прочим оно содержало суждение о том, что если бы не «дикость нравов, совершенное недоверие к нам и желание необузданной свободы», черкесы «нашли бы в назначенном для них поземельном довольствии свободный простор, потому что земли незанятой еще много в районе Кубанской области»[15, с.220]. По-видимому, данная сентенция была направлена на оправдание определяющей цели всей системы действий реализовывавшейся в этот период в стране адыгов. Формулировка Евдокимова на сей счет выглядит следующим образом. «Чтобы раз и навсегда покончить с Западным Кавказом, по моему мнению, необходимо обессилить туземное население в Кубанской области до такой степени, чтобы оно не представляло никаких выгодных условий для внешних интриг, которые и не найдут себе пищи в ничтожном сравнительно населении...»[15, с.220 – 221]. О том, что данное мнение не носило случайного характера, а являлось зримым проявлением стратегической линии царского правительства

в войне с Черкесией, по крайней мере с периода пацификации сопротивления на востоке Кавказа, свидетельствуют и другие виднейшие чины российской армии в регионе. «Правительство имело одну цель в западно-кавказской войне: сдвинуть горцев с восточного берега Черного моря и заселить его русскими», – со свойственной штабному офицеру однозначностью писал выполнявший «особые поручения» при командующем Р.А.Фадеев[18, с.194]. В предвкушении приближавшейся развязки войны не менее откровенен был и великий князь Михаил Николаевич. В «отзыве» к военному министру от 26 – 27 марта 1864 г. он писал об «успешном действии наших войск против непокорных горцев с целью понудить их к скорейшему выселению в Турцию...»[15, с.357].

В контексте подобного положения и обозначенной готовности военных командиров «прибегать к насильственному выселению части их (натухайцев. – Т.А.) в Турцию»[15, с.201] подлинный смысл многих приказов, касавшихся переселения натухайцев становится предельно очевидным. Формулировки подобно тому, что «войска, которые выдвинуты в Натухайский округ с целью привести выселение туземцев к желанному успеху»[15, с.210] перестают выглядеть двусмысленно. Тем более что источники показывают системный характер проводившегося курса в отношении натухайцев. И директивы пестрящие требованиями о том, чтобы «... войска не ограничивались одним только наблюдением за переселением туземцев, но чтобы все бывшие жилища их (натухайцев. – Т.А.) совершенно уничтожили...»[15, с.218] или же открытые угрозы натухайцам о том, что «если они к 5 сентября не выступят и отряд застанет их на прежних местах, то таковых арестованными отправят на переселение в Россию»[15, с.214] не нуждаются в расшифровке.

В свете сложившейся ситуации не приходится гадать и о содержании предпринятых генералом Бабичем мер, которые позволили известить командующего войсками о том, «что все натухайцы и шапсуги уйдут в Турцию» за что 25 мая 1864 г. начальник округа получил благодарность от Евдокимова. Сообщая об этом, начальник штаба войск Кубанской области генерал-майор Заблодский подчеркивал, что особой похвалы в ряду этих мер

удостоился запрет черкесам со стороны Бабича «дождаться уборки хлеба»[15, с.296]. Мотивировка подобного решения была столь алогичной, сколь и бесчеловечной. В документе указывается, что оно было принято «потому что эта причина дает им предлог остаться и на зиму». В связи с этим стоит ли подчеркивать, что «уборка хлеба» в конце лета – начале осени логически никак не вяжется с перспективами «остаться и на зиму». Наоборот наличие собранного урожая у депортируемых черкесов могло бы стать гарантией от продовольственной катастрофы, которая и настигла их в период изгнания. В этом плане, очевидно, что завершение работ по «уборке хлеба» могло выступить фактором ускорения выселения, но никак его отсрочки. Разумеется «уборка хлеба» могла быть использована в качестве вразумительного «предлога» для задержки «на зиму» лишь, в случае если бы речь шла об озимых культурах. В данном случае наблюдалась иная ситуация. Российские же генералы, обозначая надуманную причину для своих запретительных директив, создали условия для кратного увеличения жертв среди депортируемых шапсугов и натухайцев.

Ввиду подобного положения, по меньшей мере натянуто и соответственно неубедительно выглядят обвинения Куштанока в «пособничестве» депортации (которые, как выше представлено, весьма распространены в российской историографии), опирающиеся исключительно на одно предложение из документа адресованного Бабичу. Оно гласит следующим образом: «Для того чтобы в этом важном деле не было никакой остановки, командующий войсками разрешил Вам (Бабичу. – Т.А.) выдать Куштаноку 2 тыс. руб[лей], когда все натухайцы уйдут в Турцию»[15, с.296]. Как видим, здесь нет ни единого слова, прямо указывающего на активную вовлеченность натухайского эфенди в имперские мероприятия по депортации черкесов.

Напротив, особенности динамики ситуации с последними двумя годами пребывания натухайцев на родине, зримо показывают исключительно напряженную активность с его стороны по пресечению планов российского командования. Отголоски деятельности Куштанока чувствительны на всем

протяжении данного периода. Памятуя о сорванном плане оккупационных властей еще к началу лета 1863 г. «окончить переселение натухайцев», нельзя не признать, что во многом такой результат стал возможным благодаря его усилиям. Именно при его активном противодействии командование было вынуждено отложить решение «натухайского вопроса» на август 1863 г. Однако лишь осенью того же года российские войска смогли принудить натухайцев начать массовое выселение. При этом необратимый характер данный процесс приобрел лишь весной 1864 г. (наиболее интенсивная переписка отражающая перевозку натухайцев через море относится к апрелю-маю 1864 г.) [15, с.273 –282].

В подобных обстоятельствах удивителен сам факт того, что натухайцы умудрились посеять хлеб и допускали еще возможность «дождаться» его уборки. И если российское командование своей готовностью платить эфенди по завершении «ухода» натухайцев дабы «в этом важном деле не было никакой остановки» признавало за ним такое влияние на соплеменников, что он был способен в очередной раз осложнить реализацию имперских планов (даже после завершения военных действий в Западной Черкесии), есть все основания полагать, что и весенний сев 1864 г. был осуществлен под непосредственным влиянием, а возможно и руководством Куштанока. И, в этом случае, последний объективно предстает как наиболее последовательный и эффективный противник черкесского изгнания.

Примечания

1.История Кабардино-Балкарской АССР. С древнейших времен до наших дней в двух томах. Т.1. М., 1967.

2.История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) Ответ. ред. А.Л.Нарочницкий. М., 1988.

3.Магомеддадаев А. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю: История и современность. Кн.2. Махачкала, 2001.

4.Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: История и современность (вторая половина XIX –XX вв.) Махачкала, 2001.

5. Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007.

6. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Спб., 2003. Показательно, что соответствующий комментарий был сделан к следующему утверждению Ольшевского: «Будучи же окружены нашими укреплениями и стеснены в поземельной собственности нашими станицами, [натухайцы] начали добровольно переселяться в Турцию» – С.517. Мнение о том, что позиция России свелась лишь к тому, что она всего лишь «не препятствовала выселению» особенно странно звучит на фоне однозначных сообщений комментируемого им автора. Ольшевский, в частности, писал: «... не было уже злейших по своим хищничествам врагов казачьего населения – бесленеев, башильбаев, тамовцев, баговцев, кизильбеков, шах-гиреев и беглых кабардинцев; все эти, хотя небольшие, но хищнические общества, весною 1861 года, **были переселены в Турцию силою нашего оружия** (выделено нами. – Т.А.)». «Махоши, темиргои и егерукаи – черкесского происхождения – **будучи окружены войсками в апреле 1862 года, принуждены были оставить свои леса и отправиться в Турцию** (выделено нами. – Т.А.)» – (С.518). Другие свидетельства российского генерала не менее красноречивы: «... положение **выселяемых в Турцию абадзехов и шапсугов** с каждым днем ухудшалось (выделено нами. – Т.А.)» – (С.549). «Отчего же произошло, что... **изгоняемые из своей родины абадзехи и шапсуги** претерпевали такие страшные мучения и страдания? (выделено нами. – Т.А.)» (С.551).

7. Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.

8. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) Записки черкеса. Нальчик, 1988.

9. Архив внешней политики Российской империи. Ф.115. Кабард. дела. Оп.115/2. Д.21.

10. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф.16. Оп. 2. Д.176.

11. Гейнс К. Пшехский отряд. С октября 1862 по ноябрь 1864 года // Военный сборник. Т. 47. Спб., 1866.

12.Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф.Торнау. Нальчик, 1999.

13.Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2011. «Психологическая стабильность, цельность и прочность мировосприятия» черкесов имели конкретные проявления. Так, в дневнике, посвященной одной из военных экспедиций в Западную Черкесию российский офицер Н.В.Симановский описывал поведение окруженного черкеса. Не имея возможности вырваться из кольца окружения, черкес бросился в море. И когда ему через переводчика предложили сдачу в плен он закричал, «что он лучше утонет, чем сдастся. Пули градом на него посыпались, и он пошел ко дну...» Очевидец справедливо воздавал должное «твердости характера» черкеса: «он решился лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы!» – Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. Спб., 2000. С. 401 – 402. Другой пример «наделенности нравственной силой» был проявлен черкешенкой во время отхода совершившего рейд в Абадзехию отряда генерала Засса. Тогда, плененная дочь одного из абадзехских старшин при переходе р. Ходзь бросилась с коня в реку. Её охранник подался за ней. Началась получасовая борьба между мужчиной «атлетических форм» и «слабым, нежным творением» в водах бурной горной реки. Не сумев оторваться от преследователя «движимая возвышенным отчаянием, черкешенка схватила этого человека за середину тела и попыталась увлечь его на дно реки». Как характеризовал поведение черкешенки очевидец – офицер российской армии, «юная девушка... наделенная нравственной силой и чрезвычайной волей, предпочитала смерть неволе» – Неизвестные страницы Кавказской войны. Историко-этнографическое издание. Составление, предисловие, перевод с французского и английского языков, К.А. Мальбахова. Нальчик, 2012. С.81 – 82.

14.Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. Спб., 2000.

15. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70 гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Составитель Кумыков Т.Х. Нальчик, 2001.

16. Теофил Лапинский (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.

17. Государственный архив Краснодарского края. Ф.347. Оп.1. Д.38.

18. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005.

19. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992.

20. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. Очерк Кавказ.-гор. Войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. М., 2004.

21. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. Сост. Лебедев С.В., Ляницкая Т.В. М., 2010.

22. В 1838 г. Натухай выставил в поход около 2000 пехоты и «до 5000 всадников», по сообщению очевидца, без кавалеристов с побережья, с присоединением которых «их численность могла утроиться». Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С.508 – 509. С учетом военных потерь за три десятилетия и ухода значительной части натухайцев в 1860 г. к шапсугам понятно, что 800 всадников в качестве эскорта красноречиво свидетельствует о значении Куштанока в Натухае.

23. Фонотека КБИГИ. Инв. номер 431/в, инв. номер 451/10, инв. номер 548/6.

24. Гейнс К. Пшехский отряд. С октября 1862 по ноябрь 1864 года // Военный сборник. Т.48. Спб., 1866.

ПОСЛЕ ГЕНОЦИДА: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ЭТНОСА

Этносы, пережившие в прошлом крупные потрясения, сопровождавшиеся потерей территорий, массовым сокращением населения, упадком традиционной культуры и социальной организации сегодня имеют не одинаковые возможности и условия преодоления постигшей их участи. В более выгодном положении находятся народы, обладающие полноценным политическим суверенитетом, то есть имеющие собственное государство, которое выступает плацдармом, своеобразным тылом в деле регенерации подвергшегося насилию этноса. Государственный ресурс позволяет охватить и пролоббировать различные стороны данного процесса.

Во-первых, это возможность свободного написания, увековечивания и пропаганды истории трагических событий, обращение к которым служит важным фактором этнической консолидации. Яркий тому пример, Армения с Музеем-институтом геноцида армян и Израиль с Музеем Холокоста. Это крупные исследовательские центры и грандиозные мемориальные комплексы, посещение которых непременно значится в программах визитов зарубежных политических и духовных лидеров, что выводит вопрос о трагедии народа на международный уровень. Попытки его искажения или отрицания в официальных кругах другого государства будут сдерживаться опасениями разлада дипломатических отношений.

Во-вторых, на государственном уровне решение вопроса о привлечении к ответственности, признании и покаянии причастных к трагедии лиц и сторон имеет больше перспектив. Сам этот вопрос является важной составляющей процесса восстановления исторической справедливости. В короткий период независимости Армении (1918 –1920) правящая партия Дашнакцутюн организовала операцию «Немезис», заключавшуюся в ликвидации ответственных за массовые убийства армянского населения турецких, азербайджанских политических и военных деятелей, а также их

пособников из числа самих армян. Израильские спецслужбы также в 1950 – 1960 гг. организовали охоту за нацистами, выступавшими за «окончательное решение еврейского вопроса». Операции Дашнакцутюн и Моссад противозаконны с точки зрения стран, на территории которых они проводились (нарушение государственного суверенитета). Но, с другой стороны, выступая от имени государства, участники этих операций находились под его защитой, то есть их действия были вполне законны и морально оправданны.

Исторические претензии «государства-жертвы» к «государству-агрессору» включаются в повестку мировой дипломатии. Используя столкновение интересов на международной арене «государство-жертва» может найти (или же найдут его) союзников в своих устремлениях. Легитимность претензий и шансы на их удовлетворение, в этом случае, возрастают.

В-третьих, использование государственных рычагов играет существенную роль в вопросах восполнения причиненных трагедией материальных и духовных потерь. Массовая гибель носителей культурной традиции – серьезная угроза для ее дальнейшего бытования. Выжившая часть этноса, в силах отвести угрозу, используя широкий спектр возможностей, вытекающих из наличия суверенного государства. Его участие важно и в организации материальной и финансовой помощи жертвам этнических гонений (социальные льготы, пособия, надбавки и т. д.), а также в предъявлении счетов странам, на территории которых последние понесли убытки. Европейские банки, заморозившие счета евреев, предприятия, использовавшие их труд, лица и организации, присвоившие их бизнес, дома и т.д., после падения Третьего Рейха столкнулись с настойчивыми требованиями руководства Израиля о выплате компенсаций бывшим владельцам, а если таковых нет, то их родственникам. По соглашению 1952 г. с ФРГ, еврейское государство получило три миллиарда марок. Законы, предусматривавшие различные виды компенсаций еврейским общинам были

приняты в разное время правительствами Бельгии, Норвегии, Польши, Венгрии, Литвы.

Образование независимого государства в 1948 г. позволило евреям снять, введенные в 1933 г. Великобританией ограничения на иммиграцию в подмандатную Палестину, и свободно репатриировать в Израиль переживших Холокост и нуждающихся в помощи соотечественников, а также дать приют многочисленным общинам, подвергшимся погромам в арабских странах. За три года независимого существования население Израиля увеличилось более чем в два раза.

Таким образом, наличие государства имеет принципиальное значение в преодолении этнической катастрофы, заключающееся, прежде всего, в свободе действий внутри страны и в возможности использования дипломатических рычагов.

В менее выгодном положении находятся народы, для которых этническая катастрофа обернулась, помимо прочего, включением в состав другого государства. Процесс этнической регенерации, в этом случае, обуславливается не только собственной волей, но и позицией государства, для которого эта воля лишь частный случай. Любые устремления к преодолению трагедии воспринимаются государством, ответственным за нее как претензии, удовлетворение которых может противоречить державным интересам. Кроме того, признание своей ответственности, по мнению формирующих государственную позицию кругов, грозит репутационными потерями. Однако в долгосрочной перспективе такой шаг представляется наиболее приемлемой формой взаимодействия государства с покоренным народом.

Примеры подобного взаимодействия можно встретить в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Коренное население этих стран в результате внешней экспансии прекратило свое независимое существование, понесло значительные людские и территориальные потери. Однако эти события не замалчиваются а, напротив, являются предметом открытой дискуссии. В научных кругах (в «бледнолицей среде») идут споры: признавать ли

трагедию коренных жителей геноцидом или нет? Режиссеры снимают фильмы, отражающие тяжелую судьбу аборигенов и реальные методы их покорения. Проблема коренного населения, выражаясь современным языком, «неплохо раскручена» не только в собственных странах. Об их злоключениях, благодаря литературе и кино, знают в любом уголке мира.

Церемонии открытия зимних Олимпийских игр в США, Австралии и Канаде не обошлись без участия представителей коренных жителей. Сборная Новой Зеландии по регби на мировых первенствах активно использует и популяризирует элементы культуры коренного населения страны – маори, за что последние, при этом, получают солидные отчисления из государственной казны. Речь идет, в частности, о танце воинов «Хака».

С конца пятидесятих годов прошлого столетия, отмечает чешский этнограф, профессор М. Стингл, в американском обществе «возникает некий общенациональный комплекс вины за несправедливости и обиды, нанесенные «краснокожим братьям», первоначальным обитателям Нового Света. Например, Кастер, герой антииндейских военных экспедиций, даже в глазах рядового американца превращается в кровавого убийцу. Выражением этого комплекса вины становится стремление загладить ее. Неожиданно появилось множество охотников помогать индейцам, начиная с американских церквей и кончая американскими президентами» [1, с. 232].

В 1992 г. Национальный Совет Церквей США в специальной резолюции назвал открытие Америки «вторжением», которое обернулось «рабством и геноцидом» для коренных обитателей континента [2]. В ноябре 2009 г. президент страны Б. Обама собрал в Белом Доме представителей индейских народов и в своей речи пообещал последним «искупить вину властей перед коренными народами» [3]. В том же году Конгресс США по собственной инициативе включил в закон о расходах на оборону заявление о принесении официальных извинений индейцам США за «множество случаев насилия, плохого обращения и пренебрежения, которым подвергались Коренные Народы со стороны граждан Соединённых Штатов» [4].

Практика национального покаяния за исторические ошибки в последнее время становится важным атрибутом политической жизни современного демократического государства. Официальные извинения коренным жителям принесли также власти Австралии и Канады.

Как пример доброй воли, искреннего сожаления за былое и готовности власти к конструктивному диалогу с коренным населением можно привести Обращение парламента Австралии: *«Сегодня мы воздаем почести коренным жителям этой земли, носителям древнейшей из ныне существующих культур в истории человечества. Мы обращаем свои мысли к несчастьям, которые им довелось перенести в прошлом. В особенности же мы вспоминаем о несчастьях «украденных поколений», этой темной странице истории нашей страны. Настало время для нашего народа перевернуть эту страницу и открыть новую, незапятнанную главу в истории Австралии, чтобы загладить былое зло и с уверенностью шагнуть в будущее. Мы просим прощения за то, что несколько парламентов и правительств нашей страны проводили политику и принимали законы, которые стали причиной глубокого горя, страданий и утрат наших сограждан-австралийцев. За боль, страдания и обиду, причиненные украденным поколениям, их потомкам и покинутым семьям, мы говорим: простите нас. Матерям и отцам, братьям и сестрам за разорванные семейные узы и разрушение их мира мы говорим: простите нас. За унижение гордого народа и вырождение гордой и уникальной культуры мы говорим: простите нас».* [5].

Не приходится доказывать, что во многих странах отношения с коренным населением выстраиваются на принципах политкорректности. Сегодня в США из соображений политкорректности индейцев принято называть «коренными американцами». Государство незамедлительно реагирует на случаи оскорбления национальных чувств последних. После того как индейцы-апачи выразили недовольство тем, что в операции по ликвидации Усамы бен Ладена использовалось кодовое слово «Джеронимо», Комитет по делам индейцев Сената США поспешил исправить неосмотрительность американских военных. Директор Комитета Л. Туелл

заявила, что использование в таком свете имени «одного из величайших героев коренных американцев» (кстати, четверть века возглавлявшего борьбу с «бледнолицыми») является оскорбительным для них [6].

Еще один случай, демонстрирующий щепетильность и учтивость американского общества в вопросах, касающихся коренного населения, произошел с популярной группой No Doubt [7]. Ее участникам пришлось принести публичные извинения индейской общине страны за вполне безобидный музыкальный клип, по сюжету которого «коварные ковбои» похищают индейскую девушку. Это притом, что перед съемками музыканты консультировались на предмет политкорректности, как с самими индейцами, так и со специалистами по коренным народам из Калифорнийского университета.

Коренные жители США, Канады, Австралии и Новой Зеландии как «пострадавшая сторона» получают от центральных властей финансовую помощь, а также пользуются различными льготами в сфере здравоохранения, образования, торговли. В США с 1988 г. в своих резервациях индейцы получили право организовывать игорный бизнес, что запрещено законом в большинстве штатов. Значительные доходы от казино, не облагающиеся налогами, позволяют развивать инфраструктуру резерваций, проводить различные социальные программы. Индейцы также имеют право взимать арендную плату за использование своих земель промышленными компаниями страны.

Правительство Новой Зеландии расходует большие средства на «содержание» маори, составляющих около 15% от общего числа жителей страны. Помимо удовлетворения материальных нужд государство выделяет деньги на поддержание и развитие культуры маори. На сохранение и популяризацию их языка ежегодно уходит 500 миллионов долларов.

Внимание правительства к одному, пусть и коренному народу, настолько чрезмерно и демонстративно, что вызывает недовольство среди отдельных представителей бизнес-элиты страны. В частности, миллионер Л. Кримп в интервью одной из местных газет «затронул одну из самых

закрытых тем в стране – во сколько обходятся маори новозеландскому обществу, и призвал прекратить выделять огромные деньги на их содержание и приостановить принудительную маоризацию Новой Зеландии» [8]. По сути, бизнесмен предлагал относиться к маори так же как к остальным гражданам, ни больше, ни меньше. Но поскольку подавляющая часть новозеландцев воспринимает себе как пришлых, потеснивших коренное население, выступление Л. Кримпа вызвало негативную реакцию в стране.

Коренное население Нового света, Австралии и Новой Зеландии сегодня, при наличии определенных проблем, имеет все же условия для сохранения идентичности. Власти США, к примеру, предоставляют индейцу выбор: жизнь в резервации по законам племени, при сохранении всех прав гражданина страны плюс статус притесненного в прошлом коренного американца, гарантирующий материальную и иную помощь или же за пределами резервации, но уже на общих основаниях. Большинство выбирает первый вариант, так как резервация, помимо различных бонусов дает ощущение независимости и отгороженности от внешнего влияния. Уровень жизни в резервациях, конечно, ниже, чем в штатах, есть также проблемы с образованием и здравоохранением, но это вопрос выбора самого населения, его предприимчивости и желания изменить ситуацию к лучшему.

В. Голышев, предложивший применить резервационную схему на Северном Кавказе, отметил ее преимущества для коренных американцев: «На территориях резервации действует индейское самоуправление. Индейцы вправе закрыть на свои земли доступ, вправе требовать от посетителей соблюдения тех или иных (зачастую весьма курьезных) правил. В частности, патриархальный уклад, принятый у индейцев жестко регламентирует внешний вид и поведение женщин на территории резервации. Вообще, современная «индейская резервация» — это, прежде всего территория, принадлежащая индейцам» [9].

Следует признать, что власти США, Канады, Австралии и Новой Зеландии не квалифицируют трагедию коренного населения на своих территориях как геноцид. Тем не менее, они признают себя ответственными

за жесткие методы колонизации и провозглашают курс на преодоление ее последствий.

Иное отношение к судьбе покоренных народов, к их прошлому мы наблюдаем в России.

Последствия Кавказской войны и включения Северного Кавказа в состав Российской империи оказались различными для населяющих регион народов. Чеченцы, ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы сохранили и впоследствии расширили свои этнические территории и на сегодняшний день компактно проживают в рамках, выделенных для них административно-территориальных единиц. Доминировавший до утверждения России в регионе этнос – черкесы, которым, по словам путешествовавшего по Кавказу венгерского ученого «принадлежит самая красивая часть Северного и Западного Кавказа» [10, с. 343] напротив, был лишен львиной доли своей территории. На сегодняшний день черкесское население в современной РФ будучи разделенным на несколько субъектов, некоторые из которых не имеют общих границ, пребывает в условиях разорванного этнокультурного пространства. Более того, за пределами своей исторической родины проживает пятимиллионная черкесская диаспора, образовавшаяся в результате изгнания населения Черкесии в последние годы покорения региона.

В 1994 г. президент страны Б. Ельцин в «Обращении к народам Кавказа» среди прочего отметил, что участие горцев в Кавказской войне являлось «мужественной борьбой не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера», а так же, что война принесла «большие человеческие жертвы и материальные потери» [11] (примечательно, что в этом же году началась новая война на Кавказе). Однако это «Обращение...» нельзя считать, как иногда полагают [12], официальными извинениями российской власти в адрес черкесов и сравнивать его с *жестами покаяния* перед коренными народами лидеров стран Нового Света и Австралии. Во-первых, сами черкесы, чья проблема имеет особое звучание, в «Обращении...» не

упоминаются. Во-вторых, Кавказская война ограничивается здесь «20 – 60 годами XIX века», т. е. за бортом истории остается более чем пятидесятилетний период сопротивления крупнейшей локально-этнографической группы черкесов – кабардинцев. В-третьих, ответственность за последствия войны в равных долях разделяется между Российской Империей, Великобританией, Францией, Ираном и Турцией, т. е. чуть ли не между всем миром. И, в-четвертых, самих официальных извинений в обращении президента так и не прозвучало.

Возникший было в 90-х годах XX в. позитивный импульс со стороны федерального центра с его примирительной интонацией не получил развития, не лег в основу понимания, разрешения и даже обсуждения проблемы черкесов, и, как оказалось, носил схоластический и паллиативный характер.

Мероприятия, проводящиеся ежегодно 21 мая в память о черкесской катастрофе в ходе Кавказской войны информационно и территориально ограничены в России пределами трех республик – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Игнорирование этих мероприятий федеральным центром придает им как бы местечковый характер, понижает статус и значимость. Ни один федеральный телеканал не упоминает о проходящих в этот день в столицах республик траурных шествиях и собраниях. На последних никогда не озвучивают (за отсутствием таковых) обращений со словами поддержки и сочувствия от первых лиц государства, от которого в прошлом собственно и пострадал черкесский этнос. Трудно вспомнить также какой-либо художественный фильм или цикл документальных телепередач российского производства, посвященный завоеванию Черкесии и трагической судьбе ее населения.

На этом фоне нарочитого безразличия федерального центра весьма негативно воспринимаются периодически декларируемые первыми лицами РФ слова сочувствия в отношении, переживших, подобные черкесской, трагедии народов, не относящихся к коренным жителям страны. Президент В. Путин: «Россия всегда воспринимала боль и трагедию армянского народа как свою собственную» (Ереван, Цицернакаберд, сентябрь, 2001). Президент

Д. Медведев: «Музей Геноцида армян свидетельство страшной трагедии XX в., и одновременно напоминание о том, что жизнь является главной ценностью, которая подлежит охране цивилизованными народами» (Ереван, Цицернакаберд, октябрь, 2008) [13]. «Мы должны четко понимать, что ... отрицать Холокост – позорную страницу мировой истории – это не просто цинично и беспринципная ложь, это забвение уроков истории, которое может привести к повторению трагедии» (из послания В. Путина к гостям церемонии открытия в Москве Еврейского музея и центра толерантности, зачитанного главой МИД РФ С. Лавровым, ноябрь, 2012) [14].

Когда было объявлено, что город Сочи – район финального акта покорения Черкесии, избран столицей Зимних Олимпийских игр, черкесская общественность насторожилась и озаботилась: отразят ли организаторы, как это было сделано в США, Австралии и Канаде, культуру и историю коренного народа, имеющего непосредственное отношение к месту проведения соревнований или же нет? Такая неопределенность не лишена оснований, поскольку имеет место тенденция искажения истории Северо-Западного Кавказа – исторической Черкесии, проявляющаяся в минимизации причастности к ней черкесов и, напротив, насыщении ее казачьей компонентой (в частности, учебники «Родная Кубань», «Кубановедение»). Как сказал писатель Б. Вербер, «...историки победителей переписывают по собственному усмотрению прошлое побежденных, чтобы оправдать их уничтожение» [15, с. 7].

В попытках черкесского социума заявить о своей проблеме власть «обнаруживает» тенденции к сепаратизму, «происки Запада», угрозу целостности страны и представляет эти попытки как лишённые исторического обоснования. На состоявшемся в Воронеже совете атаманов Союза казаков России (август 2012) выступил атаман Терского казачьего войска И. Логвиненко. «Я затронул тему использования событий Кавказской войны, – передает он вкратце свою речь, – в психоисторической войне развязанной против нашей страны ее геополитическими противниками, назвал идеологической диверсией признание грузинским парламентом

«черкесского геноцида», коснулся нагнетания напряженности в отношении предстоящей Олимпиады в Сочи, которую хотят сорвать, доказал не только антиисторичность термина «Русско-Кавказская война», но и показал, что вбрасывание этого термина в общественное сознание способствует межнациональной напряженности, подрывает хрупкий мир в регионе» [16]. То есть о прошлом как о покойнике – либо ничего, либо только хорошо.

В отличие от коренного населения Северной Америки черкесам в России приходится сталкиваться с проявлениями неполиткорректности и оскорблением национальных чувств. На их этнической территории сегодня устанавливаются памятники царским генералам, отличившимся жестокостью в период Кавказской войны (чего стоит только генерал Засс, коллекционировавший черкесские головы). На протесты черкесских общественных организаций, в частности по поводу установки в г. Минеральные Воды памятника генералу Ермолову, никакой реакции со стороны властей не последовало. Более того, поскольку средства массовой информации игнорируют «черкесскую тему», российская общественность, за исключением жителей г. Минеральные Воды запечатлевших облитого краской генерала, даже не узнала, что оскорблены национальные чувства одного из коренных народов страны.

В то же время Россия старается преподнести себя блюстительницей деликатного обращения с трагическими страницами истории. Так МИД РФ (7 сентября 2012) призвал «власти Эстонии привлечь к ответственности авторов рекламы, ... где людям с избыточным весом предлагается воспользоваться опытом нацистского концлагеря», что является, «глубоко аморальным глумлением над памятью миллионов замученных в нацистских концлагерях» [17]. Интересно, считает ли уполномоченный МИД по вопросам прав человека К. Долгов, возмущившийся эстонской рекламой, что установление памятника генералу Зассу, является «глубоко аморальным глумлением над памятью» обезглавленных им черкесов? Редакция газеты, поместившая неуместную рекламу, кстати, принесла извинения.

В отличие, допустим, от США, целиком сложившихся на колонизированной земле индейских племен, историческая Черкесия составляет незначительный процент от территории современной России, а сами черкесы являются одним из многих ее народов. Поэтому, грубо говоря, вся Россия не должна, как это происходит в Америке в отношении индейцев, сопереживать и уделять внимание судьбе черкесов. Но последние имеют право ожидать этого в пределах образовавшихся на их этнической территории Ставропольского и Краснодарского краев. Однако именно в этих регионах уровень политкорректности по отношению к черкесам находится на недопустимо низкой отметке.

Сравнивая судьбу черкесов и индейцев после потери независимости, весьма активный апологет имперской политики на Кавказе А. Епифанцев отмечает: «Россия выбирает не резервационную (как в США. – О. Ж.) схему взаимодействия с народами, вошедшими в колониальную орбиту, а её диаметрально противоположность — схему равноправия и их максимального вовлечения в собственную, теперь уже в их тоже, жизнь» [18].

Рассмотрим, как эта схема сказалась на положении черкесов. «Максимальное вовлечение» предполагало чрезмерную опеку, контроль, фильтрацию, вмешательство во все сферы жизнедеятельности черкесского общества, изменение его ментальности, разрушение традиционных общественных институтов, как залог полноценного контроля колониальных властей над покоренным населением и его интеграции в правовое пространство страны. Уже в советское время эта «вовлеченность» негативно сказалась на традиционной культуре. Во-первых, значительная часть ее носителей – дворянство, духовенство, интеллигенция, зажиточное крестьянство – подверглась сталинским репрессиям, затронувшим эти категории граждан по всей стране, во-вторых, политика построения социалистической нации предполагала «борьбу с национальными и религиозными пережитками», «вредными обычаями», нивелирование этнических особенностей. Советская национальная государственность

черкесских этнических массивов в форме автономной области, а затем автономной республики, «фактически, – пишет В.Х. Кажаров, – использовалась как инструмент подавления их этнической идентичности» [19, с. 59]. Да и сама государственность была и остается, по сей день, формальной, декларативной. То есть, приходится констатировать, что статус российской республики не предоставляет возможности свободного выбора наиболее приемлемых для этноса механизмов и средств оздоровления, как, к примеру, та же резервация.

Установившаяся в России «вертикаль власти», система федерализма, обделяющая субъекты в правах, в частности, в возможности выбирать главу определяют паническую незаинтересованность руководящей прослойки «черкесских» республик, не то, что в решении, но даже и в озвучивании проблем своего народа, связанных с преодолением перенесенной в прошлом трагедии. Общественные объединения, взявшие на себя эту функцию, в сложившейся ситуации, находятся в своеобразной оппозиции не только к федеральному центру, но и к собственной национальной руководящей элите, которая, казалось бы, и должна задавать тон. Индейские общины в резервациях, напротив, консолидированы и сами избирают себе власть, которая, отстаивая национальные интересы, способна идти вразрез с политикой американского правительства. Так, в августе 2011 г., высший судебный орган чероки лишил афроамериканцев – потомков рабов богатых индейцев, входивших в состав племени, индейского гражданства и, соответственно, избирательных прав внутри резервации. На предписание Белого дома восстановить афроамериканцев в правах вождь племени чероки заявил, что «индейцы не намерены подчиняться требованию федеральных властей и изменять свое решение», даже под угрозой лишиться дотации в 33 миллиона долларов [20]. Сложно представить подобные демарши со стороны руководства «черкесских» республик.

В отличие от коренных жителей США, изолированных в резервациях от «белого» населения, черкесы в своих республиках оказались в тесном соседстве, особенно в городской местности, с русскоязычными жителями.

При этом, в Адыгее и Карачаево-Черкесии черкесы составляют меньшинство – 25,4 % и 11,2% от общего числа жителей соответственно. В Кабардино-Балкарии они численно доминируют: 52,5% (данные 2002 г).

Такая демографическая картина представляет не лучшие условия сохранения культурной самобытности для любого народа. Губернатор «Кубани» А. Ткачев в своем выступлении на расширенном заседании коллегии ГУ МВД Краснодарского края (02.08.12) как раз прямо указал на этот момент. В частности он отметил, что «мы (*казаки, русские.* – О. Ж) перестанем быть общностью, перестанем быть регионом, который самостоятельно следит за порядком, ценит свои традиции, отвечает за свои поступки, у которого высокий уровень патриотизма». И основную причину этого А. Ткачев увязывает с миграцией на «Кубань» жителей северокавказских республик, которая нарушает сложившийся «столетиями» в крае демографический баланс: 80%. – русские, 20% представители других народов [21]. По мнению губернатора именно подобное соотношение является залогом сохранения культурной самобытности русского населения края. А каково, в таком случае, коренному населению Адыгеи с его 25,4% ?

Как народ, подвергшийся геноциду, черкесы по сей день не преодолели его последствий. Такое положение вызывает законные ожидания относительно исправления допущенной в их отношении исторической несправедливости, которые связываются с РФ – государством, признавшим себя правопреемницей империи Романовых.

Сегодня на повестке дня программа минимум: признание черкесов единым этносом и выработка дорожной карты создания единого черкесского субъекта федерации. Эти меры должны сопровождаться формированием в российском обществе деликатного отношения к постигшей народ трагедии, объективным освещением его истории, в частности периода Кавказской войны, созданием условий сохранения культурной самобытности и национальной идентичности. Однако очевидно, что на данном этапе удовлетворение потребностей этнического выживания черкесов в РФ

находится на уровне, не позволяющем говорить о конструктивном подходе государственных структур к решению этой проблемы.

Примечания

1. Милослав Стингл. Индейцы без тамогаков. М., 1984.
2. Демократический геноцид. <http://andrew-tobacos.livejournal.com/23507.html>
3. Индейцы в современных США. http://www.memoid.ru/node/Indejcy_v_sovremennyh_SSHA
4. Молдаване и индейцы США. <http://blog.kp.ru/journalshowcomments.php?>
5. ИЗВИНЕНИЕ ПЕРЕД КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ АВСТРАЛИ 13 февраля 2008 года. <http://www.dfat.gov.au/indigenous/apology-to-stolen-generations/apology-ru.pdf>
6. Американские индейцы осудили название операции "Джеронимо" http://nnm.ru/blogs/gagarin77/amerikanskie_indeycy_osudili_nazvanie_operacii_d_zheronimo/
7. No Doubt убрали из Сети клип про индейцев после их протестов <http://www.newsru.ru/cinema/05nov2012/nodoubt.html>
8. Новая Зеландия для маори. <http://pn14.info/?p=114015>
9. В. Голышев Резервации для «кавказских индейцев» <http://www/apn.ru/publications/article1174.htm>
10. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик 1974. С.343.
11. Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа <http://www.kommersant.ru/doc/1978317>
12. «Мы хотим развиваться» <http://www.kommersant.ru/Doc/1978315>
13. Когда Россия признала Геноцид армян. <http://www.mashtots.ru/24/kogda-rossiya-priznala-genocid-armyan>
14. Отрицание Холокоста может привести к повторению трагедии <http://www.rg.ru/2012/11/08/muzey-anons.html>
15. Вербер Б. Мы, боги. М., 2011.

16. Газета Юга, 2012, 23 августа.

17. Радио «Эхо Москвы». Эфир от 07.09.12.

18. Андрей Епифанцев. Кавказская война. Геноцид, которого не было. Ч.

2. www.apn.ru/publications/print22032.htm.

Мифы и правда о кавказской войне.

<http://www.apn.ru/publications/article22032.htm>

19. А.Х. Боров, Х.М. Думанов, В. Х, Кажаров. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 2009.

20. Индейцы чероки не признали в неграх соплеменников.

<http://podrobnosti.ua/k>

21. Речь губернатора Кубани о казачьей полиции, мигрантах и судьбах Родины. <http://www.yuga.ru/articles/society/6390.html>

«Проект Кубань» или о методах демонтажа исторического ландшафта Северо-Западного Кавказа

Прошло полтора столетия со времени окончания одной из самых продолжительных и кровопролитных войн в мировой истории – Русско-Кавказской. После завершения этой жестокой войны и депортации, на исторической родине осталось, возможно, около 5% черкесов. Мечта Александра II, которому нужна была Черкесия без черкесов, осуществилась. В марте 1864 г. командующий кавказской армией великий князь Михаил Николаевич доносил военному министру: «все пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от р. Кубани до Туапсе очищены от враждебного нам населения» [1, с. 233]. Такие локальные группы как убыхи и жанеевцы были полностью истреблены или выселены за пределы своей родины. От абадзехов, мамхегов, натухайцев и хатукаевцев на исторической родине осталось всего по одному селению.

Открытая вооруженная борьба России против черкесов официально закончилась в 1864 г., однако в настоящее время идет война иного рода. Речь идет об информационной агрессии, носящей характер культурного геноцида,* которая направлена на искажение и, в конечном счете, подавление исторической памяти адыгов. Немаловажную роль в реализации подобного курса играет процедура отчуждения, выраженного в материальных артефактах, культурного наследия от его создателей. Данная тенденция хорошо прослеживается на примере судьбы археологических памятников (дольменов, курганов и иных могильных сооружений), локализующихся в регионе исторической Черкесии. После становления российской администрации в этом регионе данный пласт культурного наследия черкесов понес невосполнимые потери, выразившиеся в масштабном уничтожении артефактов. По словам старшего научного сотрудника Национального музея

* Термин введен в научный оборот во второй половине XX века но не вошел в конвенцию ООН «о предупреждении преступления геноцида и наказания за него» от 9-го декабря 1948 г.

Адыгеи Аслана Това, дольмены, которые казаки и русские прозвали богатырскими хатками (между прочим, данное обстоятельство аналогично ситуации, когда армянские архитектурные сооружения последовательно взрывались и служили в качестве мишеней во время учений турецкой армии [2]), в советский период служили тренировочными мишенями для танкистов. А на колхозных полях, где эти памятники мегалитического зодчества «занимали без пользы» площади пашни, банально сносились тяжелой техникой в одну грудку [3]. Но и эта каменная грудка занимала площадь. И находили более изощренное решение для борьбы с «хламом». Состояло оно в следующем: сбоку от дольмена вырывалась яма, куда бульдозером сносили памятник, затем ее засыпали и заравнивали. В результате количество дольменов на черкесском побережье Черного моря, исчислявшееся во второй половине XIX в. не менее чем в две с половиной тысяч единиц к настоящему времени значительно сократилось.

Показательно, что если ранее мегалиты черноморского побережья просто уничтожались (по-видимому, не в последнюю очередь и по причине явной чуждости этих памятников для пришлого населения), то в последние десятилетия как из рога изобилия посыпались всевозможные домыслы и измышления, призванные демонтировать утвердившийся за многие десятилетия изысканий ведущих археологов взгляд на этническую атрибуцию дольменной культуры. В них, разумеется, игнорировались результаты работ таких известных специалистов как В.И. Марковин, Л.И. Лавров, Н.Г. Ловпаче и др., аргументировано обосновывавших тезис о том, что создателями и носителями дольменной культуры (наряду с майкопской культурой) являлись предки современных черкесов, абазин и абхазов [4,5,6]. Системное поощрение околонучного дискурса по проблематике дольменной культуры закономерно конвертировалось в тиражирование извращенных, но санкционированных властными структурами, промо действий. Наглядным образчиком подобного положения служит висящий перед входом в здание автовокзала в г. Абинске информационный щит с «туристско-

экскурсионными маршрутами Краснодарского края», который вещает о том, что дольмены являются «турецкими гробницами»!!!

Последние десятилетия ознаменовались не просто пренебрежительным отношением к культурному наследию автохтонов региона, но и усердной пропагандой идеи об «исконности» славянского населения в регионе исторической Черкесии.

Примечательной, в этой связи, является опубликованная в «Российской газете» за 6 декабря 2012 г. статья под названием «амфоры Гермонасы». В ней говорится об обнаружении на Таманском полуострове средневекового кувшина с надписью на ручке, сделанной кириллическими буквами. В руки археологов так же попала бронзовая фибула, принадлежавшая древнерусскому воину. Несмотря на отсутствие объяснения способа идентификации данного артефакта было торжествующе возведено о том, что искомый результат достигнут: «... до последнего времени научным экспедициям не удавалось обнаружить предметы славянского быта, и ценность находок сегодня имеет огромное значение». В этом ряду обращают на себя внимание переданные по центральным каналам результаты раскопок кургана недалеко от побережья Черного моря. Было озвучено мнение, что археологическому памятнику около тысячи лет, и что здесь покоились предки нынешних казаков?!!

Можно было бы не обращать внимания на подобные ляпы в СМИ и даже публикации «ученых мужей», но когда руководитель государства громогласно объявляет о том, что Сочи это земля колхов (естественно, никак не связывая их с черкесами, и видимо представляя их как полумифический народ, который прекратил свое существование много столетий назад), невольно возникают фантасмагорические ощущения от происходящего. Хотя, абстрагируясь от эмоционального фона такой ситуации, можно узреть черты закономерности в подобном положении вещей. В связи с этим вспоминаются слова Б. Родмана. Он, к «пережиткам, проявлениям, последствиям колониализма» в России относит «уничтожение памятников истории и культуры, археологических объектов и захоронений, относящихся

к нерусским этносам и к военным противникам, если нет зарубежных опекунов и спонсоров». Так же им указываются и другие специфически российские обстоятельства в данной сфере. В частности, он пишет: «Бывало, что археологи, раскопав не столь уж древнее неславянское городище, поспешно закапывали его, чтобы не перечить господствующим представлениям. Так в русле постоянной фальсификации истории происходит этническая зачистка исторического прошлого, русификация земли и почвы» [7, с. 40].

В целом можно отметить, что набранные за последние десятилетия обороты деконструкции реальной исторической панорамы региона просто поразительны. И образчики подобной деятельности встречаются уже систематически. Богатую пищу для размышлений дает, к примеру, содержание туристических сайтов рекламирующих курорты Краснодарского края. Приведем некоторые выдержки из них:

«Богата Кубань памятниками истории. Это и легендарный край двух морей – полуостров Тамань, и жемчужина Анапы – античная Горгия, и многочисленные свидетельства русской воинской славы, и колорит казачьих хуторов» [8].

Как можно заметить коренные жители региона – черкесы здесь попросту проигнорированы, как, впрочем, скромно опущены обстоятельства возникновения здесь казачьего «колорита». Между тем существует множество документов проливающих свет на этот аспект региональной истории. В качестве иллюстрации приведем один из них. Так, командующий российскими войсками на Кавказе, генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев (черкесов. – Т.З.) и лишать средства к жизни. Нет причин щадить те племена, которые упорно остаются враждебными. Государственная необходимость требует отнятия у них земель» [9, с. 291].

Можно отметить и другой пример «изящного» умолчания о нежелательных эпохах местной истории: «Анапский краеведческий музей

посвящен 25-вековой истории Анапы о временах Боспорского царства и русско-турецких войн» [10].

Промежуток времени между существованием Боспорского царства и эпохой русско-турецких войн, в прочем как и синхронное большинству из последних конфликтов российско-черкесское противостояние (и само собой причины его возникновения) также не получают хотя бы скупого упоминания.

На другом сайте читаем: «После окончания Кавказской войны, спровоцированные Турцией, горцы стали покидать родные места. Уходили целые племена, направляясь к морю. На поджидавших их турецких судах горцы отплывали в Малую Азию, надеясь найти там приют и новое счастье, но встретили лишь нищету и бедствия. Опустевший край долгое время оставался незаселенным» [11].

Осуществленная Российской империей депортация черкесов с исконных земель здесь преподносится как провокация Турции. В связи с этим можно напомнить весьма немирлюбивое обращение российского императора Александра II к черкесам. В нем в нетерпящем возражений тоне указывалось: «Даю вам месячный срок одуматься. Через месяц вы должны объявить графу Евдокимову, желаете ли вы перейти на места указанные вам по реке Кубани, или же выселяйтесь в Турцию» [9, с. 290].

Довольно характерным по своей эвфемистичности, граничащей с тщательной идеологической маскировкой, является и следующий пространный пассаж: «В 40-х годах XIX века Лазарев организовал непрерывную охрану Черноморского побережья Кавказа от попыток английских и турецких кораблей воздействовать на обстановку в этом районе. Он закрепил за каждым из двух отрядов эскадры определенный участок и возложил на них несение крейсерской службы. Для строительства береговых укреплений Лазарев предложил высаживать на место работ десанты с кораблей Черноморского флота. Под его началом штаб Черноморского флота разработал наставление, которым руководствовались русские моряки при высадке десантов. В нем предусматривалась организация

десантных сил, способы высадки и поддержки на берегу корабельной артиллерией, управления ими и взаимодействие с сухопутными войсками. Один из таких десантов был высажен в устье рек Субаши и Шипаучи. Укрепление на месте высадки было основано в 1839 году. А в 1869 году на месте укрепления возникло поселение, которое жители называли Лазаревское в честь адмирала, проявившего мужество и героизм **при защите Кавказа** (выделено нами. – Т.З.). Позже в поселке был установлен монумент» [12].

Не вдаваясь в детальный разбор текста, укажем только, что даже для проявляющего максимум любознательности туриста данный исторический «экскурс» больше затемняет, нежели разъясняет причины и особенности деятельности знаменитого флотоводца в регионе. К примеру, то обстоятельство, что пассаж завершается констатацией проявленного адмиралом мужества и героизма «при защите Кавказа» весьма слабо вяжется с организацией высадок десантов на кавказский берег (На четыре предложения данного сообщения приходится шесть упоминаний о «высадках» и «десантах» на «защищаемое» побережье!!!). Для читателя остается непонятной и содержание той «обстановки», попытки воздействия на которую столь эффективно пресекал руководимый адмиралом Лазаревым флот. Видимо, составители буклета во избежание душевных треволнений настроившегося на полноценный отдых населения не сочли нужным напоминать об аборигенах края и их недружелюбном приеме столь восхваляемого деятеля, который, в свою очередь, неустанно трудился над установлением и последующим усилением блокады побережья свободной Черкесии.

К слову сказать, устойчивое неприятие образа российского адмирала наблюдается и у современных черкесов на черноморском побережье. Оно зримо проявилось в связи с практикой монументальной и топонимической агрессии в регионе. Так, значительный инцидент имел место в ходе мероприятий по установке бюста адмиралу М.П. Лазареву в одноименном городе на шапсугском побережье. По сути, администрация проигнорировала некомплементарное отношение местных черкесов к деяниям

первооткрывателя Антарктиды, который в период войны руководил военными действиями при штурме российским флотом черкесского побережья Черного моря, и решила на заведомую провокацию. Во время установления памятника местные черкесы перекрыли дорогу. В связи с противодействием черкесов данное мероприятие было отложено. Лишь в отсутствие черкесской молодежи близлежащих аулов отправившихся на соревнования по футболу в относительно отдаленный аул, администрация осуществила установку памятника. Однако вскоре черкесы привязали бюст стальным тросом к отбывающему поезду. Но на этом дело не закончилось. На место сброшенного бюста поставили новый. Подобные эксцессы повторялись неоднократно.

Сейчас памятник находится под видеонаблюдением: две камеры направлены на него под разными углами. Интересно, какой из дольменов, каждый из которых является уникальным памятником, охраняется столь тщательно? Ведь не секрет, что при посещении дольменов туристами последние часто оставляют на них следы своего пребывания. Сейчас невозможно найти ни одного дольмена находящегося на туристических маршрутах, который не был бы исцарапан и исписан туристами-вандалами. Бутылки, окурки и другой всевозможный мусор вокруг этих мегалитических сооружений живописуют печальную картину стремительной утраты бесценного наследия черкесской культуры в Краснодарском крае. На этом фоне видеонаблюдение за бюстом Лазарева, вряд ли выглядит невинно.

В данном контексте, представляется очевидным, что логичнее было бы возведение памятника М.П. Лазареву как первооткрывателю Антарктиды (разумеется, в другом месте, например, возле Адмиралтейства в Петербурге), нежели в локусе обитания одного из коренных этносов РФ, в исторической памяти которого имя данного персонажа закрепилось далеко не с самыми позитивными коннотациями.

По существу, пренебрежение, а по большому счету, оскорбление исторической памяти автохтонного населения в Краснодарском крае носит целенаправленный и системный характер. Об этом можно судить и по

пропаганде деятельности весьма неоднозначных, а порой, и откровенно одиозных фигур, представляемых в информационном поле региона в качестве положительных героев. Несомненно, пальма первенства в их ряду принадлежит образу Г.Х. Засса. Для характеристики этого персонажа, безусловно, однозначных определений недостаточно, да и в рамках настоящей работы не ставится задачи всестороннего осмысления его жизнедеятельности. Здесь же приведем лишь две заметки позволяющие уяснить преобладающий модус восприятия черкесским населением региона этого генерала, которому еще в 1950-х гг. в г. Армавир поставлен памятник.

Очевидец писал : «В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище». Далее приводится еще менее благообразные детали генеральского увлечения : «Раз Засс пригласил к себе мадам Нарышкину, и она согласилась с условием, что неприятельские головы будут сняты. Засс исполнил ее желание, и мы все были у него в гостях. Взойдя как-то в кабинет генерала, я был поражен каким-то нестерпимым отвратительным запахом, а Засс, смеючись, вывел нас из заблуждения, сказав, что люди его, вероятно, поставили под кровать ящики с головами, и в самом деле вытащил перед нами огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на нас своими стеклянными глазами. «Зачем они здесь у вас?» - возразил я..... Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам к друзьям моим – профессорам в Берлин», – был ответ генерала [13, с. 202].

В переписке от 8 октября 1841 г. командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанта П.Х. Граббе и командира Отдельного Каказского корпуса генерала от инфантерии Е.А. Головина указывалось: «Головы втыкают на шесты только у начальника правого фланга генерал-лейтенанта Засса, но я уже предписал ему прекратить это, еще при вступлении своем на должность» [9, с. 1]. К тому времени Г.Х. Засс орудовал на Кубанской линии уже девятый год.

Ознакомление с особенностями пропагандистского дискурса (который здесь условно обозначается как «проект Кубань»), призванного отодвинуть на периферию информационного поля, а со временем и полностью вытеснить из него адыгский культурный пласт исторической Черкесии, позволяет рассмотреть и другие не ограниченные «туристско-буклетным» форматом, аспекты его утверждения. Вызывает озабоченность то обстоятельство, что если раньше мифологизированные представления внедрялись, в основном (наряду с вышепредставленными формами), через покровительствуемые краевым руководством печатные органы и издаваемые ими учебные пособия, то на данном этапе наблюдается их трансляция посредством центральных изданий. Так, в качестве примера можно обратиться к опубликованной в 2011 г. в журнале «Родина» (учредителями которого являются Администрация Президента РФ и Правительство РФ!) статье «Вечнозелёный город», исцеляющий самой природой» посвященной г. Геленджику. В ней, в частности, отмечается: «История заселения этих мест (в районе Геленджика. – Т.З.) насчитывает много тысячелетий. В шести километрах от города расположены нижнепалеотическое (правильно нижнепалеолитическое. – Т.З.) поселение и заросшие мхом дольмены – древние каменные изваяния. Они встречаются на вершинах гор, в долинах рек и представляют собой сооружения, сложенные из плит песчаника весом от 300 до 800 пудов каждая. Люди, оставившие эти исторические памятники, занимались животноводством, земледелием, ремёслами. С ними вели торговлю древние греки. В VI веке до н.э. греки основали небольшую торговую колонию на берегу Геленджикской бухты и назвали это поселение Торик. Позже на восточных берегах Черного моря появляются византийцы. Одновременно сюда проникают славяне и расселяются среди местных племён. Официальной датой основания Геленджика следует считать 23 июля (4 августа по н. ст.) 1831 года. Именно тогда на берегах бухты был высажен десант из 4138 человек под командованием генерал-майора Берхмана. Перед ним была поставлена задача: выбрать на берегу бухты наиболее подходящее место и приступить к строительству укрепления» [14, с. 43].

Удивительно, но в вышепредставленном сайте, информирующем о прошлом Лазаревского, мы встречаем больше логики, нежели в данной публикации размещенной в журнале с более чем вековой традицией специализированного исторического издательства, редакционный совет которого состоит сплошь из представителей гуманитарной элиты России. Как можно заметить, в статье про Геленджик, в отличие от содержания сайта, вовсе отсутствует попытка обоснования необходимости строительства крепости на берегу одноименной бухты и объяснение происхождения данного названия. При затрагивании этих моментов неминуемо возникает необходимость упоминания коренного населения региона – черкесов, в ходе военных действий с которыми и для блокады которых от остального мира была возведена «первая русская крепость на побережье». Топоним «Геленджик» так же этимологизируется из черкесского языка и является адаптированным к турецкому словом «Хъульэжьый» (Маленькое пастбище). Кстати сказать, подобной процедуре подверглось и другое черкесское название «Арты-кьуадж», которое турки произносили как «Артлер». С утверждением русского господства на черкесском побережье это название было переделано на немецкий лад, и получился «Адлер». Собственно эта ситуация является отражением устойчивой тенденции умолчания в соответствующих изданиях происхождения определенных географических названий. В них, как правило, широко афишируются новые топонимы прозрачные с точки зрения русского языка, а такие названия как «Чемитоквадже», «Лоо», «Макопсе», «Шепси», «Дагомыс», «Мацеста», «Туапсе», «Цемез», «Анапа», «Сочи» и т.д. этимология которых становится понятной лишь при обращении к языку автохтонного населения, редко комментируются.

В данном случае удивляет и то обстоятельство, что незначительный по объему текст невнятен с точки зрения норм русского языка, к тому же он пестрит фактологическими неточностями. Так, думается, что для составителей исторической части «презентации» Геленджика должно было быть очевидным, что дольмены являются завершенными архитектурными

сооружениями, а не каменными изваяниями (Наверное, только по отношению к т.н. корытообразным дольменам можно использовать, и то, с натяжкой слово «изваяние»). Нелепость подобного утверждения проявляется еще очевиднее, когда ниже отмечается, что они «сложены из плит».

В исторических представлениях авторов текста также обнаруживаются заблуждения, не подлежащие никаким корректировкам. Так, утверждение о том, что строители дольменов торговали с древними греками, можно отнести к разряду откровенных несуразностей. Как известно, хронологическая дистанция между появлением эллинов на кавказском побережье и закатом дольменной культуры составляет много столетий. Оставаясь в рамках современных научных знаний, можно говорить лишь об экономических связях древних греков, налаженных примерно с VII в. до н. э. с потомками строителей дольменов – синдами, керкетами, ахейцами и т.д. За гранью курьеза находится и суждение, согласно которому «одновременно» с византийцами «на восточных берегах Черного моря» появляются и славяне, что, разумеется, является не более чем вымыслом. Вызывает удивление, что после «одновременного» с византийцами проникновения славян на кавказское побережье Черного моря изложение повествования прерывается лет этак на 1300 с лишним и только с возникновением «очага цивилизации» в виде русской крепости история региона «ревитализируется». В целом, при ознакомлении с содержанием статьи «Вечнозеленый город», исцеляющий самой природой», возникает впечатление, что единственная идея, которая реализуется последовательно и со всей возможной серьезностью, сводится к уклонению от освещения роли черкесов в истории региона.

В целом, наблюдаемую в последние десятилетия информационно-идеологическую политику в Краснодарском крае отличает широкое использование антинаучной риторики, откровенных извращений и фальсификаций, что в полной мере отвечает требованию тотального замалчивания черкесского компонента в истории региона. По сути, в рамках официально продекларированных принципов демократии и федерализма в

современной РФ воспроизводятся практики, имеющие сугубо тоталитаристские корни.

Примечания

1. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XX в.): Сб. арх. док. // Выявление материалов, археогр. обраб., вступ. ст., ред. и коммент.: Кумыков Т.Х. Нальчик, 2001.

2. Министерство Иностранных Дел Республики Армения. www.mfa.am/ru/cultural-genocide/

3. По той же причине «беспольности» начиная от черноморского побережья и заканчивая равнинной территорией нынешней Чечни было уничтожено огромное количество позднесредневековых адыгских некрополей. Они не отличались большой высотой, поэтому их очень легко было сравнить с землей. Этот вандализм, к сожалению, продолжается и сегодня.

4. Лавров Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа// Труды Абхазского Института Языка Литературы и Истории. Т. XXXI. Сухум, 1960.

5. Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1999.

6. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

7. Б. Родоман. «Страна перманентного колониализма»// Здравый смысл. Зима 2008/09. № 1.

8. Отдых на Кубани. <http://otdih.nakubani.ru/putevoditel/>

9. Цит. по Бэрзэдж У.Н. Черкесское изгнание. Причины и последствия. Нальчик, 2012 .

10. Курорт Бетта. http://khttpurort-betta.ru/?page_id=62

11. Adler.su. <http://adler.su/history.php>

12. Портал курорта Лазаревское. <http://www.lazarevka.info/history>

13. Н.И. Лорер. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. // Известные страницы Кавказской войны. Нальчик, 2012.
14. Родина, 2011, №11.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРКЕСОВ В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПАРЦИАЦИИ

Среди комплекса проблем черкесской этнокультурной идентичности проблема этнической идентификации выступает в качестве наиболее актуальной и особо артикулируемой задачи. Дело в том, что этнос, имеющий единое самосознание и самоназвание оказался в условиях этнической парциации – то есть искусственно разделенным на три народа, идентифицируемых в официальной литературе на русском языке «кабардинцами», «адыгейцами» и «черкесами».

Целью настоящего исследования является, не вдаваясь в детали определения политических причин сложившейся ситуации, выяснить: имеются ли сколько-нибудь объективные научные основания для подобной этнической идентификации и парциации.

В дискурсах идентичности в этнологии широко препарируются различные определения терминов «народ» или «этнос». На наш взгляд, наиболее точная формулировка принадлежит академику Ю.В. Бромлею, который отмечает, что «этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей» [1, с. 56]. Иными словами, этносом можно называть только ту совокупность людей, для которой непременно присуща антитеза «мы – они».

Таким образом, основным смысловым статусом этнической идентичности является осознание своего группового единства определенной человеческой общности. Такое осознание своего единства и общности происхождения обычно именуется этническим или национальным самосознанием. Высшим же выражением самосознания или идентичности является общее самоназвание – этноним.

В структуре идентичности общность происхождения занимает чрезвычайно важное место. Черкесы относятся к числу наиболее древних народов мира, генетические корни которого уходят вглубь тысячелетий.

Лингвистические, археологические и антропологические материалы свидетельствуют о том, что предки адыгов уже в эпоху неолита занимали обширный, но единый этнокультурный ареал, включающий Западный Кавказ и Малую Азию. Здесь обитали родственные племена, говорившие на диалектах абхазо-адыгско-хаттской группы языков [2, с. 176].

С середины III тыс. до н.э. в Восточном Причерноморье и Прикубанье протоадыгские племена создали дольменную культуру. «Ареал распространения кавказских дольменов, – отмечает профессор Ш.Д. Инал-Ипа, – и есть «первоначальная» родина абхазо-черкесских племен» [3, с. 51]. Аналогичной точки зрения придерживается и известный археолог В.И. Марковин [4, с. 287–325].

Материалы колхидской и кобанской культур дают ответ на один из коренных вопросов ранней этнической истории Западного и Центрального Кавказа – об этническом содержании носителей данных культур. «По своим основным показателям, – пишет известный кавказовед Я.А. Федоров, – колхидская культура была чрезвычайно близка кобанской. Так как в ареалах этих культур испокон веков бытовал понтийский антропологический тип в его вариантах, можно полагать, что и вышеназванные культуры были созданы генетически близкими племенами. Как мы знаем, это были предки абхазо-адыгских племен. Характерно, что в ныне заселенных картвелами районах Рачи сохранились, как и в Западной Грузии топонимы, которые расшифровываются с помощью абхазского и адыгского языков. Да и западногрузинские языки сохранили элементы абхазо-адыгской лексики» [5, с. 38].

По мнению Я.А. Федорова, данные лингвистики и антропологии находят свое подтверждение и в артефактах материальной культуры, что говорит об «исконном бытовании предков абхазо-адыгов на территории Западной Грузии» [5, с. 38].

Аналогично протекали в то время этногенетические процессы и в Центральном Кавказе. «К сожалению, – отмечает Я.А. Федоров, – нам неизвестен язык племен, обитавших в горах Северной Осетии во второй половине II тыс. до н.э., в пору бытования кобанской культуры. Теперь здесь говорят на осетинском языке, принадлежащем к восточно-иранской группе языков. Но в горах сохранились топонимы-реликты, не имеющие ничего общего с иранским языком. Больше того, ряд собственных названий осетинских племен – ир, туал, дигор также не имеет ничего общего с иранским языковым миром, и по мнению В.И. Абаева, представляют старые, доиранские этнические наименования. А так как, по мнению подавляющего большинства ученых-кавказоведов, осетинский народ сформировался на коренном кавказском субстрате носителей кобанской культуры, то и самих кобанцев надо ввести в круг племен, генетически связанных с протоадыгами» [5, с 39].

Столь пространные цитаты из работы Я.А. Федорова нами приведены потому, что большинство исследователей древней истории Кавказа говоря о пресловутом «кавказском субстрате» редко раскрывают его этническое содержание.

В III тыс. до н.э. получают распространение почти на всем Северном Кавказе памятники знаменитой майкопской культуры. Согласно наиболее устоявшейся и аргументированной точке зрения, в формировании майкопской культуры участвовали как местные протоадыгские племена, так и племена, мигрировавшие на Кавказ из Малой и Передней Азии [6, с. 376]. Однако здесь следует особо подчеркнуть, что когда говорится об участии в раннем этногенезе адыгов «пришлого», в частности, малоазийского (переднеазиатского) элемента, нельзя забывать, что в ту далекую эпоху Кавказ (во всяком случае западная его часть) и Малая Азия представляли собой единый или схожий этнокультурный ареал. Об этом, напомним, свидетельствуют данные археологии, антропологии, лингвистики и этнографии. В этой связи уместно говорить не об ассимиляции одного

субстрата другим, а о генетическом единстве протоадыгов-кавказцев и древних племен Передней и Малой Азии.

Вместе с тем, заслуживает внимания и теория о генетическом родстве древнейших жителей Кавказа и «доиндоевропейского» населения Средиземноморья, в частности, прабасков, изложенная В.И. Марковиным [7].

Следующий этап этногенеза черкесов связан с ранним периодом железного века. Это время характерно тем, что для его реконструкции мы можем привлечь не только археологические, лингвистические и антропологические данные, но и свидетельства древних авторов, изложенные им в античных письменных источниках (Гекатей Милетский, Геродот, Скилак Кариандский, Диодор Сицилийский, Страбон и многие др.).

Благодаря письменным источникам становятся известными имена непосредственных предков адыгов – меотских племен (синды, тореты, сратеи, керкеты, досхи и др.). Археологические, лингвистические и антропологические материалы подтверждают преемственность синдо-меотской культуры с бронзовыми культурами III–II тыс. до н.э. (майкопская, северокавказская). Древнеадыгские племена меотского круга создали богатую и самобытную культуру, приняли активное участие в формировании таких древнейших государств, как Синдика и Боспорское царство.

Начало процесса формирования этнической и культурной идентичности меотов-проточеркесов в этот период происходило в тесном взаимодействии с двумя соседними мирами – древнегреческим, в лице жителей многочисленных полисов, и иранским (киммерийцы, скифы, сарматы). Об этом, в частности, свидетельствуют греко-черкесские параллели в фольклоре и этнографии и некоторое число иранизмов в адыгском языке, адыгские элементы в памятниках материальной культуры алан.

С I тыс. н.э. начинается устойчивый процесс консолидации древнеадыгских этнокультурных общностей. В этот период важнейшую роль в объединительном процессе играют зихи и касоги. Если еще в I в. н.э.

область расселения зихов была ограничена Причерноморьем, то уже к V в. Зихия расширилась на северо-западном и восточном направлениях и к VIII в. источники упоминают «Зикхию» как значительную страну на Северо-Западном Кавказе.

Наряду с Зихией источники раннего средневековья для обозначения страны адыгов используют термин Касогия (Касахия). Если термины «зихи» («дисики») «Зихия» («Дисыкия», «Дисикети») преимущественно используются в греко-римских, византийских и грузинских источниках, то этноним-полейоним касог-Касогия (кешаг-Хасахия) идентифицирует страну адыгов в арабо-персидских и древнерусских источниках.

Историки и филологи приводят множество вариантов возможных этимологий этнонимов «зихи» и «касоги». Однако никто не обратил внимания, что сами адыги в качестве географических детерминат наряду с обозначением сторон света – Ипщэ (Юг), Ищхьэрэ (Север), КъухьэпІэ (Запад), КъуэкІыпІэ (Восток) пользуются терминами «КІахэ» (Нижнее) и «Къущхьэ» (Верхнее). Вспомним Византийского императора Константина Багрянородного, который писал, что «от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость одноименная, простирается страна Зихия: ее территория 300 миль. Выше Зихии лежит страна, называемая Папагией, а выше страны Папагии – страна, именуемая Касахия. Выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – земля Аланская» [8, с. 112].

Если вспомнить об этногенетических связях протоадыгов с древними цивилизациями Передней и Малой Азии, то территорию выше хаттов занимали каски или кашки (ср. «кашак», «кашкон», «кушха»). До сих пор термин «кушха» для нижних черкесов является географическим идентификатором (к примеру бжедуги или темиргоевцы соседних горных адыгов – абадзехов или шапсугов называют «кушха»), а верхние (восточные) черкесы – кабардинцы остальных адыгов именуют «КІахэ» («чахи», «кяхи»).

Оставив специалистам – языковедам строго лингвистические проблемы, связанные с этимологией и семантикой означенных терминов, надо заметить, что в контексте нашей темы они выполняют важную роль.

Появление на исторической арене понятий «Зихия» и «Касогия» для обозначения территории определенной этнокультурной общности свидетельствуют о важнейшем этапе формирования этнической идентичности адыгов. Другими словами, термины «Зихия» и «Касогия» являются не только внешними идентификаторами страны адыгов, но, прежде всего, свидетельствует об этнической и политической консолидации этноса в единое образование с внутренней локализацией на два региона по географическому признаку – Западный (Нижний) и Восточный (Верхний).

Таким образом, в течение I тысячелетия новой эры проходит непрерывный процесс формирования единого адыгского этноса. В различные исторические эпохи они были известны миру под именами хаттов, кашков (касков), меотов, синдов, керкетов, зихов и касогов. Завершающий этап длительного процесса формирования современного черкесского этноса приходится на VIII – X в. н.э. К этому времени уже сложились в общих чертах основные параметры адыгской идентичности – осознания себя единым этническим организмом, объединенным общностью происхождения, языка, культуры и территории.

Для примера отметим, что итальянская этническая общность начала складываться в XI – XII вв., однако окончательно этот процесс завершился лишь во второй половине XIX в. Окончание процесса формирования грузинского этноса приходится на XII–XIII в. Таким образом, черкесы более последних тысячи лет осознают себя единым этническим организмом, выражая свою национальную идентичность, в частности, посредством самоназвания «адыгэ».

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что «конкретные сферы объективного существования характерных для этноса свойств» не сводятся только к их самосознанию и самоназванию и не ограничиваются общностью происхождения. Среди других важнейших этнохарактеризующих признаков идентичности в этнологии признается еще общность территории, культуры, языка, психики, расовое (антропологическое) сходство.

Рассмотрим вкратце каждый из этих признаков формирования и проявления черкесской идентичности. Территориальные параметры черкесского этноса хорошо известны и устойчивы во времени. Основным ареалом их расселения последние пять-шесть тысячелетий является территория Западного и Центрального Кавказа, ограниченная на западе Черным и Азовским морями, и примыкая к области расселения вайнахов – на востоке. В различные исторические эпохи территория адыгов то расширялась, доходя на севере до р. Дон, а на востоке вплоть до Каспийского моря, то несколько сужалась, но вплоть до 60-х годов XIX в. оставалась устойчивой территорией формирования и обитания черкесского этноса под названием Адыгэ Хэку – Черкесия.

И только в результате катастрофической по своим последствиям для черкесов столетней Кавказской войны они потеряли большую часть исторической и этнической территории, свыше 9/10 населения страны была изгнана в пределы Османской империи. Лишилась территориальной общности и уцелевшая от истребления и депортации та малая часть черкесов, которая осталась на Кавказе. Однако территориальная разобщенность, впоследствии официально оформленная провозглашением трех отдельных советских автономий в небольших анклавах единой прежде территории, не поколебала основ национальной идентичности.

Подобная этническая парциация не смогла изменить ни единого этнического самосознания, ни общего самоназвания (этнонима) народа. В этой связи следует подчеркнуть, что с точки зрения этнологической науки «следует четко разграничивать территориальную целостность как условие возникновения этноса и как фактор его существования» [1, с. 50]. Известные этнологи Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов также подчеркивают, что, выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса, территория не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей [9, с. 19–22]. Вышеприведенные мнения авторитетных ученых-этнологов можно подкрепить многими практическими примерами, когда носители одного этнонима, проживающие не только на разделенных территориях

внутри одного государства, но и разных странах, из поколения в поколение сохраняют свою национальную идентичность. Наряду с черкесами, абсолютное большинство которых проживает за пределами России, это евреи и китайцы, разбросанные по всему миру, армяне в Армении, России, Франции, США и Сирии, украинцы в Украине, Канаде, Словакии, азербайджанцы в Азербайджане и Иране, курды в Турции, Сирии, Ираке и т.д.

Важное место в науке, как отечественной, так и зарубежной, в качестве этнического идентификатора отводится культуре. Именно характерные особенности культуры, как материальной, так и духовной, выступают наряду с самосознанием, в качестве важнейших этнодифференцирующих и этноидентифицирующих признаков. Практически все компоненты культуры – язык, религия, народное искусство, фольклор, традиции, обычаи, обряды, стереотипы поведения, жилище, пища и т.д. – имеют у каждого народа ярко выраженную этническую окраску. Правда, как давно заметил выдающийся ученый С.А.Токарев, ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком [10, с. 43–46]. У одних народов этнокультурная специфика наиболее ярко проявляется в религии. Например, сербы, хорваты и боснийцы, говорящие на одном языке и имеющие общее происхождение, имеют разное этническое самосознание как раз вследствие того, что именно религия (соответственно – православие, католицизм, ислам) стала главным фактором размежевания и этнической самоидентификации, и, напротив, религиозно-конфессиональные различия у немцев, арабов, абхазов, японцев или корейцев не изменили у них ни общего самоназвания, ни осознания себя единым этническим организмом. У других этнокультурная специфика проявляется в характерных особенностях поведения (так, в отличие от большинства других народов болгары в знак отрицания кивают головой, а согласие выражают покачиванием ее из стороны в сторону, японцы, извещая о печальном событии, улыбаются, не желая тем самым огорчить слушателя) и т.д.

Этническая культура черкесов не только своей самобытностью выступает важнейшим идентификатором и транслятором национальной идентичности, но и являет собой пример поразительного типологического единства на всем протяжении территории проживания этноса. Общечеркесская этническая специфика проявляется буквально во всех компонентах культуры: народном искусстве, устном народном творчестве, этикете, жилище, одежде, пище, гигиенических привычках. Причем локальные различия, в отличие от большинства соседних (и не только) народов, выражены во всех компонентах этнокультуры настолько незначительно, что заметны, как правило, лишь профессионалам-исследователям. Несмотря на это черкесы, как и большинство народов мира, состоят из ряда локальных этнокультурных подразделений – субэтносов. К середине XIX века, т.е. накануне национальной катастрофы черкесов, таких субэтнических общностей насчитывалось двенадцать, которые, в свою очередь, стали основой разделения Черкесии на соответствующие двенадцать историко-культурных провинций (областей): кабардинцы – Кабарда, бесленеевцы – Бесленей, махоши – Махош, егерукаевцы – Егерукай, темиргоевцы – Темиргой, мамхеги – Мамхегия, абадзехи – Абадзехия, хатукаевцы – Хатукай, бжедуги – Бжедугия, натухайцы – Натухай, шапсуги – Шапсугия, убыхи – Убыхия. Такая этнокультурная и этногеографическая структура страны получила символическое отражение в 12 звездах на национальном флаге Черкесии.

В то же время следует подчеркнуть, что этническая иерархия разного таксономического ранга оказывает определенное воздействие на этническое самосознание. Так, один и тот же человек может одновременно самоидентифицировать себя и как кавказец (представитель метаэтноса или макроэтноса – совокупности этносов), как и черкес (представитель основной этнической единицы), и как кабардинец (представитель субэтноса – низшего таксономического уровня этнической иерархии).

По данной аналогии русский может считать себя и славянином, и казаком или помором, а немец – индоевропейцем (арийцем) и саксонцем

одновременно. Однако, в отличие от этнонима (черкес, русский, немец), ни метаэтнические, ни субэтнические дефиниции не могут быть этническими идентификаторами, а выражают лишь общности, обладающие «этническими свойствами меньшей интенсивности, чем собственно народ – этнос» [11].

Черкесы обладают и определенной языковой общностью. Любой черкес, будь то в Шапсугии, Бжедугии или Кабарде, равно, как и соотечественник за рубежом, язык свой называет «адыгэбзэ», т.е. черкесский язык. Выступая в роли одного из важнейших признаков этноса, язык является в то же время основным средством трансмиссии этнокультурной информации.

Определенные диалектные различия, свойственные практически всем языкам, обычно нивелируются единым литературным языком. Однако, в начале 20-х годов XX века, в период создания современной письменности волюнтаристским решением большевиков было принято два варианта литературного языка – адыгейский (на основе кяхских или нижнечеркесских диалектов) и кабардинский (на основе верхнечеркесского диалекта). Понятно, что этот очередной шаг по дезинтеграции черкесов не вел к языковой консолидации, а, напротив, законсервировал диалектные различия языка.

В этой связи уместно напомнить, что локальные языковые различия у многих народов бывают настолько значительными, что общение между отдельными этническими группами внутри этноса возможно только на общенациональном литературном языке. К примеру, не знающие литературного языка северные и южные китайцы совершенно не понимают друг друга. Без посредства литературного немецкого языка общение весьма затруднительно между баварцем и саксонцем, а литературного арабского языка – иорданских арабов с египетскими и т.д. В то же время отсутствие общечеркесского литературного языка не является препятствием для общения представителей различных субэтнических групп.

Особенности психологического склада и национального характера также отличают черкесов от других этнических общностей. «С характером этноса – отмечает Ю.В. Бромлей, – неразрывно связана типичная для его членов

система побуждений – совокупность их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, установок, убеждений, идеалов и т.п.» [1, с. 152]. Такая система побуждений становится основой формирования национального менталитета – способа мировосприятия и совокупности нравственных принципов черкесов.

Среди основных черт национального характера черкесов широко артикулируются храбрость, толерантность, учтивость, гостеприимство и т.д. Вместе с тем, определяющим принципом менталитета черкесов, основой формирования особого типа сознания, является восприятие и признание личной свободы в качестве абсолютной ценности. «Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток, – отмечал в середине XIX в. Т. Лопатинский, – ему нравится подвижная жизнь, однако неохотно остается долго вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы; свою личную свободу он рассматривает как высшее благо». Без учета архетипов индивидуалистического сознания черкесов невозможно адекватное осмысление различных феноменов истории, культуры и этнической психологии. В частности, масштабы национальной катастрофы черкесов в ходе и результате Кавказской войны объясняются не только глобально- геополитическими причинами, но и неразрешимыми (несинтезирующимися) противоречиями, возникшими при столкновении двух типов сознания: черкесского индивидуалистического и коллективистского Российской империи.

Весьма однородным являются и расово-антропологические признаки черкесов. В основной массе они относятся к понтийскому и частично кавказскому антропологическим типам балкано-кавказской расы большой европеоидной расы. Правда, не всегда расово-антропологические признаки непременно могут являться этнодифференцирующими. Большинство латиноамериканских этносов, к примеру, принадлежат к различным расам.

Вполне определенно можно утверждать, что антропологические материалы являются, наряду с археологическими, наиболее

репрезентативными при разрешении этногенетических проблем. На Северном Кавказе существуют три основные антропологические группы: северо-западная, центральная и юго-восточная. Первая группа – это область распространения понтийского типа средиземноморской расы. По мнению М.Г. Абдушелишвили, основные признаки понтийского антропологического типа составляют: малый скуловой диаметр, большая толщина губ и горизонтальное положение кончика носа, низкий процент выпуклых форм спинки и малая высота носа, большая длина тела, высокий процент светлых пигментаций волос, умеренно развитый волосяной покров на лице и теле.

Таким образом, краткий анализ основных этнодифференцирующих признаков, принятых в науке, совершенно определенно доказывает, что общность людей, именующих себя «адыгэ», а в официальной литературе на русском языке идентифицируемых «кабардинцами», «адыгейцами» и «черкесами», представляет собой единый этнический организм, т.е. является одним народом. Следовательно, один народ должен именоваться и одним этническим именем.

Однако, в реальности сложилась уникальная по своей абсурдности ситуация, когда единое самоназвание этноса на русском языке обозначается тремя этническими терминами, в соответствии с которыми детерминируется существование трех, хотя и «близкородственных», но различных народов – кабардинцев, адыгейцев и черкесов.

Если произвольная трансформация одного самоназвания в три этнонима, как в случае с адыгами-черкесами, явление исключительное, не имеющее аналогии в мировой практике этнических определений, то можно привести целый ряд примеров противоположного свойства, когда родственные этнические общности, имеющие различные самоназвания, идентифицируются как один народ. Так, под этническим термином «мордва» на русском языке известны как те, кто называет себя мокша, так и те, у кого самоназвание – «эръзя». Часть осетин самоидентифицируются этнонимом «ирон», другая – «дигорон». Балкарцы имеют самоназвания «малкарлары» и «таулу». Грузинами, наряду с собственно картвелами, записаны мегрелы,

сваны и аджарцы, имеющие свои самоназвания и которые еще во Всесоюзной переписи населения 1926 года определялись самостоятельными народами.

Этнонимы «адыгэ» и «черкес» являются не только идентификаторами осознанности как индивидом, так и определенной этнической общностью своего единства и отличия от других подобных общностей. Как справедливо подметил В.А. Никонов, этноним «является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне» [12, с. 5]. Как правило, один и тот же этнос помимо этнонима – самоназвания (эндоэтнонима) имеет и внешние наименования экзоэтнонимы). В этом контексте этноним «адыгэ» является эндоэтнонимом, а этноним «черкес». – экзоэтнонимом.

Несовпадение самоназвания с иноязычным наименованием народа широко распространенное явление. Так, армяне называют себя «хай», грузины – «картвели», чеченцы – «нохчий», ингуши – «галгай», абхазы – «апсуа», якуты – «саха», греки – «эллинес», албанцы – «шкиптар», финны – «суоми» и т.д. Нередко экзоэтнонимы не только отличаются от этнонима – самоназвания (эндоэтнонима), но и друг от друга. К примеру, народ с самоназванием «дойч» по-русски именуется «немцы», по-английски – «джемен», по-французски – «алеман», по-итальянски – «тедеско», по-сербски – «шваб».

Этноним «черкес», идентифицирующий адыгов внешним миром, как на Западе, так и на Востоке, весьма устойчив. Впервые он встречается в форме «джаркас» в египетских хрониках XII в. Примерно с XIII в. этноним «черкес» получают широкое распространение для обозначения адыгов в арабских, персидских и западноевропейских источниках. Наряду с этнонимом «черкес», начиная с XV в. вся страна адыгов получает устойчивое наименование «Черкесия».

Следует отметить, что этнонимы, выступая в роли одного из наиболее наглядных этнических признаков – символов, выражают и некую характеристику называемых. По мнению В.А. Никонова, этнонимы

выполняют и идеологические функции, служа подчас лозунгом, знаменем [12, с. 3].

В этой связи уместно вспомнить, что этноним «черкес» (особенно в период расцвета черкесского традиционного общества) употреблялся не только в качестве этнического идентификатора, но и в аксиологическом контексте: он ассоциировался с целым рядом комплиментарных качеств и добродетелей.

Однако было бы неверным отрицать наличие определенной деформации национального самосознания, произошедшей вследствие советско-имперской политики этнической парциации черкесов. Наглядной иллюстрацией такой деформации самосознания может служить этническое самовыражение некоего Нарта Ходжурата на страницах одного из республиканских медиа-изданий. Говоря об участии в недавно проведенной Всероссийской переписи населения он пишет: «В графе «национальность» я написал «абадзех». Если бы сказал «черкес», подумали бы, что я из Карачаево-Черкесии, а мои предки родом из Адыгеи»[13]. Более того, даже в научной литературе нередко можно встретить употребляемые некоторыми маститыми черкесскими учеными такие алогичные словосочетания, как «адыгские народы», «адыгские народности», «адыгские литературы» и т.д. Нелепо выглядит и обратный перевод на черкесский язык термина «черкес» в форме «шэрджэс», так как адекватным эквивалентом экзоэтнонима может выступать только оригинал самоназвания – адыгэ.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в самом общем понимании этническую общность (этнос, народ, нацию) представляет собой совокупность людей одного этнонима, который, как правило, выступает в двух формах – самоназвания и иноназвания. Поэтому детерминирование этнической общности с самоназванием «адыгэ» терминами «кабардинец» (кабардинка) и «адыгеец» (адыгейка) в качестве официально принятых этнонимов на русском языке не находит научного обоснования.

В то же время этноним «черкес» за многие столетия не только показал свою устойчивость в качестве внешнего выразителя национальной

идентичности, но и сегодня остается единственно приемлемым терминологическим идентификатором на русском языке кабардинцев и адыгейцев. Как с точки зрения научных аргументов, так и с позиции здравого смысла, не приемлющего любые попытки нарушения исторической преемственности.

Примечания

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
2. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
3. Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.
4. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
5. Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
6. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
7. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.
8. Цит. по Р.Бетров. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. С.112.
9. Чебоксаров Н.Н., Арутюнов С.А. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. – Расы и народы. Вып. II. М., 1972.
10. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). – ВФ 1964, № 11.
11. Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности. – Расы и народы. Вып. VI. М., 1976.
12. Никонов Ю.В. Этнонимия. – Этнонимы. М., 1970.
13. Газ. «Газета Юга», 21 октября 2010, № 42.

**Мордва и Черкесы в РФ: дисбаланс федерализма
или двойные стандарты в отношении народов?**

(Исследование в фокусе сравнительной перспективы)

На сегодняшний день с очевидностью можно констатировать, что федерализм в РФ сталкивается с широким спектром вызовов и рисков*. Сложность адекватного реагирования на многие из них, бесспорно, обусловлены сугубо объективными факторами. Однако налицо наличие и иного пласта сложностей, позитивное (и что, не менее важно, оперативное) устранение которого всецело зависит от политической воли федерального центра. На данном этапе в качестве такового выступает комплекс проблем, истоки которых коренятся в катастрофических для адыгского этноса результатах Кавказской войны. В последующие после ее завершения полтора столетия Российское государство, несмотря на неоднократную смену политического режима, не предприняло внятных шагов, направленных на преодоление хоть одного значимого с точки зрения долгосрочных перспектив этнического выживания деструктивного последствия черкесского апокалипсиса.

Обозначение наиболее проблемных направлений для последующего предложения необходимого для адыгского этноса и возможного для федерального центра набора решений по преодолению данной порочной тенденции, формулируемого на основе компаративного взгляда на уже имеющийся опыт этноконструирования в одном из российских регионов – Мордовии является целью настоящей статьи.

Предпочтение этнической ситуации мордвы в тесной корреспонденции с положением части адыгского этноса, локализуемой в рамках современной

* Понятия «вызов» и «риск» здесь понимаются согласно определениям одного из академических изданий. «Вызов – наличие одной или ряда взаимосвязанных сложных проблем, требующих нестандартного подхода, значительных и часто длительных, как правило, трудных политических и управленческих усилий. Вызов можно не принять; но успешный ответ на него выводит давшего такой ответ на ведущие (нередко лидирующие) позиции в данной сфере; риск – возможность и/или вероятность того, что определенные меры, действия, курсы и т.п., а также объективные процессы и тенденции приведут к ущербу и/или иным нежелательным последствиям». – Россия в полицентричном мире. Под. ред. А.А.Дынкина, Н.И.Ивановой. М., 2011.

РФ в качестве объекта исследовательского интереса, естественным образом проистекает из резкого контраста между схожестью некоторых внешних параметров этнокультурного бытия этих весьма отдаленных друг от друга географически и лингвистически народов и качественно разным уровнем институционально-правовой комплиментарности к ним со стороны государства.

Исходя из аксиоматического положения современной этнологической науки, согласно которому этническое самосознание является важнейшим этноопределяющим признаком, именно данный аспект этнокультурной жизни мордвы и адыгов, прежде всего, окажется в сравнительной перспективе настоящей работы. В связи с этим следует указать на то, что, в свою очередь, важнейшим признаком этнического самосознания является наличие общего самоназвания, констатирующего завершение этноконсолидационных процессов. Между тем, констатация специалистами того обстоятельства, что «в наших этнолингвистических классификациях этническое самосознание часто вообще не учитывается»[1, с.56], стимулировала активизацию поисков скорректированных «операциональных критериев» определения этнической единицы основного уровня. В связи с данной ситуацией во второй половине 80-х гг. XX в. в первом эшелоне советских этнографов имела место довольно острая дискуссия. С одной стороны, еще в 60-х гг. виднейшие представители отечественной этнографии постулировали тезис об «особом значении этнического самосознания как... результирующего признака этноса»[2, с.99]. С другой, инициировавший дебаты М.В.Крюков вынужден был признать наличие явного противоречия между теорией и практикой советской этнографии. Он отмечал, «что в силу сложившейся у нас многолетней практики данные переписей не дают адекватного представления об этническом составе СССР и уж во всяком случае не могут быть критерием для создания таксономической классификации этнических общностей. Дело в том, что хотя в процессе самой переписи сведения об этнической принадлежности опрашиваемых в большинстве случаев объективно отражают их этническое самосознание, в

дальнейшем они не просто суммируются... а подвергаются «разработке», т.е. переосмысливаются в соответствии с заранее составленным списком народов СССР»[1, с. 52]. В данном контексте закономерен вывод автора о том, «что признание решающей роли этнического самосознания в общей совокупности специфических характеристик этноса диктует нам принципиально иную практическую процедуру таксономической классификации этнических общностей, чем применявшаяся ранее»[3, с. 15–16]. Он небезосновательно полагал (чему не было аргументированных возражений в ходе дискуссии), что в практическом плане следование «диктату» теории, т.е. последовательная опора на самосознание как на интегральный признак этноса «позволяет восстановить единство общностей искусственно расчлененных в результате ошибок, допущенных этнографами при определении границ этносов, а также выявить реальные этнические единицы, оказавшиеся в составе произвольно сконструированных общностей»[3, с. 16]. Ввиду подобного положения, сравнительный анализ, осуществляемый через оперирование такими категориями как этническое самосознание, самоназвание, субэтническая и этнографическая группы позволит, на наш взгляд, максимально внятно отразить различия и элементы сходства в идентификационной сфере у двух рассматриваемых популяций. Согласно соответствующей статье в энциклопедии «Народы России» (1994) мордва «состоит из двух субэтносов – эрзя (самоназв.) и мокша (самоназв.)»[4, с.232]. Самоназвание мокшан «мокшет», а эрзян «эрзят»[5]. Другой энциклопедический ресурс сообщает, что «традиционный термин «мордва» является внешним названием этнической общности (то есть – экзоэтнонимом). Эрзяне и мокшане имеют различное этническое самосознание, имеют свои литературные языки, существенные различия в антропологическом (расовом) типе, расселении, традиционном быте, материальной и духовной культуре» [5].

Обозначенные аспекты этнокультурной жизни подробнее будут затронуты ниже. Сосредоточив же, прежде всего, основное внимание на этническом самосознании, укажем, что на сегодняшний день диапазон

взглядов на его уровень у мордвы определяется тремя подходами. Согласно версии Н.Ф.Мокшина, «мордва – бинарный этнос, включающий в себя два субэтнуса – мокша и эрзя». По мнению этого автора, каждый из них «считая себя мордвой, в то же время обладает присущими только ему самосознанием и самоназванием (субэтнонимом)» [5].

В данном взгляде, как это ни парадоксально, отражается стремление к монизации через постулирование бинарности мордвы. Однако в нем проявляется явная натянутость позиции и недосказанность в описании реальной «этноситуации» у коренного населения республики Мордовия. Сложно понять автора, который, с одной стороны, постулирует тезис о едином, хоть и бинарном этносе, а с другой, констатирует наличие отдельных самосознания и самоназвания у рассматриваемых им в качестве субэтнусов единиц (И, разумеется, используемые им характеристики мордвы как «единой народности, которую условно можно назвать народностью высшего таксономического уровня», а эрзя и мокшу также «условно» «народностями низшего таксономического порядка» [6, с.14], никак не проясняют вопроса). Существенно, что в его позиции не артикулируется факт отсутствия вызревшего из недр этих популяций объединяющего и охватывающего мокшу и эрзя самоназвания. Следовательно, апелляция к тому, что они «считают себя мордвой» для безусловной фиксации их (мокши и эрзи) в качестве единого этноса, по меньшей мере, недостаточно правомерна. Не случайно, в этой связи ряд исследователей обращали внимание на то обстоятельство, «что в эрзянском и мокшанском языках не существует единого самоназвания для обозначения эрзи и мокши, а этноним «мордва» используется лишь в тех случаях, когда языком общения служит русский» [3, с.12]. Вполне очевидно, что идентификация себя (с) мордвой со стороны мокши и эрзи сложилась в условиях многовекового нарастающего воздействия численно и политически доминирующего русского этноса, фактически навязавшего это название (кстати, «другие народы исторически соседствовавшие с мокшанами и эрзянами никогда не называли их общим этнонимом» [5]. В некотором смысле, перефразируя характеристику одного

исследователя в адрес современных немцев как «нацию поневоле»[7, с.33], допустимо говорить о мордве как «этнотерриториальной компактности поневоле». В этом плане существенен учет особенностей национальной политики государства, проводившейся в последние более чем восемь десятилетий. Ее суть достаточно удачно отразил на примере другого региона Э.Кисриев. Он отмечает, что в указанный период «национальности складывались «сверху», опережая национальное сознание, как результат принимаемых органами власти решений по установлению «научно обоснованной» номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и паспортах»[8, с.15]. В определенных случаях такой подход имел свои плоды, как например, с некоторыми этносами Дагестана или же с одним из народов Севера – хантами. Пример последних весьма показателен. К 1930 г., когда создавался Ханты-Мансийский национальный округ, «ханты еще не составляли единого этноса». В соответствующей статье энциклопедии «Народы России» сообщается, что «консолидация их в единый народ происходила в последние 50 – 60 лет под влиянием национальной государственности...»[9, с. 381] Между прочим, данный факт эмпирически подкрепляет теоретическое положение о том, что «ускоряющее влияние на консолидацию оказывает политическое объединение этносов в границах одного государства или территориальной автономии»[10, с. 455].

Однако в случае с мордвой (несмотря на многие благоприятствовавшие факторы: более высокий коэффициент этнотерриториальной компактности, несоизмеримо большая численность, наличие многих институтов/атрибутов государственности и т.д.), преодоление неотчетливости единого этнического самосознания оказалось нереализованным и фактически консолидационные процессы оказались незавершенными и неполными. Все это позволяет видеть в современной мордве, с одной стороны, своеобразный тип «протоэтноса» – этноса в стадии формирования, а, с другой – разновидность метаэтнической общности возникающей в результате межэтнической интеграции. По всей видимости, подобное положение сподвигло В.Юрченкова обозначить второй подход и выдвинуть весьма своеобразный тезис о том, что мордва является

«пульсирующим» этносом, то есть этнической системой «которая то раскрывается, то свертывается»[5]. Узрение в подобном интеллектуальном изощрении более содержательного начала, нежели указания на неустойчивость данного «этноса», весьма проблематично.

Пожалуй, наименее противоречивым является мнение, сформулированное НДО «Учреждение Фенно-Угрия», о том, «что эрзя и мокша являются различными этносами»[5]. Исторические источники разных эпох вполне определенно указывают на данное обстоятельство. Еще в XIII в. Р.Бэкон в своем знаменитом «Opus Majus»[11], а затем в XV в. Иосафат Барбаро рассматривали мокшан и эрзян в качестве разных народов[12, с.133].

В XVIII в. видный российский ученый, автор первой сводной этнографической работы по народам России И.-Г. Георги весьма компетентно описал особенности этнической ситуации в Поволжье. В частности, он, не отвергая наличия определенной общности у части финноязычного населения региона, указывал на то, что «они называются сами по поколениям своим Мокшами и Мокшанами, также Ерзянами и Ерзядами. Россияне же нарицают их мордвою, которое наименование и между самими ими не употребительно»[13, с.42]. О существовании прочных барьеров, препятствовавших консолидации эрзи и мокши на протяжении веков можно судить по любопытному сообщению другого участника академической экспедиции конца 60-х начала 70-х гг. XVIII в. И.И.Лепехина. Фиксируя наличие устойчивых и длительных эндогамных традиций у рассматриваемых этносоциальных популяций, он отмечал: «Разность двух Мордовских поколений видна и из того, что до крещения их не дозволялося Мокшанам брать Ерзянок, а Ерзянам – Мокшанок; но всяк довольствовался своею породю»[14, с.156]. Ввиду подобного положения вещей ряд исследователей указывали «на ошибочность употребления одного этнонима по отношению к двум разным народностям»[5]. Ознакомление с опытом этноконструирования мордвы убедило многих экспертов в том, что «проблема с экзоэтнонимом, относящимся одновременно к двум разным народам привела к многочисленным несовпадениям и путанице»[5].

На таком фоне «этноситуация» у черкесов являет собой яркий контраст и свидетельствует о качественно ином уровне их этнического самосознания. На рубеже XV–XVI вв. о них писали: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (итальянском. – Т.А.), греческом и латинском, татарами и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига»[15, с.46]. К первой половине XVII в. относится документ, где пшышхуэ («великий князь») Большой Кабарды Алегуко Шогеноко обращает внимание на один из характерных обычаев «черкасов», к которым он относит себя[16, с.182]. Это тем более показательно, что Кабарда и составлявшие ее княжества к этому времени уже не первое столетие вели обособленную в политическом отношении жизнь. Также примечательно, что кабардинский князь рассуждает об особенностях, характерных для всего черкесского народа как о само собой разумеющемся явлении. В этом плане довольно любопытными представляются сведения из составленного в 1727 г. в Коллегии иностранных дел «допроса» «двух человек черкесов», «которые в Крыму были в плену». Показательно, что на вопрос, «какой подлинно нации» одновременно попавшие в плен, имевшие существенную возрастную разницу, принадлежавшие к неодинаковым сословным и конфессиональным группам Сулиман Солтовекин и Абулганом Базруков указывали, что являются представителями «горских черкес, кабардинские земли»[17, л.1–6]. Такое позиционирование, наряду с прочим, демонстрировало зрелость и устойчивость этнического самосознания, не допускавшего его подмены самоидентификацией иного уровня, в данном случае, базирующейся на понятии о территориальной принадлежности.

Предельная четкость этнического самосознания адыгов в этот период иллюстрируется и суждением Бамата Кургоко, одного из видных политических деятелей Кабарды первой половины – середины XVIII в. В ходе общения с российским представителем капитаном Барковским в июне 1747 г. он информировал собеседника: «А черкесы – общее ж слово, все живущие в Кубане по сю сторону Черного моря даже до Брагунской деревни (на крайнем юго-востоке Кабарды. – Т.А.) темиргойцы, джадуги (бжедуги. –

Т.А.), джена (жанеевцы. – Т.А.), атукаи (хатукаевцы. – Т.А.) и прочия»[18, с.141]. Обращает на себя внимание предусмотрительная концовка предложения кабардинского князя, справедливо не ограничивавшего круг относившихся к черкесам локальных групп перечисленными единицами.

В следующем столетии, когда после заключения Адрианопольского трактата в сентябре 1829 г. у правительства России возникла насущная необходимость в адекватной информации и компетентных оценках ситуации на территориях, относительно которых Петербург получил со стороны Порты карт-бланш, был создан комитет «для устройства Закубанского края». В «журнале» этого органа, в частности, указывается: «Пространство между Малкою, или кочевьями Кабардинцев с их вассалами, и Черноморским берегом занято различными племенами, они все говорят почти одним с Кабардою наречием и суть не что иное, как отрасли многочисленного *народа Черкесскаго, который... сам себя именует Адиге*» (курсив наш. – Т.А.)[19, с.890]. В этом документе имеется и другое, отличающееся не меньшей однозначностью сообщение. Оно гласит: «Воинственные *поколения, известные в Европе под... названием Черкесов, а между ними самими под общим наименованием Адиге* (курсив наш. – Т.А.), занимают всю северную и западную покатости Кавказских гор, начиная от Черного моря до р.Терека...» [19, с.904.] Спустя несколько лет Хан-Гирей в своих «Записках...», в рубрике «наименование» предельно однозначно характеризует ситуацию с этническим самосознанием своего народа. Он пишет: «Племена, составляющие здесь описываемый народ... *имеют два общих главнейших наименования: адгхе и черкесы. Первым они сами себя именуют... Второе дают им: россияне, турки, грузины и другие народы*» (курсив наш. – Т.А.) [20, с.77]. Никто иной, как сам Адольф Берже в 1858 г., обзревая народы Кавказа, указывал на черкесов как «называющих себя Адиге»[21, с.16]. И, наконец, издатель СМОМПК, подвижник в изучении черкесского культурного наследия – Л.Лопатинский на исходе XIX столетия, наблюдая, что «от стройнаго прежде и цельнаго народа остались небольшие клочки, в

виде этнографических островков и полос» писал об адыгах исключительно как о единой этнической системе[22, с.1].

Счет подобным свидетельствам наличия глубокой укорененности устойчивого этнического самосознания и, соответственно, единого самоназвания у черкесов идет, по меньшей мере, на десятки. Тем с вящей выразительностью просматривается то обстоятельство, что государственная система в России избрала и последовательно реализовывала подрывающую основы существования единого черкесского народа модель его этнического (де-)конституирования. Опять же данное обстоятельство приобретает наиболее рельефные очертания в контексте «мордовского» опыта. Так, «в июле 1928 [г.] на заседании Совета Народных Комиссаров по вопросу создания Эрзяно-Мокшанского округа Н.Г. Сурдин предложил назвать округ Мордовским, на основании, того, что названия народов «мокша» и «эрзя» не на слуху, а «мордва» известно всем русскоговорящим. 16 июля 1928 года Всероссийский ЦИК и Совет Народных Комиссаров приняли решение о создании Мордовского округа в составе Средне-Волжской области»[5]*.

Разительными отличиями характеризуется алгоритм и траектория действий государственной системы в сфере конституирования административно-территориальных единиц на территориях проживания адыгов. Так, «27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области»[23, с.123]. Менее чем через месяц, 24 августа 1922 г. «во избежание недоразумений и путаницы, происходящих от смешения в разных ведомствах Карачаево-

* Следует отметить, что процесс «этноконструирования» в Мордовии в этот период развивался в русле инициированной центром доминировавшей тенденции оформления «крупных» этносов путем волюнтаристского объединения конгломератов племенных единиц отдельных регионов, заведомо не достигших соответствующего уровня этнической консолидации. Так, обнаруживавшие существенные культурные, антропологические различия и не обладавшие общим самосознанием этнические группы алтайцев (алтай-кижи), телесов (улан-кижи), теленгитов (чу-кижи), челканцев (куу-кижи) и др. «были объявлены алтайцами – единым народом, на который в качестве этнонима распространилось самоназвание одного из подразделений». Другой пример кабинетного «этнотворчества» связан с хакасами. «В 20-х годах обитавшие в предгорьях Западных Саян тюркоязычные качинцы, кызыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы были искусственно объявлены единым народом, причем в качестве их общего наименования принят этноним «хакас», якобы встречающийся в средневековых китайских письменных памятниках. Между тем указанный термин попал в историческую и этнографическую литературу в результате ошибки Н.Я.Бичурина, в начале XIX в. неправильно прочитавшего этноним «хягасы» (древнекитайская транскрипция самоназвания «кыргыз») как «хагас». – Крюков М.В. Этнос и субэтнос... С. 13, 15. Подобные примеры на этом не исчерпываются. На этом фоне устойчивая политико-правовая практика деэтнизации черкесов (адыгов), реализуемая в рамках российского государства представляет собой исключение.

Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономных областей» постановлением Президиума ВЦИК область была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область[23, с.124]. Однако после почти шестилетнего благополучного существования автономии западных адыгов под указанным наименованием 3 августа 1928 г. центральная власть приняла решение, теперь уже, «о переименовании Адыгейской (Черкесской) автономной области в Адыгейскую автономную область»[23, с.130]. Если под предшествующим шестилетней давности изменением в названии автономии просматривается вполне прозрачное обоснование, то мотивация августовского «постановления» 1928 г. осталась невразумительной. В любом случае, нельзя не отметить, что такое решение изъяло из рамок санкционируемого государством институционального пространства важнейший интегрирующий элемент, позволявший в перспективе продвигаться к единой черкесской автономии. Принимая во внимание то обстоятельство, что по переписям 1926 и 1939 гг. адыгское население, как Кабардино-Балкарии, так и Карачаево-Черкесии фигурировало в номенклатуре этносов СССР под единым этнонимом[24, с.29]*

* Примечательно, что искусственность практиковавшейся фиксации под этнонимом «черкесы» в ходе последующих переписей лишь адыгов Карачаево-Черкесии было очевидным для многих профессиональных этнографов еще в советский период. В ходе дискуссии о соотношении этноса и субэтноса данный прецедент априорного этноконструирования не мог остаться без внимания со стороны профессионального сообщества. В связи с тем, что именно при обсуждении ситуации с черкесами полемика между сторонниками полярных позиций приобрела наиболее острый характер, считаем уместным привести аргументации соответствующих авторов. М.В.Крюков, в частности, указывал: «Традиция называть черкесами не только адыгов, но и другие не родственные им народы Кавказа была преодолена. Тем не менее, термин «черкес» не имеющий никакого отношения к самосознанию адыгских народов (здесь автор, безусловно, озвучивает беспеллициозное и ошибочное суждение. Во-первых, в факте указания с его стороны «адыгских народов» в качестве концепта, отражающего явление реальной действительности, содержится внутреннее противоречие с им же отстаиваемой позицией о ведущей роли эндоэтнонима в определении этнической единицы «основного уровня»; а, во-вторых, это тот случай, когда абсолютно справедливо предостережение С.А.Арутюнова о том, что «с порога отметить экзоэтноним было бы неверно, вначале надо выяснить, известен ли он группам, на которые распространяется, и как к нему относятся эти группы» – Арутюнов С.А. К проблеме этноса и субэтноса // Расы и народы. Вып. XVIII. М., 1988. С.30. Не приходится доказывать, что иноэтническое окружение адыгов, за некоторыми исключениями, на протяжении столетий пользовалось термином «черкес» в качестве их экзоэтнонима. Сами адыги, находившиеся в достаточно интенсивном взаимодействии с внешним миром не могли не знать об этом. В данном контексте, совершенно очевидно, и источники это подтверждают, что адыги активно пользовались термином «черкес» для самоидентификации в иноязычной среде. – Т.А.), закрепился в нашей этнографической литературе, что привело к «появлению» наряду с адыгейцами и кабардинцами самостоятельного народа «черкесы», хотя представители всех этих трех общностей называют себя «адыге». – Крюков М.В. Указ. соч. С.14.

Возражения его оппонента – С.И.Брука сводились к следующему. «У М.В.Крюкова не вызывает сомнения существование в качестве отдельного этноса кабардинцев (наряду с адыгейцами), а вот существование черкесов он оспаривает (весьма странно, что С.И.Брук пришел к такому выводу, когда, согласно вышеприведенному суждению критикуемый им автор совершенно однозначно не приемлет дробления этноса объединенного единым самосознанием «адыге». – Т.А.)». – Брук С.И. Все гораздо сложнее // Расы и

народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. XVIII. М., 1988. С.37. Далее он пишет: «Известно, что формирование кабардинцев как отдельного народа относится к XIII – XV вв. (что с учетом этнокультурных, в том числе лингвистических и иных факторов не соответствует действительности. – Т.А.) и связано с переселением адыгских племен после монгольского нашествия из Прикубанья на левый берег Терека (позже, в XV – XVI вв., они освоили и правый берег реки). Черкесы, живущие на севере Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, сформировались из потомков западноадыгских племен (бесленеевцев) (последнее словосочетание также весьма далеко уводит от существа вопроса – бесленеевцы не относились к западным адыгам. Лишь начиная с периода не позднее первой половины XVI в. Бесленеевское княжество начало вести обособленную в политическом отношении от Кабарды жизнь. Применение же термина «племя» относительно бесленеевцев и в целом для «характеристики внутриэтнической структуры адыгов, не соответствует ни историческим реалиям XIX в., ни, тем более, современным представлениям» – Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М.Н.Губжокова. Майкоп, 2009. С.631. – Т.А.), смешавшихся с переселившимися сюда в первой трети XIX в. кабардинцами». Изложение своей позиции С.И.Брук завершил патетическим, но малосодержательным вопрошанием: «Ста пятидесяти лет, по мнению автора, для образования нового этноса мало? А может быть, вполне достаточно того, что сами черкесы уже давно стали считать себя самостоятельным народом, родственным адыгейцам и кабардинцам?» Не поддаваясь несколько нервной тональности этих слов, М.В.Крюков отреагировал последовательной аргументацией в обортонах более приемлемых для научного диалога. Раскрыв, что ситуация когда в «этнолингвистическую» классификацию народов Кавказа наряду с адыгейцами включены также черкесы и кабардинцы, эндоэтноним которых «адыге» является результатом волонтаристского игнорирования имеющихся реалий, им была подтверждена ранее обозначенная позиция с учетом выдвинутых против нее упреков. Здесь было указано: «С.И.Брук утверждает, что черкесы давно уже стали считать себя самостоятельным народом. Если бы это было так, спор был бы решен. Но существует ли в нашей литературе специальные исследования, показывающие, что, встретившись с черкесом, выяснив, что тот также является «адыге», и разговаривая с ним на своем родном языке, адыгеец не испытывает по отношению к нему чувства этнической общности? Мне такие исследования не известны. А если их и в самом деле нет, то какие мы имеем основания полагать, что включение в «этнолингвистическую» классификацию не «адыге», а адыгейцев, черкесов и кабардинцев учитывает их этническое самосознание?» – Крюков М.В. Преодолеть догмы, изучать реальную этническую ситуацию // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. XVIII. М., 1988. С.56.

Обращаясь к современному витку дискуссий по этому вопросу можно обратиться, с одной стороны, к попытке сведения стремления черкесского этноса институционально оформить свое реальное, научно обоснованное этническое status-quo, всего лишь к «компоненту» «исторической версии» «обслуживающей» определенные мифические планы. Эта позиция выражена в экспертном докладе «Пути мира на Северном Кавказе» под редакцией В.А.Тишкова. Симптоматично, что ведущие этнологи России усматривали крамолу в стремлении черкесов «исходя из единого для всех адыгов этнонима («адыгэ»)» (С.114) заявить о своей неразрывной целостности. Принимая во внимание время издания труда (1999), когда ослабление позиций России на Северном Кавказе достигло наивысших значений за весь постсоветский период, объяснима склонность некоторых авторов, узреть во всяком движении, не инициированном государством, угрозу его устоям. К тому же задачи коллектива авторов по выработке неотложных практических рекомендаций, применимых в условиях сложившейся тогда конъюнктуры, которые во многом диктовались озабоченностью и опасениями наличествовавшей повестки дня определенно накладывали свой отпечаток. Своеобразным ответом на подобный взгляд явилось заключение Института этнологии и антропологии РАН, подписанное заведующим Отделом народов Кавказа, чл.-корр. РАН С.А. Арутюновым и утвержденное 25 мая 2012 г. заместителем директора ИЭА РАН, д.и.н. В.Ю.Зориним. В данном документе утверждается, в частности, следующее: «Этноним Черкес и топоним Черкесия как обозначения народа и его страны на Северо-Кавказе появляются в армянских, грузинских, арабских, персидских, тюркских и др. исторических источниках с XIII в., вытеснив предшествующую этнонимическую номенклатуру – керкеты, зихи, джики, кашаги, кассы, касоги, джаркасы и др. Этноним Черкес стал общеупотребительным в европейских и русских источниках XV–XIX вв.

В то же время местное население неизменно называло себя адыгэ, хотя значение имели, видимо, локальные наименования, с которыми идентифицировали себя отдельные этнополитические образования – натухай, абадзех, жанэ, кабардэ и др. Тем не менее, несмотря на определенные различия социального, культурного, языкового характера, с историко-этнографической точки зрения, это единый черкесский (адыгский) народ. Исторические коллизии XIX – XX вв. связанные с бедствиями Кавказской войны, насильственным выселением значительной части черкесов в Османскую империю, административные преобразования, осуществленные царским правительством, а затем органами советской власти РСФСР и СССР, привели к образованию в Российской Федерации четырех территориально разделенных массивов черкесского народа, за которыми закрепились различные этнографические обозначения – шапсуги, адыгейцы, черкесы, кабардинцы.

Сравнительно недавнее (по историческим меркам) территориальное разобщение не привело к утрате в народе исторической памяти о генетической и культурной общности между этими группами. Современные

институционально закреплённая «черкесскость» самой западной адыгской автономии объективно сохраняла предпосылки для политической интеграции, по крайней мере, трех крупнейших адыгских массивов на Кавказе.

Таким образом, применение «априорного принудительного шаблона» этноконструирования со стороны государственной системы в отношении мордвы и черкесов проявилось по-разному. В первом случае, не придав значения отсутствию важнейшего компонента единого самосознания, волевым решением объединила эрзу и мокшу в рамках одной автономии, а во втором, проигнорировав единство черкесского народа, скрепленного прочным самосознанием и самоназванием, пошла по пути его деконсолидации и дезинтеграции. Без малого столетняя практика стимулирования разрозненных сегментов адыгского социума, переживших геноцид, в качестве «новых» сначала «народностей», а затем и этносов объективно была направлена на деэтнизацию черкесов. При этом содержание настойчивого институционального поощрения партикуляризированных массивов, каждый из которых относится к «разнопорядковым формам идентификации» («кабардинцы» – локальное подразделение этноса; наименование «черкесы» в рамках легитимированной государством этнической номенклатуры применяется только преимущественно к бесленеевцам и кабардинцам КЧР, тогда как оно исторически является экзоэтнонимом всех адыгов. А в основе такого навязанного идентификационного конструкта как «адыгейцы», объединяющего часть кабардинцев, абадзехов, темиргоевцев, бжедугов, шапсугов, хатукаевцев,

исследования показывают, что этническое самосознание и основной пласт традиционной культуры у шапсугов, адыгейцев, черкесов и кабардинцев являются общими». – <http://www.elot.ru/index.php?option=com>

Как выяснилось, о единстве и тождестве черкесского/адыгского этноса осведомлена судебная власть в РФ. Данное обстоятельство наглядно проявилось в ходе «недавнего инцидента» «с попыткой зарегистрировать в январе 2012 г. в министерстве юстиции Республики Адыгея «Национально-культурную автономию черкесов Адыгеи». Отказ Майкопского городского суда основывался на «общепринятых представлениях» о том, что «черкесы и адыгейцы – это один и тот же народ, а у адыгейцев есть своя государственность, они проживают на своей исторической родине, и национально-культурную автономию на своей родине, при наличии государственной системы, иметь не могут». – Хлынина Т.П. Прошлое в современных этнополитических процессах Республики Адыгея // Нацстроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола / Отв. Ред. Т.П. Хлынина. Ростов н/Д, 2012. С.142.

мамхегов, махошевцев и натухайцев лежит название адыгской страны – Черкесии на родном языке) фактически наиболее адекватное отражение находит в концепте этноцид, определяемом как «политика уничтожения этнической или национальной идентичности, самосознания народа»[25]. Здесь приходится констатировать, что российское государство, пользуясь терминологией Жерара Нуарьяля, выступает как «интервенционистский институт, классифицирующий население и предлагающий такие формы социального и политического представительства, которые призваны создавать впечатление естественности» продуктов «юридическо-бюрократической «категоризации»[26, с.17, 195].

Следующим аспектом этнокультурной жизни сравниваемых этнических единиц, представляющим особый интерес, является лингвистическая ситуация. Под достаточно условным понятием «лингвистическая ситуация» в рамках настоящей работы будет подразумеваться вопрос о сложении единого языка у каждой из рассматриваемых популяций, и, в меньшей степени, их сохранность в современных условиях под напором ассимиляционных процессов. Данная интенция тем более оправдана, что этнолингвистическая ситуация у коренного населения республики Мордовия, резко контрастирующая с языковыми особенностями, например, соседних народов (за исключением, пожалуй марийцев[27]), в то же время обладает чертами сходства с адыгской спецификой. Практически вся литература, касающаяся языкового положения мордвы единодушна в признании существования двух языков у титульного населения Мордовии. Это мордовский-эрзя, или эрзя мордовский, эрзянский и мордовский-мокша, или мокша-мордовский, мокшанский. Согласно энциклопедическому изданию «Народы России» (1994) «эрзянский язык включает в себя пять диалектов, мокшанский – три»[4, с.232]. Оба эти языка «относятся к финно-волжской группе уральской семьи языков и имеют статус литературных»[5]. В силу стабильного, отдельного друг от друга функционирования языков эрзи и мокши использование одного названия для их обозначения приводило к многочисленным ошибкам. «Для того чтобы избежать этого, как в

дореволюционной России так впоследствии и в советское время использовались двойные этнонимы мордва-мокша и мордва-эрзя и названия языков мокша-мордовский и эрзя-мордовский, где приставки «мордва», «мордовский» по сути не несли никакой информационной нагрузки[5]. Поэтому, вполне закономерным выглядит провозглашенное еще в конце 1990 г. равноправное функционирование «мокшанского, эрзянского и русского языков в качестве государственных» в одном из основополагающих документов современной Мордовии. Такая декларация закономерно проистекала из сложившегося за многие десятилетия в республике положения вещей. В условиях функционирования периодической печати, радио и телевидения, т.е. тех факторов, которые служили объективными предпосылками для языковой конвергенции уровень приемлемой взаимопонимаемости между эрзей и мокшой так и не был достигнут*.

В отличие от диспозиции эрзянского и мокшанского языков, единство лингвокоммуникативного пространства черкесского этноса не подвергалось сомнению, по крайней мере, с эпохи Средневековья. Воспроизведение всего спектра источников подтверждающих это положение, с точки зрения задач настоящей работы, излишне. Однако ознакомление с реальной лингвистической ситуацией у черкесов накануне крушения их страны и в период последующего конструирования на ее обломках «новых народов» и соответственно «языков», безусловно, имеет принципиальное значение. Так, вышеупомянутое суждение органа российского правительства, призванного выработать компетентные решения в отношении адыгов о том, что все черкесы от «черноморского берега» до Восточного Закубанья «говорят почти одним с Кабардою наречием», подтверждается как российскими военными экспертами по Кавказу, так и источниками черкесского происхождения. Офицер Генерального штаба, служивший в Отдельном Кавказском корпусе

* Важнейшим аспектом языковой ситуации у титульного населения Республики Мордовия является степень владения им родными языками. По переписи 1989 г. лишь 69% мордвы назвали родными свои языки, в то время как этот показатель у черкесов КБР, РА и КЧР соответственно 97,6%, 95,2% и 91,5%. В связи с этим, примечательно также, что по сведениям, по-видимому, основывающимся на результатах той же переписи 1989 г., мордовскими языками «владело лишь 39% мордовских детей до 9 лет и 42% – в возрасте 10 – 19 лет» – Габуния З., Гусман Тирадо Р. Указ. соч. С.111.

И.Бларамберг в 1834 г. писал: «Черкесский язык полностью отличается от других известных языков; на совершенно чистом черкесском языке говорят в Большой и Малой Кабарде и в племени бесленеевцев... другие же черкесские племена, обитающие за Кубанью и вплоть до побережья Черного моря, говорят на диалектах, в большей или меньшей мере отличающихся от коренного языка»[28, с.146 – 147]. Практически в это же время бжедугский аристократ Хан-Гирей отмечал, что адыгами являются люди, «говорящие одним черкесским языком, несмотря на различие наречий оного»[20, с.124]. В другом месте он, детализируя и подтверждая мнение предыдущего автора, констатирует следующее. «Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы, почитается за чистейшее... Второе есть общее у всех прочих племен составляющих черкесский народ, и называется наречием **низовым**, т.е. которым говорят низовые черкесы»[20, с.131]. Академик А.М.Шёгрэн, посетивший Кавказ в 1836 – 1837 гг. и предпринимавший попытки изучения некоторых языков региона, писал о «транскубанском» и «диалекте Кабарды» исключительно в рамках единого черкесского языка[29, с.303–304]. Красноречиво и свидетельство Дж.Бэлла относящееся ко второй половине 30-х гг. XIX в. В нем отмечалось «Местное название народа и черкесского языка – «адыге»... Этот язык употребляется на территории от восточных границ Кабарды до Черного моря»[30, с.42]. Подобную картину наблюдал и К.Ф.Сталь, утверждая, что «на всем пространстве от Малой Кабарды до Черного моря господствует язык черкесский (адыге)». Автор признавал, что язык этот «разделяется на... наречия, удобопонятныя один для другого...»[31, с.114]. Представляется закономерным, что и признанные знатоки устного народного творчества адыгов П.Тамбиев и Л.Лопатинский, более ста лет назад, фиксировали два «наречия» черкесского языка – кабардинское и кяхское. К последнему они разумно относили абадзехский и бжедугский «говоры»[32, с.106; 33, с.1–60]. Как видим, все приведенные мнения базируются на позиции наличия единого черкесского языка и указывают на «диалекты» и «наречия» только в его рамках.

В данном контексте примечательно замечание Э.Г.Александренкова о важности учета эндолингуонима – названия языка самими носителями соответствующего идиома[34, с.23]. У черкесов общий эндолингуоним имеется. Это «адыгэбзэ», «адыгабзэ». У эрзи и мокши, как впрочем, например, среди картлийцев, мегрел и сванов общий эндолингуоним за отсутствием единого языка не наблюдается[35]. В связи с этим вспоминаются слова проницательного поляка Т.Лапинского: «В большое заблуждение впадают все статистики и этнографы, которые до сих пор писали об этой стране, когда они многочисленные диалекты, на которых разговаривают на Кавказе, принимают за различные языки, а каждое отдельное племя – за национальность»[36, с.26]. Справедливость этого наблюдения, особенно зримо, просматривается на фоне «ситуации диффузной изменчивости», которую приводит С.А.Арутюнов. Она заключается в том, что «например, в Японии, где в цепи диалектов, вытянутой с севера на юг, любая пара соседних идиомов взаимопонимаема, но различия между крайними звеньями достигают уровня разных языков» [37, с.30]. Но данное обстоятельство не отменяет, по крайней мере, в рамках научного дискурса существование единого японского этноса. В этом плане показательно, что в лингвокоммуникативном пространстве черкесского этноса отсутствует феномен «диффузной изменчивости». Более того, что весьма примечательно, самой близкой к кабардинскому версией кяхского диалекта является (особенно в архаическом пласте) наиболее географически отдаленный шапсугский идиом[38, с.123,128]. В свете рассмотренной ситуации следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что диалекты черкесского языка не «коррелируют с функционированием каких-либо субэтнических групп» за отсутствием последних, а типологически относятся к идиомам, имеющим «территориальный характер»*.

* Основная оппозиция в адыгском языковом пространстве выстраивается не по линии локально-этнографических групп (например: Хатукай – Бесленей или же Кабарда – Бжедугия), а через сопоставление единиц, организуемых, прежде всего на «макротерриториальных» началах: КIахэ – Щхьэ(гъ). Для наглядности приведем примеры функционирования идиом, не коррелирующих с субэтническими подразделениями, а целиком относящихся к диалектам «имеющим чисто территориальный характер». Так, М.В.Крюков указывал: «Приглашенная в гости уроженка Киото отвечает на предложение хозяйки отведать еще чего-нибудь вежливым «Хара-га окий дэс» (бук. «у меня большой живот»), т.е. она уже сыта. В Токио

В данном контексте вполне очевидно, что возникновение в следующем столетии т.н. кабардино-черкесского и адыгейского языков стало возможным под влиянием сугубо экстралингвистических факторов, к которым в первую очередь относится создание отдельных литературных норм[39]. Об этом со всей определенностью писал и видный адыгский филолог М.Х.Кумахов. Он отмечал: «Термины кабардино-черкесский и адыгейский язык – советское новообразование»[40, с.5]. Им также справедливо указывалось, что адыгэбзэ «многие специалисты (в основном, зарубежные) относят к одной лингвистической единице, называя черкесским языком, а носителей последнего черкесами»[40, с.5]. Не менее показательным и другим его заключением. «До выселения адыгов существовало общее культурное и языковое пространство всех адыгов. Хотя различия между адыгскими... диалектами имелись и до массового исхода их носителей с исторической родины, западные и восточные адыги между собой общались только на своем родном языке, прекрасно обходились без языка – посредника или переводчика»[40, с.35]*. Таким образом, вся совокупность сведений первоисточников, сложившаяся многовековая традиция и компетентные суждения специалистов позволяют характеризовать кяхский и кабардинский идиомы в качестве коммуникативных единиц одного таксономического ранга в рамках системы основного уровня – черкесского языка.

В контексте представленного наличия прочного и глубоко укорененного единого самосознания и языка у черкесского этноса напрашивается необходимость переосмысления степени правомерности использования категории «субэтническая группа» в отношении локальных подразделений адыгов. Прежде всего, укажем на понимание этого концепта в российской

же ее ответ будет воспринят как неуместное в данных обстоятельствах признание гостыи в том, что она ждет ребенка (любопытно, что расстояние между Токио и Киото примерно равно дистанции между Баксаном и Адыгейском – Т.А.); слово «ребенок» в устах жителя Пекина звучит как «хайцза», а сычуанец так называет свои туфли; входя в автобус, москвич предъявляет «проездной», а ленинградец – «карточку» и т.д. – все это различия, не имеющие какой-либо этнической специфики» – Крюков М.В. Преодолеть догмы... С.58 – 59.

* Несмотря на безупречную компетентность в данный пассаж М.А.Кумахова закралось явное противоречие. Признавая, что до «массового исхода» «западные и восточные адыги между собой общались только на своем родном языке» он, в то же время, наряду с категорией «диалект», оперирует избыточным в контексте буквы и духа изложенной им позиции понятием «адыгские языки». В связи с этим в вышеприведенной цитате оно опущено.

этнологии. Согласно энциклопедической статье В.И.Козлова под термином субэтническая группа подразумевается «общность людей, составляющая часть этноса, занимающая компактную территорию и обладающая в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего самосознания. [С]убэтническая [г]руппа образуется вследствие неполной консолидации этноса (напр. эрзя и мокша в составе мордвы)[41, с.461]. Этот же автор касаясь дефиниции «этнографическая группа» указывает, что таковой является «локальное подразделение этноса, отличающееся языком (диалектом, говором) и отд[ельными] компонентами культуры, но не имеющее своего самосознания этнического»[42, с.461]. Таким образом, различие между двумя этими категориями сводится к частичному наличию «общего самосознания» в первом случае и его полному отсутствию во втором. Рассматривая подобные теоретические выкладки в качестве постулата, вполне объяснимо, что мокша и эрзя были представлены в качестве эталонных субэтнических групп. Также представляется вполне справедливым, например, рассмотрение мегрел, сванов и лазов у грузин, а также иронцев, дигорцев, кударцев у осетин в качестве субэтносов у соответствующих народов. Однако последовательность такого подхода нарушается, когда в качестве субэтнических групп черкесов рассматриваются шапсуги, бжедуги, темиргоевцы или кабардинцы. Ведь, во-первых, по двухфакторной этнолингвистической (эндоэтноним и язык) классификации ни грузины, ни осетины, ни мордва не соответствуют критериям этнической единицы основного уровня. В то время как черкесы являют собой классический образчик этноса, идентифицируемого посредством указанных критериев. А во-вторых, и это главное – означенные общности соответствующих этносов, представляемых как субэтноты, не соответствуют (по уровню самосознания абсолютно, и по языку в подавляющем большинстве случаев) степени этнолингвистической консолидированности, наблюдающейся между локальными подразделениями черкесов. Таким образом, в отношении грузин, мордвы и осетин происходит волевое наполнение заданных государственной системой этнических

контуров. Иными словами, в приведенных случаях динамика этнических процессов направляется в сторону консолидации в условиях интенсивного и всестороннего стимулирования (если не диктата) со стороны заинтересованной в унификации и гомогенизации доминирующей политической силы. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обозримой исторической ретроспекции не наблюдается той стадии этнической консолидации, которая позволяла бы говорить о мордве, грузинах и осетинах как о едином этносе. Таким образом, налицо ситуация, когда разобщенные лингвистически и идентификационно, но близкие по происхождению общности (рассматриваемые в вышепредставленных случаях как субэтноты) посредством мощной институциональной поддержки «обретают» монолитность и идентичность. Естественность черкесского этнического единства на этом фоне просматривается еще рельефнее – невозможно сказать, чтобы образование хоть одной известной локальной группы адыгского этноса предшествовало формированию единой адыгской идентичности.

Здесь, по-видимому, уместно указать на то, что и наличие в черкесской «этнопарадигматике» таких специфичных подразделений (не относимых ни к локально-этнографическим или субэтническим группам) как «агъукЪыпсэ» («ахгутчипсе» – по Хан-Гирею), объединяющее шапсугов и натухайцев и «абазэ жылэ» («абазские общества»), представителями которых являлись наряду с последними абадзехи и убыхи, ни в коей мере не отменяют справедливость выдвигаемого здесь положения о единстве и монолитности черкесского этноса. Первое сообщество отражало лишь мифогенетические представления об общности происхождения двух локальных западноадыгских групп, согласно которым, что весьма примечательно, наибольшую близость к ним имели располагавшиеся в сотнях километрах от черноморского побережья кабардинцы^{*}. Проживанием тех же шапсугов и

^{*} Возможно именно в свете данного обстоятельства Клапрот в самом начале XIX в. указывал, что шапсуги «происходят из того же начала, что и кабардинские черкесы» – Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Пер. с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2008. С.129. Спустя два десятилетия уже Хан-Гирей ярко живописал обстоятельства того, как родоначальники шапсугов и натухайцев, т.е. агучипсов «вместе с предками кабардинского поколения обитали на берегах р. Кабарта», а

натухайцев, а также абадзехов и близкородственных адыгам убыхов «в высокогорных районах» Западной Черкесии «в соседстве и связях» с садзами, медовеевцами и абхазами было обусловлено второе наименование, таким образом, отражая, в значительной мере, природно-географическую специфику ареала расселения перечисленных локальных групп адыгов[28, с.144; 20, с.197].

Нюансированный взгляд на другие аспекты вопроса о выявлении таксономической позиции локальных единиц черкесов позволяет углубить его понимание. Так, еще в конце 80-х гг. XX в., в ходе упомянутой дискуссии о соотношении этноса и субэтноса, эндогамность этнических общностей рассматривалась как один из важных параметров определения их таксономического положения. В этой связи, показательно, что обращалось внимание на прочные эндогамные традиции у рассматривавшихся в качестве субэтносов эрзи и мокши у мордвы, а также теке и йомутов у туркмен[3, с.18]. Рассмотрение ситуации у черкесов не только не обнаруживает каких-либо сведений об аналогиях в стране адыгов за исторически обозримый период, но и позволяет констатировать диаметрально противоположную картину, когда историческая Черкесия была охвачена плотной сетью матримониальных связей. Да и в настоящее время уровень эндогамности у адыгов один из самых высоких в РФ, более чем в пять раз превосходя аналогичные данные, к примеру, мордвы[43, с.237 – 238].

Тогда же С.А.Арутюнов тонко подметил и иной нюанс вопроса. Он, в частности указывал, что «немаловажное значение имеет то, как рассматривается со стороны окружающих доминирующих этносов данная совокупность групп – как нечто целое или как набор разнородных групп» [37, с.30]. В этом плане не приходится доказывать, что в языковом сознании абхазов, ингушей, чеченцев, осетин, грузин, крымских татар, ногайцев, карачаевцев и балкарцев черкесы воспринимаются как единый этнический

затем «отделились от кабардинцев, составив пять родов по фамилии Кобли, Схапте, Севотох, Натхо и Нетдахо, которые под предводительством Абата», являвшегося «родом из кабардинских владельцев или предводителей» «вошли вовнутрь гор». – Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп, 2009. С. 171.

массив. Такое положение, в свою очередь, явилось следствием весьма раннего становления единого адыгского самосознания.

В ходе упомянутой дискуссии ведущими этнологами страны был затронут вопрос о месте диалекта в определении позиций единиц этнической таксономии. Признавая, что «идиомы диалектического уровня могут непосредственно коррелировать с функционированием каких-либо субэтнических групп» задававший тон дебатам М.В. Крюков утверждал, что «лингвистическая классификация... диалектов и говоров может быть вовсе не связана с выделением субэтнических подразделений соответствующего народа»[1, с.59]. Солидаризуясь с этим суждением, специализировавшийся на данном вопросе В.И.Козлов отметил: «Наличие у той или иной части этноса диалектных отличий еще не означает, что эти части являются отдельными субэтнотами»[44, с.45]. Такая позиция в контексте всей совокупности представленных факторов определяющих соотношение этнических и лингвистических характеристик определенно позволяет утверждать, что наличие двух диалектов адыгэбзэ ни в коей мере не препятствует обоснованному постулированию тезиса о едином черкесском языке и, соответственно этносе.

Таким образом, представленная ситуация показывает, что в настоящее время понятие субэтническая группа включает в себя сущности самого разного порядка, тем самым теряя аналитическую ценность.

Одной из ключевых исследовательских проекций, обеспечивающих выявление всей полноты компонентов, определяющих дисбаланс реализации этнических интересов у различных групп в рамках современного федеративного устройства, особенно зримо проявляется сквозь призму географического фактора. Под ним здесь подразумеваются особенности ареалов расселения субэтнических и локально-этнографических групп, степень их территориальной монолитности или же дискретности, а также характер конфигурации административно-территориальных единиц, в рамках которых презумпируется реализация этнических интересов рассматриваемых народов.

Занимая площадь почти в 27 тыс. км², территория Мордовии простирается с запада на восток на 300 км, а с юга на север примерно на 90 – 100 км. В характере расселения титульного населения республики просматриваются две четко фиксируемые особенности. Прежде всего, речь идет о дискретности ареалов расселения мокши и эрзи. Последние, за исключением одного анклава, целиком располагаются в междуречье рр. Алатырь, Сура и Инсар, занимая примерно треть территории республики в ее восточной части. Мокша соответственно обитает, в основном, в бассейне одноименной реки протекающей в западной части Мордовии. В районе столицы республики – г. Саранска, мокшанские (с запада) и эрзянские (с востока) населенные пункты находятся в значительном отдалении, достигающем в широтном направлении 60-ти километров, а в меридиональном существенно превосходя данный показатель. Примечательно, что наряду с русским сегментом этот разрыв в центре республики заполняет крупный анклав тюркоязычных татар, который нависает над столицей республики с северо-запада на северо-восток протяженностью в три десятка километров. Другой особенностью локализации рассматриваемого населения является ее дисперсность и отсутствие территориального континуума в пределах обозначенных ареалов. При этом можно констатировать, что в их границах не наблюдается ни одного доминирующего, обнаруживающего потенциал к организующей роли этнического локуса.

Совокупная площадь субъектов РФ в которых адыгское население является титульным достигает 34 тысяч км². Дистанция между наиболее отдаленными столицами этих субъектов по прямой достигает 330 км. В меридиональном же направлении расстояние между противоположными границами в среднем меньше 90 км, тем самым несколько уступая по этому показателю «габаритам» Мордовии. В целом можно констатировать, что по представленным параметрам речь идет об абсолютно однопорядковых цифрах.

Подобно положению с расселением мокши и эрзи в Мордовии, доминирующей характеристикой локализации адыгского населения на Кавказе является территориальная дискретность между западноадыгской (кяхской) и кабардинской группировками черкесского этноса. Соответственно, этногенерационный потенциал в наибольшей мере сконцентрирован (также как и в Мордовии) на полюсах этнического ареала. Другой заметной особенностью сближающей характер локализации черкесов с мордвой является то обстоятельство, что территориальный разрыв между западным и восточным массивами этноса заполнен русско- и тюркоязычным населением. В то же время в центре разрыва полюсов находится (в отличие от мордвы) крупный массив кабардино-бесленеевского населения численностью более 60 тысяч человек (вместе с ассоциированными в этот субсоциум родственными абазинами, для которых черкесский язык является родным, речь идет о численности, по меньшей мере, в 80 тысяч человек). Таким образом, в центре полосы адыгского присутствия на исторической родине имеется мощный, демонстрирующий устойчивую тенденцию к дальнейшему, на данном этапе, демографическому росту массив черкесского населения (именно он, в рамках российской номенклатуры этносов маркируется в соответствии с древним экзоэтнонимом), объективно реализующий функцию связующего звена и препятствующего деконсолидации географически полярных группировок этноса. Этому способствует, с одной стороны, вкрапленность в этот массив кяхского элемента (шапсугское по происхождению село Эрсакон), а с другой, инкорпорированность четырех крупных кабардино-бесленеевских населенных пунктов в кяхскую группировку черкесского этноса.

Обращает на себя внимание «разноформатность» тюркского присутствия в центральных зонах рассматриваемых этнических ареалов. Татары в Мордовии не являются титульным населением. Они относительно немногочисленны и занимают достаточно ограниченный район. В то же время тюркоязычные карачаевцы в географическом центре черкесского этнического ареала значительно превосходят адыгов по численности в

рамках Карачаево-Черкесской республики, где наряду с последними являются ее субъектообразующим этносом. Вместе с тем, совершенно очевидно, что формирование целостного взгляда на данную ситуацию возможно лишь с учетом ее историко-политического аспекта. В лапидарном изложении его суть сводится к разнице политических статусов двух тюркоязычных этносов в исторической ретроспекции. Если татары в Поволжье на протяжении столетий выступали в роли активных политических творцов и вовлекали в инициированные ими процессы государственного строительства многие финноязычные этносы, в том числе и предков мордвы, то в случае с карачаевцами наблюдается противоположная картина. Лишенный с начала фиксации в исторических анналах и вплоть до вхождения в состав Российской империи политической субъектности или же значимого набора ее элементов, карачаевский этнический социум не выработал традиций самостоятельного политического творчества.

Подобно отсутствию территориального континуума между мокшой и эрзей ареал расселения черкесов также отличается ярко выраженной дисперсностью. В связи с данным обстоятельством вспоминаются слова известного советского этнографа В.П.Алексеева. Он писал, что «народ – это этническая специфика, помноженная на географическую определенность. Спору нет – есть народы, не имеющие сплошного ареала, но в каждом отдельном случае их диаспора объясняется конкретными историческими причинами (в случае с черкесами геноцидом со стороны Российской империи – Т.А.) и изначально этот сплошной ареал существовал»[44, с.24]. В любом случае можно констатировать, что среди этнических ареалов мокши и эрзи отсутствует сопоставимый, например, с этническим массивом «Большой Кабарды» черкесского народа (по географическим, демографическим параметрам и по уровню культурной гомогенности, что в свою очередь обуславливает сохранение высокого уровня эндогамии и необходимой плотности языковой коммуникации) локус генерации мордовской этничности.

В свете рассмотренных в сравнительном плане аспектов этнического бытия мордвы и черкесов можно констатировать устоявшуюся за многие десятилетия систему дискриминации черкесского этноса в РФ, проявляющуюся в его направленной деэтнизации посредством внедрения навязанных идентичностей, искусственном расчленении единого лингвокоммуникативного пространства и консервации сложившейся в результате геноцида XIX в. территориальной раздробленности посредством стимулирования соответствующих административных единиц.

Вспоминая слова Массимо д'Адзельо о том, что «Италию мы уже создали, теперь нам предстоит создать итальянцев» можно сказать, что черкесам предстоит решить диаметрально противоположную задачу: создать гарантированные условия для существования и развития этноса посредством соответствующего политического субъекта.

Примечания

1. Крюков М.В. Преодолеть догмы, изучать реальную этническую ситуацию // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. XVIII. М., 1988.

2. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. №4.

3. Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. XVIII. М., 1988.

4. Мокшин Н.Ф. Мордва // Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

5. <http://ru.wikipedia.org/wiki/мордва>

6. Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993.

7. Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.

8. Кисриев Э.Ф. Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.

9. Соколова З.П. Ханты // Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

10. Козлов В.И. Консолидация. Общие понятия и термины. // Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
11. http://www.vashaktiv.ru/texts/b/b_bekon_2.php.
12. Барбаро и Контарини. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Ленинград, 1971.
13. Георги И.-Г. Описание обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1795.
14. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Спб., 1771.
15. Интериано Джорджио. Быт и страна Зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К.Гарданова. Нальчик, 1974.
16. Кабардино-русские отношения. Сборник документов и материалов в двух томах. Т. I. М., 1957.
17. Архив Внешней политики Российской империи. Ф.115. Кабардинские дела, оп.115/1, 1727. Д. 1.
18. Кабардино-русские отношения. Сборник документов и материалов в двух томах. Т. II. М., 1957.
19. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. Тифлис, 1878.
20. Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.
21. Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992.
22. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа Вып. XII. Тифлис, 1891.
23. Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002.

24. Габуниа З., Гусман Тирадо Р. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010.

25. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D2%ED%>

26. Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010; Нуарьель Ж. Национальная репрезентация и социальные категории: пример политических беженцев // Там же. Если французский историк давал такую квалификацию «административной логике» Третьей республики «навязывавшей национальное и этническое происхождение» беженцам из других стран («украинцы» между двумя мировыми войнами последовательно именуется людьми «русского происхождения»; австрийские беженцы оказавшиеся во Франции после аншлюса их страны, несмотря на протесты с их стороны стали фиксироваться как «немецкие беженцы») то в РФ подобная практика реализуется по отношению к коренному населению.

27. Наряду с мнением о существовании единого марийского языка в литературе встречается, и иной подход, согласно которому речь идет о двух разных идиомах – лугово-восточном и горно-марийском. См.:Н.Ф.Мокшин Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С.3.

28. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С.146 – 147.

29. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн: Исследование. Тексты. М., 2010. На этом фоне весьма примечательно, что российский академик весьма неоднозначно подходил к вопросу о единстве, например, осетинского языка. Он считал, что «дигорский диалект и в грамматических формах значительно отличается, от тагаурского, в то время как куртатинский и алагирский языки находятся с ним в согласии» (С.250.) В связи с этим небезынтересно вспомнить, что, в начале 90-х гг. XX в. «дигорская общественность выступила в пользу придания своему диалекту статуса самостоятельного

языка...» – Дудайти А.К. Проблема «разделенного народа» в контексте грузино-осетинского конфликта и позиция России // *Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола*. Отв. ред. Т.П.Хлынина. Ростов н/Д. 2012. С.53.

30. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. В двух томах. Т.П. Перевод с английского К.А.Мальбахов, Нальчик, 2007. 31.Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. Т.XXI.Тифлис,1900.

32.Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.ХII. Тифлис, 1891;

33.Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.ХХVII. Тифлис, 1900.

34.Александренков Э.Г. Исследовать не только сложившиеся этносы, но и формирующиеся // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. Вып.ХVIII. М., 1988.

35.В этих условиях зримо проступают контуры инверсивной ситуации у черкесов относительно мегрел и сванов в Грузии, где «идиомы, по формальным признакам не отличимые от языков» «функционально равнозначны диалектам» – Арутюнов С.А. Этнические процессы и язык // *Расы и народы*. Вып.ХV. М., 1985. С.32.

36.Лапинский Т. (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Перевод В.К.Гарданова. Нальчик, 1995.

37.Арутюнов С.А. К проблеме этноса и субэтноса // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. Вып.ХVIII. М., 1988.

38.Яковлев Н. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // *Записки Северо-Кавк. Краевого горского научно-иссл. ин-та*. Т.І. Ростов-на-Дону. 1928.

39.В связи с данным обстоятельством весьма показательны слова С.А.Арутюнова о том, что «создание или несоздание литературной нормы (т.е. фактор экстралингвистического порядка) преопределил статус языка

для белорусского, но не дал такого статуса, скажем, северновеликорусскому»
– Арутюнов С.А. Указ.соч. С.29 –30.

40.Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т.І. Нальчик, 2006.

41.Козлов В.И. Субэтническая группа. Общие понятия и термины // Народы России. Энциклопедия. М.,1994.

42.Козлов В.И. Этнографическая группа. Общие понятия и термины // Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

43.Население России 2003 – 2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г.Вишневого. М., 2006.

44.Козлов В.И. О соотношении этноса и языка в системе этнической иерархии // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып.XVIII. М., 1988. С.45.

45.Алексеев В.П. Об иерархии и критериях выделения этнических общностей // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып.XVIII. М., 1988.

РЕЗОЛЮЦИЯ

участников круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы,
перспективы научного осмысления»
г. Нальчик, КБИБ, 28 февраля 2013 г.

Участники круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы,
перспективы научного осмысления»

– исходя из стремления РФ влиться в сообщество демократических государств,

– приветствуя желание к продвижению к подлинному федерализму как основе государственного устройства страны, предполагающему обеспечение сохранности этнического многообразия в РФ,

– «принимая во внимание этнокультурное многообразие региона Большого Кавказа,

– испытывая глубокое уважение к представителям любых народов и конфессий,

– признавая, что каждый народ со своей самобытной культурой и многовековой историей следует по праву считать достоянием всего человечества,

– отмечая нарастание социальной напряженности на Юге России в преддверии Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году, вызванной ангажированным, антинаучным прочтением ряда спорных моментов истории народов Северного Кавказа»*, в т. ч. черкесского народа,

– выражая признательность за инициативу и организацию настоящего мероприятия руководству КБИБ,

– рассмотрев с позиции историзма и объективности определенные аспекты утверждения российского присутствия в стране адыгов и современных проблем черкесского этноса, заявляют:

* Из резолюции участников международного круглого стола «Черкесский вопрос в России в конце XX начале XXI веков: геополитические легенды и историческая память» / Ростов-на-Дону, ЮФУ, 18 декабря 2012.

1. На завершающем этапе утверждения Российского государства на Кавказе, реализовывавшегося преимущественно посредством военного подавления политических акторов региона империя Романовых осуществила геноцид черкесского этноса. «Забвение этой трагедии недопустимо»**.

2. После краха тоталитарного режима и на начальном этапе демократизации российского общества высшие законодательные органы Кабардино-Балкарии и Адыгеи приняли постановления «об осуждении геноцида адыгов (черкесов)» «в период Кавказской войны» (7 февраля 1992 г.) и обращении к Государственной Думе РФ «об официальном признании» совершенного Российской империей преступления против человечности (29 апреля 1996 г.). К настоящему времени данные документы не пересмотрены их инициаторами. Федеральные власти, со своей стороны, не представили компетентной позиции, обосновывающей несостоятельность данных актов.

Таким образом, фактом принятия соответствующими законодательными органами полномочных субъектов РФ постановлений о признании геноцида черкесов, при отсутствии акта о дезавуировании этих документов на протяжении двадцати лет, констатируется частичное признание современным российским государством данного деяния царского режима, квалифицируемого как преступление против человечности. Представляется, что преодоление данного паллиативного состояния посредством признания высшим представительным органом современной России совершенного полтора столетия назад по отношению к одному из коренных народов РФ тягчайшего преступления явится моральным базисом для укрепления межэтнических отношений и откроет качественно новые перспективы для развития федеративного устройства государства.

3. Пребывание до 9/10 представителей этноса на положении изгнанников с исторической родины, продолжающаяся практика этноцида посредством институционального подрыва единой черкесской идентичности и языка, а также отсутствие у черкесского этноса единого субъекта в рамках

** Из заявления участников конференции «"Черкесский вопрос": историческая память, историографический дискурс, политические стратегии». Москва, МГИМО, 24 марта 2011.

4. РФ являются основными последствиями геноцида черкесов. Их преодоление является императивом гарантированного поступательного развития черкесского народа.

5. В целях выработки и реализации дорожной карты, направленной на преодоление основных последствий геноцида черкесского народа в близлежащей перспективе целесообразно создание федеральным центром совместно с правительствами Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик полномочного органа при Правительстве РФ.

6. Ввиду сложившейся ситуации, когда в освещении различных аспектов «черкесского вопроса» устойчиво превалирует паранаучный дискурс, представляется необходимым создание общих площадок для научных дискуссий с широким привлечением интеллектуального потенциала черкесской интеллигенции. В частности, представляется целесообразным инициирование и проведение в рамках академического гуманитарного сообщества международной конференции по «черкесскому вопросу», призванной демонтировать сформировавшиеся в отношении данной проблемы мифологемы.

7. Опубликовать материалы круглого стола.